

Ю.А. Евстигнеев

КЫПЧАКИ/ ПОЛОВЦЫ/ КУМАНЫ И ИХ ПОТОМКИ

К проблеме
этнической
преемственности

В работе излагается этническая история группы тюркских кочевых племен XI-XIII вв., известных в странах Востока как кыпчаки, в Византии и в Западной Европе – как куманы, а на Руси – как половцы.

Предлагаются ответы на многие вопросы, в том числе: являются ли приведенные выше этнонимы названием одного народа или это были разные, хотя и родственные, этносы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

-
- [Юрий Андреевич Евстигнеев](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Сиры \[сеяньто\] – кыпчаки](#)
  - [Введение](#)
  - [Кыпчаки](#)
  - [Физический облик племен Дешт-и Кипчака](#)
  - [Язык](#)
  - [Хозяйство](#)
  - [Социальный состав кыпчаков](#)
  - [Этнический состав населения Дешт-и Кипчака](#)
  - [Верования](#)
  - [Половцы / куманы / куны](#)
  - [Введение](#)
  - [В поисках родины](#)
  - [Завоевание Родины](#)
  - [Численность пришедших племён](#)
  - [Расовый состав куманов/половцев/кунов](#)
  - [Язык куманов/ половцев](#)
  - [Хозяйство и образ жизни](#)
  - [Социальный состав](#)
  - [Религия и монументальное искусство](#)
  - [Враги / союзники](#)
  - [Этнический состав западного Дешт-и Кипчака \(Половецкая земля древнерусской летописи, Кумания западных хроник\)](#)
  - [Замечания и выводы](#)
  - [Нашествие монголов](#)
  - [Золотая орда в судьбе кыпчаков/половцев/куманов](#)
  - [Границы и административное деление](#)
  - [Народонаселение: разные языки и культуры, религии и образ жизни](#)
  - [Этнические процессы](#)
  - [Этнический аспект политического распада Золотой Орды](#)
  - [Современные кыпчаки](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Введение](#)
  - [Алтайцы \(алтай-кижилер\)](#)

- [Башкиры \(башкорттар\)](#)
  - [Казахи \(казактар\)](#)
  - [Каракалпаки \(каракалпактар\)](#)
  - [Киргизы \(кыргыздар\)](#)
  - [Ногайцы, правильно – ногаи \(ногайляр\)](#)
  - [Теленгиты, теленгеты \(тэлэнгеттэр\)](#)
  - [Узбеки \(узбеклар\)](#)
  - [Современные половцы/куманы/куны](#)
  - [Введение](#)
  - [Половцы в Беларуси и России](#)
  - [Венгерские половцы/куны](#)
  - [Выводы](#)
  - [Заключение](#)
  - [Использованная литература](#)
  - [Приложения](#)
  - [№ 1. Физическая антропология средневековых и современных народов](#)
  - [№ 2. Этнический состав куманов/половцев/кыпчаков](#)
  - [№ 3. Физическая антропология и численность современных кыпчаков](#)
  - [№ 4. Краткие сведения о племенах, упоминаемых в книге](#)
  -
  -
-

Юрий Андреевич Евстигнеев

**Кыпчаки / половцы / куманы и их потомки: к
проблеме этнической преемственности**

Голова (монголоидные черты) женской статуи, XII век.

Каменные изваяния женщины (слева) и мужчины в Северном Причерноморье. XII век.

Предисловие

В далеком прошлом обширная территория Евразии от нижнего Дуная до верховьев Иртыша и далее через Джунгарию в Монголию представляла собой степные пространства, пересекаемые в разных направлениях могучими реками и населенные многочисленными кочевыми племенами весьма разными по внешнему облику и языку но очень сходными по образу жизни, хозяйству и материальной культуре.

В XII – начале XIII вв. основная часть великой степи – от Днестра до среднего Иртыша – была заселена тюркскими племенами, известными в письменных источниках соседних с ними стран под разными этнонимами (этноконами): в арабо-персидских и других восточных странах под именем кипчаков, на Руси – половцев, в Византии и через её посредничество в Западной Европе – куманов. Причём, в Европе не известны кыпчаки, а в странах ислама и в Китае не знали половцев и куманов, на Руси куманы отождествлялись с половцами, а в Грузии известных на Руси половцев хана Атрака именуют кыпчаками (1118 г.). В соответствии с этнонимами существовали географические обозначения степи: Дешт-и Кипчак в странах Востока, Поле Половецкое на Руси и Кумания в странах Запада.

Евразийские степи периода XI–XIII вв. хорошо исследованы археологами и историками, хуже изучена историческая этнология населявших их тех самых племён, этнонимы которых отражены в письменных источниках многих стран Европы и Азии, и которые заложили этническую основу многих современных народов.

Многое остаётся неясным: составляли ли эти племена единый этнос или нет, относились ли к единому расовому типу или нет, говорили ли на одном языке или нет. Какова этническая преемственность этих племён и их предполагаемых биологических потомков.

Предлагаемая книга является попыткой ответить на поставленные выше вопросы.

Приятного чтения! Надеюсь, что оно будет интересным и полезным.

Сирь [сеяньто] – кыпчаки

Источники: древнетюркские надписи Тоньюкука и на памятнике Бильге-кагана, VII в., китайские династийные хроники/ «истории» (IV–VIII вв.).

Литература: Кляшторный С.Г. Наскальные рунические памятники Монголии.// Тюркологический сборник 1975. М., 1975; Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках.// Turcologica. К 80-летию академика А.Н. Кононова. Л., 1986.

До недавнего времени в тюркологии прочно бытовало мнение А.Н. Бернштама, что этноним «кыпчак» является исконным названием соответствующего этноса (группы племен) и впервые упоминается в китайской династийной хронике в 201 г. до н. э. под названием «кюеше» (Бернштам, 1951). В настоящее время принято мнение С.Г. Кляшторного о том, что исконным этнонимом кыпчаков было их древнетюркское наименование «сиры», упоминаемое в рунических надписях VI–VIII вв. и известное в китайских источниках IV–VIII вв. под наименованием «се», а затем – «сеяньто» (в V в., когда сиры названы вместе с покоренным ими племенами ямтар или яньто). Кыпчаками же сиры/сеяньто стали позже.

В первых веках новой эры в степях от Алтая до Хингана кочевали многочисленные племена, называемые в китайских источниках потомками хунну и известные под общим именем «теле» (тегрег – «телега», т. е. тележники) или гаогюй («высокие повозки») и кочующие на своеобразных повозках. Сами же теле называли себя «огузами» («племена») и конкретными племенами: так, в хронике династии Суй (581–618 гг.) были названы 15 племенных групп (юаньгэ, сеяньто, дубо, гулигань, пугу, киби, доланьгэ, байегу, тунло, хун (кун), сыгье, хусье, адье, хигье, байси), в начале VII в. выделяется конфедерация 10 племен уже не теле, а огузов, в т. ч. сеяньто, хойху, киби, кун, сыгье, адье, тунло, байси, байегу, пугу. После образования Первого Тюркского каганата (552 г.) племена теле вошли в его состав, составляя основу его населения и военную мощь. Распад каганата на Западный и Восточный (603 г.) разделил племена теле (и некоторые конкретные племенные группы, напр., сеяньто) на две части. Уже в 605 году сеяньто, кочевавшие в Восточном Тянь-Шане восстали против Западно-Тюркского каганата и откочевали к своим сородичам в Отюкен (Хангай), Восточный Тюркский каганат, образовав там особый округ (619 г.) во главе с шадом, братом кагана. В 628 году разразилось восстание племен теле (огузов), возглавляемое сеяньто (сирами) и хойху (уйгурами) против восточно-тюркского Эль-кагана. Каган бежал на юг, оставив Отюкен восставшим. Воспользовавшись восстанием огузов, танский император Тайцзун нанес поражение армии Эль-кагана и ликвидировал Восточный Тюркский каганат (630 г.). После падения каганата, борьба за власть в Хангае между сеяньто и уйгурами, начавшаяся после бегства кагана, закончилась победой сеяньто: в Северной Монголии появился Сирский каганат во главе с династией Ильтер. Каганат включал территорию от Алтая до Хингана, от верховьев Енисея до Гоби, со ставкой на северном берегу реки Толы. Административно новый каганат повторял старый (Тюркский) каганат, например, деление на западное (тардуш) и восточное (тёлис) крылья, возглавляемые шадом, сыновьями кагана. В 641 году разгорелась война между сирским Иенчу Бильге-каганом и родственником погибшего тюркского Эль-кагана, а после того, как сиры разгромили этого ставленника Китая, им пришлось сражаться с самими китайцами. В 646 году против сиров восстали токуз-огузы во главе с уйгурами. Они обратились за помощью к китайцам и вместе разгромили сиров. Сирский каганат (630–646 гг.) прекратил свое существование, попытка сиров восстановить его была подавлена Китаем в 668 г. Сиры вместе со своими недавними соперниками древними тюрками оказались под властью танского Китая и в 679 году подняли антикитайское восстание. Два года сиры и тюрки вместе воевали против императорских войск и после победы (681 г.), в восстановленном (втором) Тюркском каганате разделили власть: в надписи Тоньюкука (726 г.) они названы вместе (тюрки и

сиры) в качестве господствующих племен (в качестве подчиненных племен были токуз-огузы и другие племена). В памятнике Бильге-кагану (735 г.) тюрки были названы господствующим племенем, сиры («шесть сиров» в источнике) вторыми по иерархии власти племена, подчиненными оставались огузы и эдизы. Однако власть тюрков и сиров во втором Тюркском каганате подверглась испытанию могучим племенным союзом – токуз-огузов («девять племен») во главе с уйгурами в 687–691 гг., в 714–715 гг. и 723–724 гг., пока очередное восстание токуз-огузов не закончилось разгромом второго Тюркского каганата (в 744 году). Побежденные тюрки исчезли как этнос, но их этноним стал наименованием группы языков (тюркских) и самоназванием совершенно нового народа – турок. Разгромленные племена сиров бежали с берегов Толы и Орхона на Северный Алтай и Восточный Тянь-Шань. После 735 года, когда они упоминаются в последний раз, исчезает их этноним, но не этнос, который лишь меняет одно название, вполне достойное, на другое с уничижительным значением («злосчастные») – кыбчак (кыпчак, кипчак). Окончилась история сиров/сеяньто (С.Г. Кляшторный, Т.П. Султанов, 2004, с. 121–129).

В заключение о сирах/сеяньто можно добавить, что по свидетельству китайских хроник, в частности «Таншу», сеяньто были самые сильные из племён теле, они по своим обычаям сходны с древними тюрками. Во всяком случае, обряды захоронения в сросткинской археологической культуре, которая считается типичной для кыпчаков, являются усовершенственным (усложненным) древнетюркских обрядов трупоположений с конем (особенно в ее развитии второго и третьего этапов, IX–XII вв.). Как и древние тюрки, сеяньто, а за ними и кыпчаки практиковали установки антропоморфных памятников усопшим на курганах...

Источники: памятник Элитмиш Бильге-кагана (Селенгитский камень, 760 г.), материалы археологии, в т. ч. палеоантропологии, китайские хроники, начиная с «Таншу»; сочинения мусульманских, главным образом арабо-персидских авторов, особенно труды Ибн Хордадбеха (820–913 гг.), «Границы мира» (Худуд ал Алам) анонима (983), Абу-л-Фадла Бейхаки (906–1077 гг.), Насир-и Хосрова (1004–1072 гг.), Абу Саида Гардизи (XI в., годы жизни не известны), Махмуда ал Кашгари (XI в., годы жизни не известны), Абу-л-Хасана Али Ибн ал Асира (1160–1233 гг.), Ала ад-Дина Джувейни (1226–1283 гг.), Фазлаллаха Рашид-ал-Дина (1248–1318 гг.).

Основная литература: исследования С.М. Ахинжанова, О. Исмагулова, С.Г. Кляшторного, Б.Е. Кумекова, К.Ш. Шаниязова.

760 год – надпись на памятнике Элитмиш Бильге-кагана о том, что тюрки и кыпчаки пятьдесят лет господствовали над тогуз-огузами, возглавляемыми уйгурами, стал отправной датой появления нового этнонима, со временем ставшего весьма обычным в историографии средневекового Востока и пережившего сам этнос, носителя этого этнонима...

В VIII в. с года первого упоминания в нарративном источнике названия «кыбчак» до наименования их в списке тюркских племен прошло более ста лет: к этому времени, когда начальник почтовой службы одной из областей Ирана во время правления арабского халифа аль Мутамида (870–892 гг.) в своей «Книге путей и стран» (к IX в.) Абу-л Касим Убайдаллах ибн Абдаллах Ибн Хордадбех назвал ряд тюркских племен – тогуз-гузз, карлук, гуззы, кимаки и в том числе кыпчаков (в арабском произношении хифчак). Очевидно, что после бегства из Отюкена (Хангай, современная Монголия), вызванного разгромом Второго (Восточного) Тюркского каганата (в 744 году), и расселения сеяньто на Северном Алтае (на Тянь-Шане, к северо-западу от города Кашгар в XI веке Махмуд аль Кашгари отмечает «ближних» кыпчаков (Насилов, 2009, с. 290), где их «обнаружили» археологи по характерному обряду погребения, беглецы расселились уже на территории современного Казахстана, где и попали в поле зрения чиновника Арабского халифата. Абу Саид Гардизи, живший намного позже Ибн Хордадбеха, на основании более ранних источников в своем труде «Украшение известий» (ок. 1050 г., когда государство кимаков уже не существовало) привел интересные данные о происхождении, как полагают, родственных кыпчакам кимаков, о Кимакском государстве, этническом составе его населения. Кыпчаки занимали в Кимакии особый район – Андар-аз-Хифчак, пользовались известной автономией, но царя им назначал каган кимаков, сами кимаки занимали Прииртышье и назывались йемеками, эймуры (ими) и байандуры расселялись по реке Сыр-Дарья по соседству с огузами, в составе которых помещают их более поздние источники. Неизвестны места обитания татар, аджлад и ланиказ. После падения Уйгурского каганата (840 г.) в страну кимаков последовали новые переселенцы, а за ними еще, после того как усилившиеся в X веке кидани стали вытеснять восточных тюрков с их исконной территории. Степень устойчивости кочевой державы кимаков была подвержена автономией подчиненных племен, управляемыми «своими» царями, она не выдержала напора новых мигрантов, и в степи севернее Хорезма сменился «хозяин». Об этом сообщил иранский поэт и путешественник (следовательно, знал то, о чем писал) Насир-и Хосров аль Марвази в своем «Собрании» («Диван», 1030 г.). Путешествуя по Средней Азии, Насир-и Хосров хорошо знал обстановку в степи на севере близ границ

Хорезма, который в то время (XI век) входил в состав государства Сельджукидов, поэтому его сообщения заслуживают доверия. Насир-и Хосров первым и надолго назвал обширные земли севернее Сыр-Дарьи по-персидски Дешт-и Кипчаком, т. е. «Степью кипчаков», вместо их наименования арабскими географами в X в. Мафазат ал-гузз («степь огузов»). Это значило что: 1) на границах Хорезма уже не господствовали огузы; позже, под давлением новых мигрантов с востока, они ушли в Северное Причерноморье; 2) уже не было государства кимаков; 3) на территории от Иртыша до Волги наиболее сильными стали кыпчаки. Те самые сирь (сеяньто), получившие после ряда поражений название кыпчак, т. е. «злополучные, злосчастные» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 449). Не совсем ясно: то ли сирь сами сменили этноним, чтобы не привлекать злых духов, то ли так их прозвали их враги – токуз-огузы во главе с уйгурами, разгромившие сиров в 647 и в 744 годах. Представляется, что более вероятно второе, ибо впервые сирь так были названы в надписи в памятнике **уйгурского** Элетмиш-Бильге-кагана («кыбчак», 760 г.), а в перечне племён Дешт-и Кипчака в сочинениях арабо-персидских авторов этноним кыпчак отсутствует. Быть может семантика этнонима «кыпчак» («злосчастный») ещё не была забыта, как и судьба Сирского каганата, и потому кыпчаки не создали единого государства, подобного Сирскому или Кимакскому каганатам? Но усилившись, они очень быстро, по свидетельству хорасанца Абул-Фазла Бейхаки в своем труде «История Масуда» (1035 г.), проникают в Хорезм и приобретают в нём большое влияние. Роль кыпчаков в истории Хорезма хорошо изучена казахстанским историком С.М. Ахинжановым в его работе «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» (Алма-ата, 1989), которая и стала основой настоящего исследования (привлечение других авторов будут оговариваться особо со ссылками на их работы).

Первые сведения о союзнических отношениях между Хорезмом и кыпчакскими племенами известны с конца XI века. В 1095 г. сельджукским султаном Санджаром в подвластный ему Хорезм был назначен хорезмшахом его гулям (раб) Акинджи ибн Кочкар из племени кунов, этнически родственном предкам кыпчаков – племенам сиров (куны вместе с сирами/ сеяньто упоминаются в китайских источниках IV–VI вв. в составе племен теле). Акинджи ибн Кочкар в 1096 году погиб, его сын Тогрул-тегин заключил союз с кипчаками Мангышлака и выступил против шаха Хорезма с целью возвращения власти, но неудачно. Дальнейшая история взаимоотношений Хорезма и кыпчаков не известна до конца XII века. К этому времени в Дешт-и Кипчаке произошли определенные сдвиги в передвижениях и перегруппировках племен, часть их ушла в Северное Причерноморье, определились очертания более-менее стабильных владений. В Хорезме вступил на престол, вначале как вассал сельджукского султана (1172 г.), а с 1194 г. независимой страны хорезмшах Абул Музаффар Текеш (1172–1200 гг.).

В 1182 г. центр одного из владений кыпчаков город Сыгнак был захвачен хорезмшахом Текешем, в том же году в Джэнд пришел кыпчакский хан Алп-Кара Уран с изъявлением покорности, возможно вызванной потерей Сыгнака. Он привел с собой сына Кырана, вождя «сыновей югуров» (очевидно, потомки группы уйгуров, бежавших после падения Уйгурского каганата в 840 г. к кимакам и признавших «покровительства» сына хана династийного племени). Хан и его сын приняли ислам, а сам хорезмшах Текеш женился на дочери Кадыр-хана, внучке хана Алп-Кара Урана Теркен-хатун. Племя уран, по мнению С.М. Ахинжанова, было из йемеков, которые были потомками монгольского, по сообщению Несеви, племени каи. Это племя, став одним из династийных, пользовалось большим влиянием при сыне

Текеша хорезмшахе Мухаммаде II (1200–1220 гг.), находившемся под большим влиянием своей матери, которая была из племени уран (по данным других авторов она была из племени канглы). Выходцы из племени уран заняли важные государственные посты, в частности наместником города Отрара был назначен кузен хорезмшаха Мухаммада (племянник его матери). Уже при правлении хорезмшахов Иль-Арслана (годы правления 1156–1172 гг.) и его сына Алаэддина Текеша (1172–1200 гг.) основными частями хорезмийской армии стали наемники из числа кыпчаков. Накануне монгольского вторжения кыпчаки буквально наводнили страну, составляя и в мирное время основу армии (например, у Теркен-ханум в качестве личной охраны был 10-тысячный отряд ее соплеменников) и вооруженных гарнизонов многих городов. Борясь со своеволием своей властной матери и неподчинением «кипчакских родственников» (например, в 1210 году он подавлял восстание кыпчаков близ Дженда, в 1216 году совершил поход против Кадыр-хана в Дешт-и Кипчак, где встретился с монгольским отрядом, который преследовал меркитов), Мухаммад II не доверял кыпчакам в своих войсках, этим во многом объясняется его уклонение от решительного сражения с монголами в 1218–1220 гг. И действительно, лишь Каир-хан Инальчик, наместник Отрара и виновник «отрарской трагедии» (убийство послов и купцов монгольского каравана в 1218 гг.), чувствуя «расплату» отчаянного защищал город, а потом и цитадель города от превосходящих монгольских сил. Сын Мухаммада Джелал ад-дин был женат на женщине того же племени, что и Теркен-хатун, его сын – на дочери хана племени канглы. Джелал ад-дин долго воевал с монголами (и с народами Южного Кавказа). Возможно кыпчакские племена, связанные родством с династией хорезмшахов отчаянно сопротивлялись монголам, чувствуя свою незавидную участь (мусульманские авторы, описывая монгольское завоевание Хорезма, не отмечают «героические подвиги» его кыпчакских защитников, отмечая лишь беспощадное уничтожение монголами канглы, возможно как наиболее организованное и потому опасное племя).

Остальные племена кыпчаков, за исключением обитавших в Дешт-и Кипчаке, бежали из Хорезма, либо переходили на сторону завоевателей. Даже в Дешт-и Кипчаке далеко не все местные племена оказывали сопротивление монголам, хотя письменные источники не дают точного представления о политической обстановке в Дешт-и Кипчаке накануне и в ходе монгольского вторжения в 1218–1229 годах. Имеющиеся письменные источники сообщают лишь о двух случаях в позиции местных племен по отношению к монголам. По сообщению династийной хроники «Юаньпи» один из военных сподвижников монголов Тутуха был из племени «Циньча» (кыпчак), территорией которого первоначально была у гор Аньдоган на реке Жэлянчуань, откуда его племя мигрировало на северо-запад и обосновалось у гор Юйболи при «государе» Цюйу (ок. 1115–1125 гг.). По мнению П. Пелльо переселенцы были из племени байаут (Рашид-ад-Дии упоминает это племя на реке Селенге), а имя «кипчак» племя «присвоило» на новом месте. По мнению С. Ахинжанова существует две версии сходные в том, что некое горное племя (Аньдозань) переселилось близ гор Юйлиболи (Урал), их вождь (Кунан) назвал свое владение Киньча, а байауты приняли этноним юйлиболи (ильбари, эльбули, ольбурлик); таким образом, монгольское племя байаут с Селенги стало тюркским «эль бурли» («народ волка»). Но не это главное. В 1216 году именно к этому племени откочевали меркиты, спасаясь от Чингисхана. Преследуя меркитов, шел монгольский отряд Субэдэй-багатура; он нагнал и разгромил меркитов в р-не реки Ирғиз. Были ли вместе с меркитами в бою союзные им кыпчаки – в источнике ответа нет. Опасаясь местимонголов за согласия кыпчаков принять меркитов сын «провинившегося»

хана Тугухта отправил посла к Чингисхану с выражением покорности. С другой стороны Рашид-ад-дин и Джувейни свидетельствуют, что после нескольких битв, проигранных кыпчаками монголам, им оказывал сопротивление только отряд некого Бачмана, из кыпчаков племени ольбурлик (т. е. те же эль бурли, борили), пока не погиб в дельте Волги в 1237 году. Сходная ситуация была и в Западном Кипчаке (см. половцы).

Физический облик племен Дешт-и Кипчака

Антропологическим изучением древнетюркских кочевников занимались Г.Ф. Дебец (1948 г.), В.В. Гинзбург (1946, 1954, 1956 гг.), В.П. Алексеев (1961 г.), Н.Н. Миклашевская (1956, 1959 гг.), Б.В. Фирштейн (1967), О. Исмагулов (1982) и другие.

Из их опубликованных материалов хорошо видно, что на крайнем востоке расселения тюркские племена обладали хорошо выраженным монголоидным расовым типом. В Южной Сибири, на Алтае и в Казахстане антропологический тип тюркских кочевников средневековья характеризовался разной степенью смешения монголоидной и европеоидной рас, причем соотношение монголоидных и европеоидных черт в расовых типах отдельных племен не следует строго последовательно с востока на запад, как это можно было бы предположить.

Погребения тюрков очень сходны на всей территории их расселения, отличаясь лишь деталями. Их курганы представляют собой небольшие земляные или каменные насыпи. Погребения производили в грунтовой яме, иногда в подбое, иногда в деревянном ящике. Тело (с 634 г.) укладывалось в вытянутом положении на спине, головой на запад (булгары, хазары, печенеги, обузы) или северо-восток (кимаки, кыпчаки и другие восточно-тюркские племена). В инвентаре погребения были найдены принадлежности конной сбруи, оружие, посуда, кости домашних животных, в погребениях женщин – ножницы, шила, украшения, зеркала. Особенностью древних тюрков, сиров, кимаков и кыпчаков были погребения с конем (целая туша или голова и конечности), кроме того, на курганах ставились каменные антропоморфные статуи в сидячем или стоячем положении, мужские и женские, лицом на восток.

Физический облик сеяньто не известен, можно лишь предположить, что он не слишком отличался от расовых черт древнетюркского этноса, который обладал, судя по каменным изваяниям, чертами монголоидной расы. Переселившись на Северный Алтай сеяньто, т. е. уже кыпчаки, подчинили себе местные племена и смешались с ними, приобретя несколько иные расовые черты. По данным Г.Ф. Дебеца население Северного Алтая в VIII–X вв. (сросткинская археологическая культура) характеризовалось мезокрацией (гол. указ. 78,2), несколько уплощённым широким лицом (скул, диаметр – 140,4 мм), средневыступающий нос (угол выступания носа – 25,1). В целом это были люди смешанного в расовом (европеоидно-монголоидной расы) отношении типа. С Северного Алтая кыпчаки продвигаются на территорию современного Казахстана, где продолжают смешиваться с местными племенами, также относившимся к различным вариантам смешанных между европеоидной и монголоидной расами типов.

Расовую принадлежность племён Дешт-и Кипчака изучил казахстанский антрополог О. Исмагулов. По его данным кимаки (Прииртышье и Восточный Казахстан) характеризуются крупной головой, брахикрацией (г.у. 81,0), средненаклонным лбом, широким (ск. д. 134–140 мм) лицом, значительно, хотя и не очень резко выступающим носом. Головы женщин были длиннее, чем у мужчин, в пределах мезокрации (г.у. 78,5), среднешироким лицом (ск. д. 126–129 мм), слабее выступающим носом. В целом тип кимаков характеризуется смешанным (монголоидно-европеоидным) типом, но с преобладанием (особенно в Прииртышье) европеоидных признаков. Кыпчаки более монголоидны: мужчины характеризуются большей брахикранией (г.у. 84,2–85,8), более широким лицом (ск. д. 142,3–143,2 мм),

слабовыступающим носом (угол выступления— 22,0-22,9) – характерные признаки южносибирской (европеоидно-монголоидной) расы. Несколько более монголоидными оказались кыпчаки р-на реки Урал. Указанные данные имеют средние показания; индивидуальные (по отдельным признакам) имеют некоторые отклонения в сторону европеоидности или монголоидности. Помимо степных кочевников, в городах и сельских поселениях проживали выходцы с южных областей – Хорезма, Согда, а также рабы разного этнического происхождения. В целом, племена Дешт-и Кипчака характеризовались смягченным вариантом южносибирской расы, в котором сочетание европеоидных и монголоидных черт было в XII в. примерно поровну (50:50, Исмагулов, 1982). Если сравнить исторических кыпчаков с современными народами, то по физическому облику (соматологически) наиболее близкими к ним окажутся юго-восточные башкиры и казахи Западного Казахстана.

Мнения о светловолосости и европеоидности кыпчаков, основанные на сомнительных китайских и иных (арабских, грузинских) письменных источниках и авторитетных исследованиях (Л.Н. Гумилев), в настоящее время можно считать неверными. Разумеется, отдельные индивиды из них могли иметь нетипичную для физического облика людей южносибирской расы с изрядной долей монголоидных черт внешность, но в массе это были люди смуглые, черноволосые и кареглазые, слегка скуластые и узкоглазые с прямыми жесткими волосами, заплетенными в косы (судя по каменным статуям).

Источники из сочинений, написанных людьми, носят субъективные мнения их авторов в зависимости от их симпатий или антипатий. Более объективны данные палеоантропологии.

О языках тюркских племен, в том числе кыпчаков, ценную информацию содержит «Свод тюркской лексики» (Диван лугат ат-турк, 1074/) Махмуда ибн Хусейна ибн Мухаммеда ал Кашгари. Согласно его данным, в XI в. существовал единый тюркский язык, подразделявшийся на наречия: западное (на нём говорили племена болгар, сувар, печенег, огуз, кыпчак, йемек) и восточное (чигиль, тухси, ягма, ыграк, джарук, кыргыз, уйгур и кроме того было «хаканское» наречие); племена «кай, ябаку, татар, басмыл говорят на своих языках (по мнению В.В. Бартольда – монгольской группы), вместе с тем, они хорошо говорят и по-тюркски» (Советская тюркология, 1972, 1, с. 13–14). Таким образом, кочевые племена по языку подразделяются на: 1) говорящих на наречиях тюркского языка (15 племен) и 2) двуязычных, говорящих на тюркском языке и имеющие «свои языки» (5 племен или племенных групп).

Древнетюркский язык подразделялся, по данным Махмуда ал Кашгари, на западное и восточное наречия. Наречия отличались друг от друга произношением многих слов – во многих словах сочетались звуки б/м: западное «бен» соответствует восточному «мен» («я»), бинг– минг («1000»), звуки х/к, например, *хызым*– *кызым* («дочь»), а также некоторые другие сочетания: *тебе* – *тывы* («верблюд»), *азак* – *айак* («нога») и т. д., а также лексикой.

Из 52 слов кыпчакского диалекта 16 слов свойственны только кыпчакскому диалекту, т. е. отличные от других диалектов, 32 – общие с огузским, 6 – с йемекским, 6 – с суварским, 5 – с ягма (Курышжанов, 1974, 1, с. 52). Таким образом, к кыпчакскому диалекту наиболее близко по лексике был огузский, а не йемекский диалект, как можно предположить исходя из географии расселения и исторической общности этих племенных групп.

Скотоводство

Кыпчаки занимались скотоводством, разводили в основном овец, лошадей и верблюдов; крупный рогатый скот занимал в их хозяйстве незначительное место, так как он не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса, к добыванию зимой корма из-под снега. Ведущее место занимали овцы, которые давали всё: мясо и молоко для пищи, кожу и шерсть для одежды и обуви, из сала изготавливали хозяйственное мыло. Кыпчакские овцы отличались выносливостью и крупными размерами. Очень многое в жизни кочевников значила лошадь. Служа ему как транспортное (под верх и в повозке) средство, лошадь давала кожу для одежды и гриву для производства веревок. А мясо и молоко (кумыс) служили лучшей едой и питьем. Охота верхом и конные состязания были спутниками многих праздников. Без боевого коня нельзя было представить себе воина. Степные лошади отличались большой выносливостью, неприхотливостью, легко переносили суровые условия круглогодичного выпаса на подножном корме – все это сказывалось на внешнем виде лошадей: они были невелики ростом, редко красивые статуями. Пороdistые скакуны (аргамаки) были редкостью в Дешт-и Кипчаке, ими владели ханы и аристократия. Уже тогда славилась туркменские лошади [1]. Значительное место, особенно на юге, занимало верблюдоводство: верблюды были незаменимы при перекочевках и перевозках грузов (напр., перевозки домов-кибиток, поставленных на колеса). Кроме того, верблюжью шерсть использовали в изготовлении одежды и ковров, а напиток из молока (шубат) ценился наравне с кумысом. Разводили (как и в Центральной Азии) двугорбых верблюдов, привычных к суровому климату Восточного Дешт-и Кипчака. Там, где позволяли природные условия и образ жизни, разводили крупный рогатый скот, помимо использования в пищу и приготовления одежды, быки использовались как гужевые животные. Кочевали с временным (сезонным) оседанием: зимой на юге (зимовки близ рек Сыр-Дарья, Чу и их притоков во владениях ханов из племени уран, в Приуралье, в низовьях Волги и Яика – владение ханов – ильбари), а летом на севере (летовки – в верховьях Урала на Тоболе-Ишиме до низовьев Иртыша), весной и осенью кочевали по пути к летовкам или зимовкам, останавливаясь на время, пока скот не употребит всю траву. Пастбища на летовках и зимовках являлись собственностью родов и племен.

Кочевали кыпчаки в кибитках «кюйме» (жилища из войлока или шкур животных), установленных на больших четырехколесных повозках и малых – двухколесных арбах. В больших кибитках ездили старики, дети, женщины, в малых – знатные старики или женщины (ханы, не способные ездить верхом, пожилые «хатун»).

Земледелие. Охота и рыболовство

Добровольно заниматься земледелием кочевник-скотовод не станет, лишь в случае потери скота или невозможности вести кочевой образ жизни (болезнь, физические недостатки и т. п.) вынудят такого «заброшенного» (ятук) судьбой перейти к оседлости и заняться выращиванием простейшей культуры – проса (ал Омари, XIV в.). Земледелием занималось соседнее с кочевниками население и колонисты с юга. Между кочевниками и оседлыми народами существовал обмен: земледельцы поставляли свои продукты питания в обмен на мясо, кожу, шерсть, молочную продукцию в определенных местах. Часто «ятюки» служили пастухами у своих богатых сородичей. Иногда они занимались конокрадством, хотя

это преступление строго наказывалось: «тот, у кого найдут краденого коня, обязан возвратить его хозяину и дать ему девять таких же коней, если нет коней – забрать у него ребенка, а если и его не было – вора убивали» (Ибн-Баттута, XIV в.).

Имея лошадь, «ятук» мог промышлять охотой, хотя это было опасным занятием – охотиться в одиночку. Кочевник, не имеющий коня, мог заняться рыболовством и стать рыбаком («балыкчи»), но оно было самым непрестижным занятием в степи. Известны оседлые поселения в Дешт-и Кипчаке, главным образом, в горных районах (в Улутау, например, найдены развалины поселений), на берегах рек Ишима, низовьев Нуры, на Иртыше и Яике; на Сыр-Дарье располагалось много городов, где развивалась торговля (среди купечества или в охране торговых караванов, несомненно, были и кыпчаки).

Ремесло было развито очень слабо: господствовало натуральное хозяйство; причем существовало жесткое распределение обязанностей: «Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют попечение о стадах... Они (мужчины) охотятся и упражняются в стрельбе, а жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов...» (Плано Карпини). Но были и профессиональные специалисты по отдельным видам ремесла, напр., изготовители луков («йачи»), стрел («окчи») и копий («сунучи»), рудокопы и кузнецы («темирчи»). Очевидно, были и мастера по изготовлению каменных статуй, устанавливаемых на курганах, где погребались знатные покойники (см. религия).

Социальный состав кыпчаков

Дешт-и Кипчак, Степь Кыпчаков, по-тюркски Кум Кыпчак или Кыпчакстан, как называлась бы эта страна в настоящее время. Она, эта страна, никогда не была государством, вопреки мнению некоторых казахстанских историков [2] . По мнению С.М. Ахинжанова, в Дешт-и Кипчаке (на территории современного Казахстана) располагались в XII – нач. XIII вв. три основных владения: владение племени уран (из йемеков-каи) на востоке степи с центром в городе Сыгнак, владение династийного племени ильбари (в Центральном и Западном Казахстане) и некоего владения на Мангышлаке, где был «свой царь», но до сер. XII в., когда это владение упоминается в последний раз (Ахинжанов, 1989).

Эти владения управлялись ханами из определенных, т. н. «династийных», племен, следовательно, и ханские племена считались «знатными» среди других племен; на социальной лестнице ниже хана стояли беги (беки), ещё ниже были свободные общинники, ещё ниже – зависимые люди, невольники (рабы). Рабство было патриархальным. Главным источником пополнения рабов – набеги, межплеменные войны; в неволю обычно увозили женщин, девушек, иногда мальчиков и юношей, намного реже – взрослых мужчин, особенно воинов. Стремление кыпчаков захватить в плен, прежде всего, девушек и женщин явно указывает на преобладание в кыпчакском обществе домашнего рабства; они чаще оставались в пределах племени, их захвативших, в то время как юноши и немногочисленные мужчины из мирных жителей продавались или выпускались за выкуп (обычно знатные пленники). Рабы (кул) и рабыни (курнак, яланкуг) выполняли самую тяжелую и грязную работу; красивые невольницы становились наложницами хозяина (хана, бега и т. п.). Социальный статус детей от наложниц не определен (нет подобных сведений в нарративных источниках XII–XIII вв.).

Этнический состав населения Дешт-и Кипчака

По сообщению мусульманских авторов XIV в. Ахмеда ат-Тани (1235–1318 гг.) и ад Димашки (1301–1349 гг.): в Дешт-и Кипчаке (современный Казахстан) кочевали эльбори (борили), барак, дортоба (дурут), бурджоглы, йемек, токсоба, йетиоба, манкуроглы, ал-арс, куманлу, башкурт, карабаглы, уз, джортан (шортан), баджанак и кара-берекли, из которых ханскими (династийными) были эльбори (иль-бари) и токсоба (племенной союз из 9 родов), т. е. токуз оба; в XII в. севернее Приуралья образовался новый племенной союз канглы, получивший в XIII в. широкую известность благодаря их политической активности в период монгольского нашествия. В перечне имен узнаваемы по разным источникам огузы (узы), печенеги (баджанак, возможно караберекли), аланы (ал-арс), известно, что тортоба («дурут» в источнике) были кипчакского (Ибн Халдун) происхождения, а токсоба– монгольского, кипчакскими очевидно были и эльбори (борили), так как они были ханским племенем. Племени с этнонимом «кыпчак» указанные авторы (как и другие авторы XII–XIII вв.) не знали. В восточных источниках кипчаками называли все племена Дешт-и Кипчака: например, Ибн-Халдун, перечислив в своём труде «Книга поучительных примеров» (1400 г.) одиннадцать кипчакских племён, добавил, что «они не одного рода», т. е. этнического происхождения (Кумеков, 1993, с.72).

Верования

Кыпчаки XI–XII вв. исповедовали шаманизм, в его особой форме – тенгрианство. Владыкой Верхнего мира и верховным божеством является Тенгри, он определяет сроки жизни людей, но рожденьями их «распожжалась» Умай – богиня плодородия. Владыкой Среднего мира и верховным было божество «Священная Земля – Вода» (Ыдун Иер-Суб). Владыкой Нижнего мира был Эрклинг, ведающий смертью всех живых существ. Помимо главных существовало множество второстепенных божеств, в том числе Солнце (Кун) и Луна (Ай), а также вера в родство с некоторыми животными, тотемизм. Для большинства тюркских племен главным тотемом был сивый волк.

Особое место в верованиях кыпчакских племен занимал культ предков. Он выражался в установке каменных антропоморфных фигур (т. н. «каменных баб») вблизи погребений знатных, почитаемых мужчин и женщин (детских статуй нет). Статуи ставились на возвышенных местах лицом на восток. Статуи (X–XI вв.) были изготовлены примитивно, изображение (прорисовка) лица – схематично, более поздние стали выполняться художественнее и реалистичнее. В Дешт-и Кипчаке известны только ранние изваяния, в том числе 115 древнетюркского происхождения и 108 – кыпчакского. Кстати, сиры, предки кыпчаков, не ставили каменные изваяния, этот обычай очевидно появился позже.

Уже в конце XI века среди кыпчаков распространяется ислам: вначале среди выходцев из степи, поселившихся в мусульманских городах по берегам Сыр-Дарьи или переселившихся в Хорезм. В XII в. ислам принимают кипчаки: аристократия и воины, прежде всего династийного племени уран, в т. ч. хан Кыран (Кадыр-хан) и Алп-Дерек (Кайир-хан). Но в глубине Дешт-и Кипчака, вдали от границ Хорезма и мусульманских городов юга, кыпчакские племена строго придерживались религии предков, почитали своих шаманов («камов») и гадателей («ямгурчи»).

Источники: материалы археологии и палеоантропологии; древнерусские летописи («Повесть временных лет» и другие) и литературные памятники, византийские и венгерские хроники; сочинения мусульманских авторов – Шафара аз-Замана Тахира Марвази (XII в.), Абу Рейхана ал Бируни (XI в.), Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Мухаммада ал Идриси (XII в.); сочинений грузинских авторов – Джуан-шера (конец XI в.), Леонтия Мровели (сер. XI века) и других, сведения которых связаны в хронику «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии»), а также Анонима, создателя древнерусской «Повести о полку Игореве» (конец XII века).

В качестве *литературы* использованы исследования Алексеюка М.И., Анчабадзе З.В., Баскакова Н.А., Вайнштейна С.И., Великановой М.С., Герасимовой М.М., Добродомова И.Г., Добролюбского А.С., Жаворонкова П.И., Князький И.О., Кумекова Б.Е., Мургулия М.П., Плетневой А.С., Попова А.И., Толочко П.П., Федорова-Давыдова Г.А., Шевченко А.В., Шушарина В.П. и других авторов.

Введение

Степь от Волги (Итиля) до Алтая, получившая в сочинениях восточных авторов наименование Дешт-и Кипчак (т. е. Степь Кипчаков или Кипчакская степь), населялась многочисленными племенами кочевников, названных кыпчаками. Западнее же Итиля в то время господствовали в степи печенеги, изгнавшие из Северного Причерноморья мадьяр и подчинившие отдельные группы прежних обитателей степи – аланов и болгар, кое-где в Крыму и хазар.

И вдруг в 1050 г. на южных границах Руси русскими «сторожами» замечены новые в этих местах кочевые группы – торки, уже известные на Руси по совместному походу на волжских болгар в 985 г., но тогда они кочевали за Волгой. Что же привело торков к рубежам Руси?

Появление новых племен на границе обеспокоило переяславльского князя Всеволода Ярославича. Узнав, что торки обосновались близ русского городка Воин и занимаются грабежом пограничных сёл, князь в 1055 г. организовал на них поход. Разгромив и отогнав в степь торков, он встретил людей неизвестного досель на Руси народа;

заклучив с их предводителем – ханом Болушем мир, очевидно князь захотел поближе познакомиться с новыми пришельцами и, прежде всего, узнать кто они, «какого роду-племени». Их ответ – «сары» (дословно – «желтые») был, вероятно, диковен для русин (так называли себя жители Южной Руси) – цветное обозначение народа не было принято на Руси, потому и перевели слово «сары» – полова (солома, по цвету соответственно – «сары»), так называли новых пришельцев и повстречавшихся вслед за ними другие племена кочевников – «половцы». В 1061 году произошло первое нападение половцев на Русь – и началась непростая история взаимоотношений кочевых племен – половцев с оседлой Русью.

С 1096 года стали известны на Руси и другие группы племен – куны и куманы, но всех их продолжали называть по первому встретившемуся племени – половцами («сарынями» как называет летописец их самоназвание в древнерусском произношении). Кто же такие эти племена: сары – половцы, куны, куманы? Откуда они? Почему пришли в степи Северного Причерноморья и Северного Кавказа?

А началось движение этих племен далеко на востоке, у границ Китая, страны получившей свое название в некоторых языках, в т. ч. в русском, от этнонима «кидани» («кытай» в тюркском произношении). В 907 г. кидани создали свое государство (названное Ляо, 947-1125 гг.), распространившее свою власть от Японского моря до восточных отрогов Тибета. Его возвышение означало, что в Центральной Азии господство тюркских племен, создавших Тюркский, Уйгурский и Кыргызский каганаты сменилось доминированием монгольских племен. Сложившаяся ситуация вынудила многие тюркские племена, оказавшиеся близ границ киданского государства откочевать на Запад. Об этом кратко сообщает придворный врач сельджукского султана Маликшаха Шараф аз Заман Тахир Марвази (т. е. уроженец Мерва) в своем трактате «Природа животных» (1120 г.), где нашлось место для сведений по истории и этнографии, сообщает: «среди них (тюрков) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. За кунами последовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их (кунов). Куны переселились на землю шары, а шары переселились на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Чёрного) моря» (цитата из книги Кляшторный, Султанов, 2004, с. 133.). Страна Кытай – государство киданей с центром в бассейне реки Шара-Мурэн (ныне Внутренняя Монголия, КНР), туркменами в X–XII вв. восточные авторы называли тюрков, принявших ислам (в данном случае ими были карлуки Семиречья).

Таким образом, миграцию на запад начали куны, бежавшие от киданской угрозы покорения, на новом месте они подверглись нападению каи, «которые сильнее и многочисленнее их» (Марвази). Когда и откуда началось движение, каков был характер взаимоотношений между мигрантами и племенами, по территории которых они продвигались, в частности с кыпчаками, точно не известно. Можно лишь предположить следующее, рассмотрев этническую историю племён – участников этой миграции.

КУНЫ. Одно из древних тюркских племён, занимавших видное место в конфедерации теле. Упоминается в китайской хронике династии Суй (581–618 гг.) и Тан (618–906 гг.) под этнонимом хун наряду с племенами вэйхо (уйгуры) и сеяньто (будущие кыпчаки). В VII–VIII вв. куны входили в состав токуз-огузов, а в 745–840 гг. – Уйгурского каганата. После его падения они откочевали на восток, где в начале

X века оказались в сфере влияния киданей. Очевидно, в этом веке и произошёл первый этап миграции. В 1029 году Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмед ал Бируни (973-1048 гг.), находясь на службе при дворе султана Махмуда Газневи, упоминает в своём сочинении «Тафхеме» неизвестных дотеле мусульманскому миру кунов и их соседей – каи. Махмуд Кашгари в своём «Собрании тюркских наречий» (1074 г.) называет каи племенем, знающим «свой (не тюркский) язык», но хорошо говорящими по-тюркски и помещает их вблизи ябаку, чомулов и басмылов, обитавших на территории от Восточного Семиречья, через Джунгарию и Алтай до Оби. О кунах Махмуд Кашгари не пишет, не сообщают о них в составе племён Дешти-Кипчака и мусульманские авторы более позднего времени. Они известны на Руси, а в Венгрии их этноним стал наименованием всех тюркских кочевников с 1070 года до монголо-татарского нашествия на страну в 1241 году. Кунами же называют и потомков тех же половцев и куманов, бежавших от монголов и поселившихся в Венгрии. На Руси этноним

«куны» (в древнерусских источниках – хины, чины) не вытеснил этникон «половцы», но в некоторых случаях оба названия сливаются, образуя новый – «сорочины» или «сорочинцы» (Добродомов, 1978 г.).

Среди некоторых исследователей бытует мнение, что куны и куманы – один этнос: этникон «куман» – производное от термина «кун». Мнение ошибочное: это разные племена, и географически, и исторически, и лингвистически (в пределах тюркского языка), как различна семантика их этнонима.

КАИ. Судя по этнониму (монгольск. – «змея») и по свидетельству М. Кашгари о двуязычности каи (имели свой язык, но хорошо говорили по-тюркски), сей этнос был монгольского происхождения и в XI в. процесс его тюркизации ещё не завершился. В мусульманских источниках каи впервые упоминаются в «Тафхиме» Бируни в 1029 г. вместе с кунами по соседству с племенами чомул, ябаку и басмыл, причём известно, что последние обитали в северной части современной Джунгарии (Синьцзян, КНР). Каи обычно отождествляются с монголоязычными племенами «си», родственными киданям, причём, по мнению С.Г. Кляшторного, часть их («белые си») упоминаются китайскими источниками VII в. в составе племён теле, но веком позже в составе токуз-огузов (уйгур, байырку, буку, киби, кун/хун, сёгир, тонра) их нет. Возможно, и были связи каи с тюрками, но во времена Махмуда ал Кашгари они ещё сохраняли монгольский язык и монгольский этноним. Мнение С.М. Ахинжанова о тождестве каи и кимаков, т. е. йемеков противоречит Махмуду Кашгари, который отделяет их друг от друга и сообщает о тюркоязычности йемеков и двуязычности каи.

Каи стали той внешней силой, которая вызвала миграционную волну: каи – куны – шары (сары) – куманы. Возможно, продвигаясь вслед за кунами каи по территории, известной в мусульманских источниках с 1030 г. как Дешт-и Кипчак, каи разделились. Часть их обосновалась на средней Сыр-Дарье, став известным (XII в.) племенем «уран» (тюркский эквивалент «каи») и оставив топонимы с уран-кай, в частности, урочище Урангай близ современного гор. Туркестана. Другая часть оказалась в составе огузов – племя кайы, из которого был Осман-бей, основатель династии султанов Османской империи. Третья часть продолжала движение в арьергарде миграции и оказалась в Восточной Европе, но их этноним не получил среди новых соседей такую известность, какую получили первые племена этой миграции – куманы, сары (половцы) и куны. Упоминаются они лишь в русской летописи довольно поздно – в 1160 г. половецким названием (кайопа) – каепичи, но в составе Чёрных Клобуков (печенегов, торков и других тюркских племён – вассалов русских князей). В конце XI века на Руси и в Византии половецкий (на Руси) или куманский (в Византии) был хорошо известен хан Тугоркан, ставший прототипом былинного Тугарина Змея. Вторая часть его былинного имени наводит на мысль: не был ли Тугоркан ханом каепичей? Тугоркан был тестем киевского князя Святополка и после гибели хана под Переяславлем (1096 г.), Святополк похоронил тестя, забрал к себе его семью и возможно часть сородичей хана – каепичей, поселив их в Поросье, среди своих тюркских вассалов. Один из сыновей Тугоркана стал родоначальником русских дворян Псковской губернии Половцовых. Топонимы типа «змей, змий» известны во многих районах Украины, как например, к югу от Харькова, где располагались зимние становища половцев, был город Змиев (ныне Украина).

ШАРЫ/САРЫ. В отличие от кунов и каи этническая сущность шары, или сары вызывает много вопросов. Тюркоязычность их признаётся всеми исследователями, но в перечне

племён в сочинении Махмуда Кашгари сары нет. По мнению С.Г. Кляшторного, в период жизни Махмуда аль Кашгари сары входили в состав басмылов (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 136). Термин «сары» упоминается в качестве определения подразделений в составе многих этносов. Так, после распада первого Тюркского каганата (630 г.), китайские источники выделяют среди покорённых племён тюрков-ашина (кёк-тюрки, «голубые») и тюрков-шели (тюрков-сары «жёлтые»), о них же, т. е. тюрках-сары пишет в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник в 735 г. (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 136–137). Были сары и в составе тюркешей, которые имели в Семиречье свой каганат (см.: «тюркеши» в приложении № 4). Наконец, Марвази сообщает о группе шары, бежавшей от мусульман к язычникам из-за нежелания принять ислам. Автор пишет: «Путник, идущий к китайцам на расстоянии в полмесяца пути от Санджу, достигает группу шары, которая известна по имени их главы, называвшегося Басмыл. Они убежали в эти места от ислама, боясь обрезания» (Ахинжанов, 1989, с. 185). Правда, Басмыл – этноним, не имя. Басмылы – объединение из этнических групп разного происхождения, хорошо известны в орхон-енисейских надписях (в памятнике Элетмиш Бильге-кагана они названы «сорокаплеменными басмылами», 760 г.) и в китайских источниках («басими») на территории Южной Джунгарии (см. «бас-мылы» в приложении № 4). Очевидно, это те шары, на которых, по сообщению того же Марвази, напали куны. Таким образом, имеется несколько вариантов этнической принадлежности сары. Возможны две версии происхождения: по одной версии сары происходят от тюрков-шели, которые после падения второго Тюркского каганата (744 г.), возможно бежали к басмылам, по другой (и наиболее доказательной) версии сары являются потомками части сары-тюркешей, бежавших «от ислама» и сохранивших свой древний (VIII век) этноним (потомки тюркешей, принявшие ислам, известны как тухси). Доказательства второй версии следующие: 1) судя по сообщению Марвази о миграции, которая шла с востока на запад («каи – куны – шары – туркмены»), территория шары находилась западнее территории кай и кунов, но восточнее территории, так называемых, туркмен, т. е. тюрков-мусульман (государство Караханидов) т. е. между Джунгарией и Семиречьем, это территория басмылов; 2) по его же сведению, шары известны по имени своего предводителя, а он – Басмыл, значит, и шары – «басмылы»; 3) по сообщению Ибн аль-Асира, в 1043 году 10 тысяч кочевников, чьи зимовки находились вблизи столицы государства Караханидов Баласагуна (город располагался на берегу реки Чу, в Семиречье) приняли ислам, не известно какое племя стало мусульманами, но вполне возможно, что это были сары и что именно из них была группа, бежавшая к басмылам, не желая принять ислам; 4) позы и детали каменных изваяний (фигуры мужчин, и главное, женщин с сосудом в обеих руках), характерные для половецких статуй, были характерны и для большого числа изваяний VIII–X вв., найденных в Семиречье (только у тюркешей и у половцев изваяли в большом числе женские статуи). Таким образом, версия происхождения «марвазинских» сары (шары) от сары-тюркешей находит большую аргументацию, чем другие версии. Правда, Марвази, определяя территорию сары, назвал её в половину месяца пути от Санджу (Шачжоу или Дун-хуан в провинции Ганьсу, Китай) «к китайцам», т. е. государство киданей (Северный Китай), ещё существовавшее в год написания сочинения Марвази (1120 г.). И, исходя из данного сообщения, В.Ф. Минорский определил территорию этой группы сары близ Эдзин-гола (Ахинжанов, 1989, с. 185). Явное недоумение: не могли сары, живущие по соседству с Эдзин-голом (там жили тангуты, на этой реке сейчас находятся развалины их города Хара-Хото) быть под опекой басмылов (имея своим главой Басмыла),

не могли на них напасть куны – далековато они были друг от друга. Здесь явная ошибка – или самого Марвази или переводчика его сочинения. Очевидно, следует не «к китаям», а «от китаев» и тогда все станет на место. Чтобы преодолеть это недоумение В.Ф.Минорский разделил сары на две группы: одну он поместил у Эдзин-гола, другую – у реки Сарысу в Центральном Казахстане (Дешт-и Кипчак в средневековье), что не соответствует порядку миграции (выпадают «туркмены», так как их территория оказалась восточнее сары).

Древнерусское название сары «половцами» (полова – т. е. солома) давно вызывало у исследователей различные мнения об этимологии этого термина. От «поле» и «полона» у А. Татищева (1744 г.) и А. Щекатова (1875 г.) до цвета их, мол, белокурых волос (А. Куник, 1875 г.). Когда выяснилось, что «половцы» – это калька тюркского «сары» (летописец пишет в 1096 году, что половцы «рекше: сарини есми», т. е. называли себя «сары», их этноним был им ошибочно воспринят так, как будто бы половцы называли себя сыновьями библейской Сары, что странно услышать это от язычников), мнение о светловолосости и европеоидности половцев/сары надолго утвердилось в исторической науке (подробнее об этом см.: И.Г. Добродомов, 1975).

Древнерусское наименование новых пришельцев «половцами» требует некоторого объяснения. Почему племя «сары» были названо не дословно «жёлтыми», а предметом, имеющим соответствующую с этнонимом цветовую характеристику – жёлтой соломой, половой, полова – половцы? Дело в том, что в древнерусском языке отсутствовала традиция, подобная тюркской средневековой этнонимике с цветовым обозначением, например, стран света (кара – север, Кызыл – юг, ак – запад, кёк – восток, сары – центр). Согласно правилам грамматики древнерусского языка, этноним определялся как имя существительное и если он содержал в себе цветовую характеристику, то цвет выступал в качестве прилагательного к этнониму, например, белые хорваты в Закарпатье, чёрные болгары в Прикубанье. Самоназвание половцев, обозначенное прилагательным «жёлтые» («сары»), было переведено на древнерусский язык дословно, но именем существительным, по цвету аналогичным с оригиналом, т. е. жёлтые как солома.

КУМАНЫ/КОМАНЫ. Среди многих исследователей существует мнение, что «куман» – производное из термина «кун», а это значит, что куманы и куны – один этнос. Другие исследователи, приводя этимологию слов «куман/кубан» (кстати, древнетюркское «куба» означает цвет между жёлтым и красным, «Древнетюркский словарь», 1967) и «сары» к сходному значению – «бледно-жёлтый, светло-жёлтый», ставят знак равенства между этими разными этносами, тем более, что и в русской летописи под 1096 г. сообщается: «кумане, рекше половцы». Однако куны обитали на восточной окраине тюркского мира, в то время как куманы, по свидетельству арабских источников, кочевали в районе Мугоджар (Кумеков, 1993, с. 66–67), т. е. далеко на западе от кунов. Этимология этнонимов куман и сары также различна: если с «сары» всё понятно и бесспорно, то с «куманами» не так однозначно, возможна и иная этимология, предложенная К.Ш. Шаниязовым. Суть её в том, что «куман» – производное от тюркского куу – лебедь + ман – аффикс принадлежности, т. е. «племя лебедя», знать, сия птица была их тотемом. Кстати, в составе современных тувинцев имеются этнические группы (сеоки) куулар (лебеди) в Дзун-Хемском и сары (г) в Барун-Хемском районах Республики Тува (Сердобов, 1971). В составе племён Дашт-и Кыпчака упоминаются куманлу, а в Алтайском крае современный этнос – куманды кишилер (кумандинцы), этимология их этнонимов одинакова (первая – с огузских, вторая – с восточнотюркских языков) и означает – лебединцы, т. е., жители Лебяжьего. Языки куманов

и сары не упоминаются в сочинении Махмуда Кашгари, но по географии территории их исконного обитания, можно предположить, что первые говорили на западном наречии тюркского языка, а вторые – на восточном. Возможно, между ними были отличия и в физическом облике: сары были более монголоидны, чем куманы, хотя палеоантропологических данных, подтверждающих это предположение нет. Письменные источники и каменные изваяния свидетельствуют о разнообразии расовых типов кочевников новой миграции. Однако, кто конкретно из них – куны, каи, сары, куманы – к какому расовому типу относились, определить почти невозможно: все эти этносы в источниках не различались и назывались обобщённо куманами в Византии, кунами в Венгрии, половцами на Руси, кыпчаками в Грузии и в странах Востока.

Завоевание Родины

Вначале я хотел назвать этот раздел «обретение родины», но подумав, как происходило это «обретение»: путём уничтожения, изгнания и покорения местных племён, зная, что таким же образом «обретут» её через 200 лет после прихода половцев монголо-татары, заменил слово «обретение» на «завоевание», что более точно характеризует данный процесс.

Итак, установление на востоке Великой степи господства киданей вызвало новое перемещение кочевых племён, в том числе и кунов. В сообщении Марвази о кунах отмечалось, что «они были христиане-несториане» (Кляшторный, Султанов, 2004, с.133), а в 998 году кидани («китаи») изгнали от своих границ всех несториан (Гумилёв, 2002, с.664), в том числе и кунов. Хотя далеко не все куны были христианами (о том, что они христиане нет сообщений во всех, кроме Марвази, источниках, упоминавших кунов), они были вынуждены бежать, «боясь Кыта-хана» (Марвази). Поселившись на новых, очевидно тесных пастбищах (возможно, в восточных отрогах Тянь-Шаня), куны стали подвергаться набегам новых соседей – племен каи. Особо масштабное нападение на них каи повлекло за собой целую цепь миграций, вроде «малого переселения народов». Начало переселения можно датировать годом последнего упоминания каи и кунов вместе (1029 г.), а его концом – временем встречи на южной границе Руси князя Всеволода с половцами (сары) хана Болуша (1055 г.). Хотя возможно, что это был один из первых отрядов переселенцев, что миграция ещё не завершилась. Неизвестен точный маршрут следования племён. Известно, что путь их начался с Монгольского Алтая, шёл через Джунгарию и Семиречье, далее продолжался по территории, которая с 1030 г. стала известна в восточных источниках как Дешт-и Кипчак (эта миграция и способствовала возвышению кыпчаков), в каком-то месте мигранты переправились через Волгу (Итиль) и продолжили движение дальше на запад.

Каковы были отношения мигрантов с племенами на их пути, каково было взаимоотношение между племенами-мигрантами? Источники молчат. Вероятнее всего, узнавая о приближении такой массы мигрантов, кочевники в спешке бежали прочь, не успевшие откочевать вовлекались в движение. Очевидно, так произошло с куманами, которые при приближении переселенцев сами снялись со своих мест и откочевали, причём в ту же сторону, куда и пришельцы. Если в пути до Волги мигранты, очевидно, двигались в определённом порядке: каи – куны – сары – куманы, возможно, торки, то, перейдя через Волгу, так сказать, «нарушили строй»: после относительно узкого «коридора» пути перед ними простирались без конца и края степь, занятая немногочисленными, а потому слабыми, племенами. Бывшие враги в новых условиях превратились в союзников, но путь их разделился. Судя по этниконам, закрепившимися за племенами, сары прошли по северной части причерноморских степей и стали известны на Руси под названием «половцы». Куманы – по южной, дав свой этноним в качестве названия (этникона) и другим, пришедшим с ними племенам, а куны проследовали между ними, первыми достигнув границ Венгрии, став там этниконом для остальных кочевых пришельцев.

Каи, следовавшие в арьергарде, остались в странах Восточной Европы почти неизвестными. Лишь на Руси в составе Чёрных Клобуков (союзные русским князьям тюркские племена – «остатки» разгромленных половцами печенегов, торков и берендеев, объединившиеся около 1147 г. в союз) в 1160 г. упоминаются «каепичи» – от кайопа (древнерусская форма типичного для половецких племенных названий типа «токсоба,

йетоба» и т. д.). Вероятно, на новом месте племена каи были не так многочисленны и сильны как прежде (ведь часть каи осталась на прежней территории, где и упоминаются М.Кашгари в 1070-х гг., в то время как куны и сары ушли полностью и потому не упоминаются). О каи напоминает эпитет одного из известных в своё время половецких ханов – Тугоркана, прототипа былинного Тугарина Змея (вариант – Змеевича). Сей хан был тестем киевского князя Святополка, и когда Тугоркан погиб в набеge на Русь (1096 г.), зять его похоронил и забрал к себе часть племени тестя, поселив их в Поросье, где среди печенежских погребений были обнаружены половецкие (Плетнёва, 2010, с.99). Один из сыновей Тугоркана стал основателем дворянского рода Половцовых Псковской губернии. Возможно, часть каи вошла в состав хорошо известных в XII в. токсобичей (как и каи они были, по сообщению арабского историка Ан-Нувайри, «татарского», т. е. монгольского происхождения): местность, где находились их зимние «вежи» изобиловали топонимами типа Змиев и т. п.

Итак, время и примерный маршрут новой миграции кочевников восточных степей, согласно данным источников, предстают следующим образом:

1027 г. куны и каи становятся известны аль Бируни, о чём он сообщает в 1029 г., эти племена тогда находились где-то близ страны енисейских кыргызов;

1030 г. Насири Хосроу свидетельствует о возвышении кыпчаков, чьим именем стала называться степь к северу от Хорезма;

1055 г. князь Всеволод встречает половец хана Блуша близ границ Переяславльского княжества;

1059 г. половцы зафиксированы вблизи Киева;

1067 г. половцы, или возможно, куманы захватили близ византийского Танаиса в низовье Дона славянское поселение, назвав его Азак (Азов);

1074 г. Махмуд Кашгари упоминает племена каи на их прежней территории, очевидно, это оставшаяся часть каи;

1078 г. тмудораканский князь Олег ведёт половец на Чернигов;

1078 г. куманы в низовье Дуная;

1086 г. в Венгрии свергнутый король Шоломон привел кочевников, вероятно, кунов, вернуть престол;

1092 г. галицкий князь Василько пошёл с половцами на поляков; очевидно, из древнерусского «половцы» происходит польское и чешское «плавци», а также венгерское «палоцок»;

1096 г. упоминание в Ипатьевской летописи «сарыкине» (т. е. сары + куны) и «кумане, рекше половцы»;

1097 г. киевский князь Давыд Игоревич с половцами хана Боняка разбивают венгров; в том же году половцы занимают город Тмударакань.

Численность пришедших племён

Первым из советских исследователей, сделавшим попытку определить численность половцев (включая кунов, куманов и каи), был А.И. Попов. Он пишет «что касается численности всех половецких племён и родов, то с самого начала их деятельности в южнорусских степях надо считать общее число половцев (с женщинами и детьми) сотнями тысяч». Почему именно так, а не иначе? А потому, что «несомненно верное указание летописи на то, что в первой четверти XII века половцы были почти полностью вытеснены русскими за пределы этих (т. е. южнорусских – Ю.Е.) степей говорит о том, что о миллионах здесь речь идти не может; иначе такое территориальное смещение огромных масс кочевого населения разбойничьего склада нашло бы отражение в областях, куда было направлено это смещение» (Попов, 1949, с.98).

Есть сведения письменных и археологических источников о перемещении большого числа половцев в конце XI и в начале XII века на Северный Кавказ, о чём косвенно свидетельствует падение древнерусского Тмутараканского княжества. Наконец, грузинские летописи прямо сообщают о появлении на Северном Кавказе племенного объединения хана Атрака (1106 г.) и о переходе его орды, численностью около 250 тыс. человек, в Грузию (1118 г.). Примерно в те же годы грузинские источники упоминают страну Великую Кипчакию (Диди Кивчакти) с центром на реке Сунже (кстати, отсюда, из ставки хана Севенча прибыл в Грузию и в 1186 г. стал мужем царицы Тамары русский князь Юрий, сын Андрея Боголюбского).

Очевидно, опираясь на мнение А.И. Попова, следуют приблизительные данные о численности половцев в работе Л.Н. Гумилёва – 300–400 тыс. (Гумилёв, 2002, с. 306) и у С.А. Плетнёвой – 500–600 тыс. чел. (Плетнёва, 1990, с. 115–134). На чём основаны эти расчеты? Они обычно базируются на данных летописи о числе воинов у того или иного хана. На какой год или хотя бы век, нет ответа. Даже на время прихода этих кочевников данные цифры представляются заниженными. Дело в том, что в 1064 году, описывая вторжение узов (торков древнерусских источников), византийский историк Михаил Атталиат (умер в 1085 г.) определил их численность в 600 тыс. человек. По мнению С.А. Плетнёвой, в составе половцев «преобладали 40-тысячные орды», а орд не менее 12–15 (откуда эти данные?), поэтому численность всех пришедших племён составляет 500–600 тыс. в начале XII века (Плетнёва, 2010, с. 125–126).

Л.Н. Гумилёв, не приведя никаких аргументов, оценил численность половцев (очевидно на всё время их существования в южно-русских степях) в 300–400 тысяч (Гумилёв, 2002, с. 306). А ведь пришельцы сумели изгнать не только торков с их земли, но и печенегов. Что-то не верится в достоверность этих данных наших исследователей. В разных источниках наибольшее число воинов некоторых половецких ханов определялось в 40 тыс. человек: у Тугоркана и Боняка в 1091 г., у Атрака в 1118 г., у Котяна в 1239 г.! Многовато совпадений! Выяснилось, что число это сакральное у средневековых тюрков и означает «великое множество». Действительно, когда стали подсчитывать число пришедших в Грузию с ханом Атраком воинов, то их оказалось не 40 тыс., а 50 (Мургулия, Шушарин, 1998, с. 94).

В настоящее время имеются публикации, где определение численности населения (народов, в том числе кочевых) базируется на более совершенной методике. Одна из них – исследование Кульпина «Золотая Орда: судьбы поколений». В нём приводятся научно

обоснованные оценки численности населения на разные даты в соответствии с демографической ситуацией, которая сама зависит от множества разнообразных факторов. Определяя численность монголо-татар в период становления Золотой Орды в 300 тыс. чел., в том числе 60 тыс. воинов в 1242 г., автор считает, что через 40 лет число их утроилось и составило 900 тыс. человек, а через следующих 40 лет – 2,7 млн человек, т. е. прирост численности 5 % ежегодно. Э.С. Кульпин пишет: «Кочевники сухих центральноазиатских степей с их ограниченным объёмом фитомассы, придя в богатые травостоем степи Юго-Восточной Европы, получили возможность стать ещё более сильными и богатыми, перейти от простого (т. е. обычного Ю.Е.) к расширенному демографическому воспроизводству» (Кульпин, 2006, с. 31–33). Вполне научно обоснованный подход к определению численности кочевого населения, хочу лишь добавить, что следует учитывать и природные катаклизмы – суровые зимы, летние засухи, степные пожары и различного рода эпидемии (сообщения об этом имеются в летописи, надо лишь их читать внимательно).

Исследователи кочевых обществ отмечают прямую зависимость их благосостояния и численность племени от численности и состава их скота, способного их прокормить. Консервативность экстенсивного кочевого хозяйства, его зависимость от природы не способствует постоянно ровному демографическому росту: частые природные катаклизмы – стужа зимою, гололедица весной, засуха летом – вызывают падеж скота, а это значит голод, болезни, повышенный уровень смертности, а то и вымирание целых родов; демографическая нестабильность приводит в целом к медленному росту (в лучшем случае) численности населения (Тортика, Михеев, Кортиев, ЭО, 1994, № 1, с. 49–61; Кириков, 1979, с. 15–17).

Всё вышеизложенное касается и численности половцев. Если определить их численность в период прихода в южнорусские степи в 300–350 тыс. чел. (минимальное, по моему мнению, число для разгрома торков и других племён, для удержания их в покорности), то к началу XIII века численность их будет не менее 1 млн человек. При оценке численности конкретных племён, пришедших в XI веке, следует учесть свидетельство Марвази о том, что каи были многочисленнее кунов, а последние численно преобладали над сары. К сожалению, более-менее количественные оценки, в том числе и из-за смешения в источниках этниконов пришедших племён, невозможны. Возросшая в конце XI – начале XII века численность пришельцев отразилась на активизации половецких набегов, в том числе и на Русь, на заселении ими степей Северного Кавказа и в появлении новых родовых и племенных образований, этнонимии которых были зафиксированы в древнерусских источниках.

Военные успехи Владимира Мономаха в борьбе с половцами оградила на время их набеги на русские княжества, но не сломили так, как это сделал Ярослав Мудрый с печенегами в 1036 году или объединённые отряды киевского, переяславльского и черниговского князей с торками в 1060 году.

Своей численностью половцы и куманы настолько превосходили печенегов и торков вместе взятых, что изгнали их из причерноморских степей и, хотя из-за своей политической раздробленности (как, кстати, и русины) не сумели отразить монголо-татарское нашествие, составили вместе с кыпчаками этническую основу населения, особенно кочевого, Золотой Орды.

Утвердившись на новой родине, пришлые племена перестали враждовать между собою, превратившись в естественных в новых условиях союзников (в русских летописях нет сведений о военных столкновениях между половецкими, под которыми понимались также

куны и куманы, племенами). Наступившая безопасность, обилие корма для скота способствовали расселению крупных племён по их составным частям – родам и под родам.

В XII веке в древнерусских летописях и в художественных произведениях, например, «Слове о полку Игореве» кроме общих, уже утвердившихся этниконов, появляются новые, ранее неизвестные, наименования племён. Уже в 1097 году упоминаются бурчевичи (тюркск. – бурджоглы), чьи вежи (укреплённые стоянки) находились в бассейне левого притока Днепра реки Самары, где есть и речка с характерным названием Волчья (тотем этого племени). Многие, «чисто» половецкие племенные названия были с окончанием на «оба, опа», т. е. – род, племя, например, токсоба (в летописи – токсобичи), етебичи, кулобичи, терьтробичи, каепичи; по начертанию тамги (родовой знак, метивший скот) – бурчевичи или по тотемному животному – бурновичи (бурли, эльбурли от тюркского бёри – «волк, народ волка»).

Подчас племена называются именем хана, например, улашевичи, чагровичи, тарголове, отперлюеве, эльтукове, а ханы – этнонимом, например, Аепа («род месяца»), Алтунопа («золотой род»), Арсланопа («род льва»), Урусоба («боевой род», а не «русский»), Асупа («род асов», т. е. алан), Китанопа (возможно «киданский род»), Куман, Башкорд. Вполне возможно, что люди с такими именами в те времена являлись вождями, в данном случае ханами, беками или беями племён и родов с соответствующими названиями.

Этот факт, а так же данные археологии, в том числе география расположения каменных изваяний, свидетельствуют о том, что новые мигранты обосновались на определённых территориях, закрепив их за собой. По мнению некоторых исследователей, по-моему, вполне обоснованному, чувство «обретения» родины окончательно утверждается в третьем поколении (Кульпин, 2008, с.34). Если это так, то половцы, куны и куманы, наконец, обрели себе новую родину и включаются в жизнь, прежде всего политическую, своих новых соседей.

Осваивая новые места, пришельцы застали прежнее население, кочевое (печенеги, торки, возможно отдельные группы болгар и алан) и оседлое (аланы и славяне). Основная масса этих кочевых племён откочевала на запад, к границам Венгрии и Византии, уцелевшие оседлые жители долины многих рек, в частности бассейна Дона, подчинилась новым господам степи. Печенеги и торки, оказавшиеся под властью половцев в 1116 г. подняли под русской крепостью Белая Вежа (Саркел) восстание и, потерпев поражение, бежали на Русь, в 1117 г. ушли на Русь и жители Саркела. В 1111 и 1116 гг. русские князья в походе на донецких половцев заняли их «городки» Шарукань, Балин и Сугров, жители которых, в частности Шаруканя, оказались ясами, т. е. аланами, к тому же исповедовавшими христианство.

Расовый состав куманов/половцев/кунов

Физический облик новых мигрантов до сих пор досконально не изучен. Единственно установлено что: 1) этноним половцы/сары не имеет к внешности его носителей никакого отношения; 2) судя по антропоморфным каменным изваяниям (кстати, куманы их не ставили) среди половцев и кунов были люди и монголоидного, и европеоидного облика. Также следует помнить, что ввиду субъективности письменных источников в фиксации расовых черт тех или иных народов, они не могут считаться полностью достоверными.

Однако остаётся много вопросов о расовых чертах конкретных этнических и племенных групп: так как наличие в них представителей разных рас предполагает развитие процесса метисации и появления смешанных групп, однако как и в каких конкретно группах он протекал, не известно. Можно чисто теоретически предположить, что как и куны, как обитатели более восточных районов Азии, являются монголоидами, а куманы, как наиболее западные из них – европеоидами, ну а половцы где-то между ними. Надёжность письменных источников в этом вопросе весьма сомнительна!

Что касается предположения о связи географии прежнего обитания данных племён с их расовым типом, то профессиональные палеоантропологи пишут: «В Южной Сибири, на Алтае, Тянь-Шане, Казахстане и южнорусских степях антропологический тип тюркских кочевников характеризовался разной степенью смешения монголоидной и европеоидной рас. Однако соотношение монголоидных и европеоидных черт в расовых типах отдельных племён... не идёт строго последовательно с востока на запад» (Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 238).

Решение вопроса антропологической принадлежности рассматриваемых племён крайне затруднено этническим разнообразием кочевников Северного Причерноморья – тут и булгары, и печенеги, и торки с берендеями, и прибывшие куманы, половцы, куны и каи.

Поэтому археологи, особенно в прошлом, из-за специфики своей профессии не стремились определять расовую принадлежность останков в погребениях кочевых племён, их задачи были другие. Расовой идентификацией древних людей по их черепам занимаются специалисты по краниологии, лишь в настоящее время этой специализацией овладели и археологи. По имеющимся в настоящее время достоверным по этнической и хронологической идентификации данным, а они пока немногочисленны, следует, что половцы, т. е. все прибывшие в

XI в. кочевые племена характеризовались (данные о половцах Нижнего Поволжья) слегка уплощенным (зигомаксиллярный угол 132,9), широким, очевидно скуластым (скул, диаметр 142,7 мм), т. е. явно монголоидным лицом, но со значительно выступающим (угол выпуклости 30,4 градуса), характерным для европеоидов. Данные Г.Ф. Дебеца о расовой принадлежности кочевников XII века на территории Украины (см. таблицу в приложении) этнически и хронологически не разграничены и поэтому для определения точного физического облика половцев в период их прихода в южнорусские степи не достоверны. Мнение С.А. Плетнёвой о том, что кочевники XI–XIII вв. внешне «почти не отличались» от степняков VIII–X вв. (Плетнёва, 2010, с. 44–45), ошибочно. Отличались даже куманы от половцев, последние – более монголоидны. Если, например, сары, т. е. собственно половцы–выходцы из сары-тюркешей Семиречья VIII–X вв., то для них были характерны среднеширокие (скуловой диаметр 137,3 мм), обычные для европеоидов лица, но слабо

выступавший нос (угол выступления 23,8) свидетельствует о монголоидной примеси. А если они из состава басмылов, потомки древних тюрков-сары, тогда они – более монголоидны.

Таким образом, физический облик половцев / кунов / куманов остаётся во многом неясным, приблизительным. Мнение же известного археолога С.А. Плетнёвой о том, что «внешне они (половцы – Ю.Е.) выглядели как узбеки или туркмены» (Плетнёва, 1988, с. 23) не соответствует истине.

Я бы сравнил внешность половцев с внешностью современных башкир – такая же гамма различных типов перехода от монголоидной расы к европеоидной, тем более, что в XII веке часть предков башкир были в составе племён Дешт-и Кыпчака и в составе половцев – племя хана Башкорта (1159 г.).

Одним из надёжных источников половецкого/куманского языка является «Кодекс Куманикус», составленный в Крыму в период 1294–1303 гг. Словарь представляет собой две сшитые тетради. В одной помещены два списка, первый содержит в себе 1560 латинско-персидско-куманских слов-значений, помещённых в порядке латинского алфавита; во втором записано 1120 латинско-куманских и 140 арабopersидских слов, объединённых в смысловые группы, из которых наиболее интересны сведения о социальной структуре куманов. В другой тетради содержится немецко-куманский словарь, состоящий из фраз и слов разного содержания, а также христианские тексты и загадки на куманском языке (Плетнёва, 2010, с. 132–133).

По данным этого словаря для языка куманов было характерно: начальное «й» вместо «дж» в словах-существительных, напр., йол («дорога»), йылан («змея»), йигит («молодец») и т. д., начальное «х» в слове хатун («госпожа»), хъаз («гусь»), но начальное «к» в словах кан вместо хан, кам вместо хам (шаман), конечное «х» вместо «к»: йох («нет») вместо йок, казах («бродяга, человек без рода-племени») вместо казак. Звучание многих слов в «Кодексе Куманикусе» соответствует восточному, по классификации М. Кашгари, наречию тюркского языка, например, мен («я») вместо бен в западном, бас («голова») вместо баш, «ц» вместо «ч»: в Ипатьевской летописи под 1179 г. Кончак назван Концаком. В других источниках («Тюркско-арабский словарь», 1245 г. и «Словарь Абу-Хайана», 1313 г.), составленных на основе тюркских мамлюков Египта, среди которых были огузы, кыпчаки и половцы, был представлен диалект западного наречия.

Тюркологи-лингвисты установили, что куманы/половцы говорили на двух диалектах единого языка, очевидно сочетающих особенности обеих наречий. Это вполне объяснимо: в южнорусские степи в XI веке племена, которые, судя по их «исторической родине» говорили на восточном наречии тюркского языка; продвигаясь по Дешт-и Кипчаку, восточные тюрки, говорившие на восточном наречии древнетюркского языка, несомненно «прихватили» с собой местные племена, например, куманов, говоривших на западном наречии. Дочь византийского императора Алексея Анна в рассказе о войне печенегов с византийцами и куманами (1091 г.), сообщила, что перед битвой один из главных печенежских военачальников, надеясь разорвать греко-куманский союз, «явился к куманам – последние (т. е. куманы) говорили на одном с ним (печенегом – Ю.Е.) языке» (Комнина, 1996, с. 236). Трудно поверить в сообщение человека, не знающего язык, о котором говорит. Но, с другой стороны, оба этих народа говорили на одном – древнетюркском – языке, точнее, на диалектах западного (по Махмуду ал Кашгари) его наречия.

Уже достигнув цели движения, пришельцы подчинили не успевших уйти печенегов и торков, со временем частично смешаться с ними, в том числе и в языковом отношении. Венгерский тюрколог Йожеф Торма, исследуя кунское «наследие» в диалектах венгерского языка и сопоставляя кунскую лексику (в венгерском) с казахской, а казахский язык относится к ногайско-кыпчакской, т. е. восточной, ветви кыпчакской группы тюркских языков, нашёл более 40 кунско-казахских соответствий (Торма, 1995, с. 57–68). Из этого следует, что куны и половцы говорили на восточном наречии древнетюркского языка, что не противоречит географии их местожительства до эмиграции на запад.

Древнерусские источники достаточно полно освещают хозяйственную деятельность половцев – кочевое скотоводство, называют они и основной состав стада: «скоты (крупный рогатый скот) и овце, и коне, и вельблуды» (Плетнёва, 2010, с.63). Менее полны сведения о путях, о характере кочёвок. Известно, что к концу XI века половцы перешли от круглогодичного, таборного, по С.А. Плетнёвой, кочевания к сезонному, с оседанием на зиму в специально устроенных жилищах на территории в наибольшей степени удобной для прокормления скота и зимовки людей. В отличие от сухих степей Казахстана, где в средние века и позже господствовал меридианный тип кочевания (летом на севере, зимою на юге), у половцев направление сезонных перекочёвок не было столь постоянным и одинаковым для всех племён. Точно известно лишь то, что донецкие (наиболее часто упоминаемые в источниках) кочевали от Северского Донца и Медведицы, где были зимовки, до Днепра у границ Киевского и Переяславльского княжеств (Кульпин, 2005, с. 17). Обилие травы и сравнительно небольшое количество скота сократили протяжённость перекочёвок, однако по мере его роста возникает необходимость расширять площадь пастбищ. Для поддержания жизнедеятельности половцев наиболее ценными были овцы и особенно кони, незаменимые для перекочёвок и войны. О важности лошадей для половцев свидетельствует обряд захоронения воина вместе с его боевым конём. У половцев было своеобразное «скотоводческое» разделение труда: за лошадьми и верблюдами ухаживали мужчины, за крупным и мелким рогатым скотом – женщины. Зимой тебеневали в следующем порядке: сначала лошади разбивают наст и разрыхляют снег, за ними идут коровы, затем – овцы (Тортика и др., 1994, с.51). О земледелии источники не сообщают, возможно, что какая-то часть общинников, потеряв скот, оставалась на зимних стойбищах, где выращивала просо или ячмень (приобретя скот, такой «земледелец» возвращался к кочеванию: кочевники презирали такой труд). Продукты земледелия половцы получали от покорённых ими аланов/ясов, брали в набегах на русские поселения (не случайно они производились обычно осенью) или в торговле.

Зато очень охотно кочевники охотились. Охота для них была не только как средство получения продуктов жизнеобеспечения, но и тренировка боевого искусства, отработки тактических приёмов – окружения, засады и т. д. Охотились на бобров, зайцев, байбаков (степные суслики), но особенно популярны были облавы на кабанов, оленей и лосей, а также на ныне вымерших туров и тарпанов, в которых в наибольшей степени оттачивались приемы, применяемые в бою. Для многих бедняков охота была единственным источником существования, для знати – забавой.

Жилище. Кочевое жилище– в древнерусских источниках – «вежа» (вежами называли и стоянки половцев), по-половецки «терме» (отсюда древнерусское «терем») имело остов из цилиндрических плетёных из веток стен, над которыми находилась коническая крыша из жердей, завершающаяся дымовым кругом со сферическим перекрытием из согнутых планок. Наверху жилище, поставленное на повозку, подчас завершалось дымоходом в виде длинных и узких рукавов, направленных назад по ходу движения. Остов покрывался войлоком летом в один ряд, зимой – двумя и более. В период длительных перекочёвок жилище ставилось на двух– или четырёхколёсные повозки, в которые запрягались лошади; на зимовках или длительных стоянках жилище обычно устанавливались на землю (Вайнштейн, 1976, № 4,

с. 51–53). Иногда, на зимовках строились примитивные землянки или использовались оставленные постройки. Известны половецкие городки: Шарукань, Балин, Осенев, Чешлюев, Сугров. В некоторых из них, например, в Шарукане и Балине основу жителей составляли ясы-христиане, сдавшиеся в 1111 году отрядам русских князей, а Сугров, очевидно населённый половцами сопротивлялся, был взят и сожжён. На границах русских княжеств возникали городки со смешанным в этническом отношении населением, например, в Черниговском княжестве в 1159 году упоминаются 7 городков, населённых русинами-псарями (очевидно, на случай облавной охоты) и половцами (возможно ушедшими из своих родов) – Моровиеск, Любеск, Оргощь и другие (Попов, 1949, с. 103.).

Одежда. Кочевая жизнь, связанная с верховой ездой, способствовала развитию одинакового у мужчин и женщин комплекса одежды: распашной кафтан, нижняя рубаха, штаны и сапоги. Подобный костюм характерен для всех кочевых народов, различаясь лишь в деталях. Пола кафтана обычно запахивались у тюркских народов налево, у монгольских – направо, а у половцев, наряду с общетюркской традицией запаха, кафтаны показаны на каменных изваяниях со сходящимися встык полами (Доде, 2009, с. 398.). Различие между мужской и женской одеждой в наличие воинских доспехов и оружия у мужчин, украшений (аппликации, галуны по полу кафтана были и у мужчин, но у женщин они были ярче, красивее) и драгоценностей (гривны, ожерелья, серьги и т. п.). Характерным для половцев обеих полов была «юбка» – широкая полоса войлока или кожи, которой обёртывалась поверх кафтана часть тела (поясница, бёдра) и закреплялась поясом.

Пояс был важной частью костюма: на нём подвешивали оружие, кресало (мужчины), гребни, зеркала, сумочки и другие предметы женского обихода. Наибольшие различия в костюме между полами было в головном уборе. Если в мужском головном уборе преобладали шлемы, главным образом, с круглым навершием и высокие шапки-колпаки с полями, разрезами спереди, то женские головные уборы отличались большим разнообразием и сложностью. На многих изваяниях, мужских и женских изображены детали одежды, напоминающие плиссированные «юбки», надеваемые поверх кафтана и стянутые поясом. Изготовленные из войлока «юбки» служили для утепления поясницы в холодную и сырую погоду. Подобные «юбки» сохранялись в костюме конца XIX – начала XX вв. у киргизов разных этнических групп, в том числе у сарру Таласской долины и ичкиликов Каратегина, Оша и Памира под названием «бельдек» у мужчин и «бельдемчи» у женщин (Махова, 1979, с. 205–207). Кроме того, у мужчин, наряду со штанами обычного у кочевников покроя, были распространены т. н. штаны-чулки: две отдельные штанины, надетые до паха и крепившиеся ремнями на поясе. Подобные штаны в прошлом были известны ногайцам под названием «сым» – ноговицы (Студенецкая, 1989). Среди женщин были популярны безрукавки. Материал изготовления был самый различный и различался в социальном отношении владельцев по качеству и расцветке. Некоторое представление о тканях даёт «Слово о полку Игореве», где в описании добычи, захваченной воинами Игоря в первом столкновении с половцами, были названы «паволоки (шёлк) и аксамиты (парча)», добытые половцами в набегах и в торговле. Из «местного» материала были обычными кожа и шерсть да мех, добытый на охоте.

Социальный состав

Сведения, имеющиеся в древнерусских источниках и в «Кодексе Куманику се», позволяют реконструировать социальную структуру половецкого общества. Верхнюю ступень социальной иерархии занимала аристократия: ханы («лепшие князья» в летописи), предводители племенных или родовых объединений, беки («уныпие или меньшие князья»), беи («лепшие мужи»), предводители родов (бии в казахском обществе XVIII–XIX вв.), их «должность» очевидно выражалась в имени с окончанием «оба» или «опа» (Урусоба, Алтунопа и др.). Ступень ниже занимали свободные общинники – кощеи («мужи»), ещё ниже – челядь и чаги (слуги и служанки из социально зависимых членов рода), самую нижнюю ступень занимали «кулы» («колодники») – рабы, обычно захваченные в набегах пленники. Молодые сильные мужчины и красивые девушки отпускались за выкуп или продавались, оставшиеся, а также подростки и женщины оставались в качестве домашних рабов.

В «Кодексе Куманикусе» указанным выше социальным сословиям соответствовали западноевропейские эквиваленты: хан – император, бек – принцеп, бей – барон. Кроме того, в этом источнике указан ещё один титул в половецком обществе, неизвестный древнерусской летописи – «солтан» (в источнике он равен титулу король). В «Слове о полку Игореве» упоминается «сальтан» как титул турецкого султана, но никак не половецкий. Здесь, видимо, сказывается позднее время составления «Кодекса» (1303 г.), когда в Крым, где был написан сей источник, проникают половцы из Кавказа, знакомые с арабо-персидскими титулами. Что касается половецкого общества, то все известные источники того времени единодушны в том, что единого правителя над всеми племенами не было: «куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии» – сообщал еврейский путешественник Петахья (Плетнёва, 2010, с. 141). Так что в «Кодексе Куманикусе» перевод половецкого «кан», т. е. хан, в европейское «император» не соответствует их реальному положению.

Верования половцев те же, что и других тюркских кочевых племён, в том числе и кыпчаков. Выделяет же их особенность в культе предков, получившая развитие в установке антропоморфных каменных изваяний. Вроде ничего здесь особенного нет: такие статуи устанавливали многие племена, в том числе и тюркские: древние тюрки и уйгуры на территории Монголии, Тувы и Алтая, кимаки и кыпчаки в Казахстане. Это были стеловидные плоские изваяния с лицами и некоторыми деталями, прочерченными по плоской поверхности или сделанными низким рельефом. Самые ранние половецкие статуи имеют аналогии с изваяниями кыпчаков IX–XI вв. (Плетнёва, 1988, с. 25). Однако взаимосвязь кыпчакских и половецких скульптур находится под вопросом, ибо как утверждает специалист по казахстанским изваяниям Л.Н. Ермоленко: «не представляется возможным убедительно соотнести изваяния с конкретными племенами, известными по письменным источникам, поэтому определения «древнетюркский» и «кыпчакский» в значительной мере условны» (Ермоленко, 2004, с. 69), тем более что основной район распространения изваяний, характерных для половцев, находились в Семиречье («около 85 % всех известных в Средней Азии и Казахстане статуй с сосудом в обеих руках приходится на Тянь-Шань и Семиречье» (Ермоленко, 2004, с. 47)).

Со временем техника исполнения половецких статуй, особенно в изображении лиц, была усовершенствована, достигнув в XII веке высокого искусства. Помимо совершенства в изображении деталей одежды и т. д., лица вместо обычных «общечеловеческих» стали приобретать индивидуальные черты, приближая изображение к оригиналу. Лица многих статуй имеют явно монголоидные черты, например, женской из Краснодарского музея, мужских из Донецкой и Луганской областей Украины. В остальном все изваяния подчинены строгому канону: стоящие или сидящие, мужские или женские фигуры изображены лицом к востоку, с сосудом, прижатым к животу обеими руками (Плетнёва, 1988, с. 28.).

Объёмные и довольно реалистичные изваяния, изображающие мужчин с сосудом в обеих руках, известны на юго-западе Тувы (VIII–X вв.). Многие исследователи связывают их с погребальным обрядом древних уйгуров, исповедовавших манихейство (Ермоленко, 2004, с. 45–46). С переселением в Джунгарию и Семиречье, уйгуры принесли свои погребальные обычаи, в том числе и установку подобных изваяний. Половецкие отличаются от тувинских и кыпчакских изваяний не только техникой исполнения, но, по мнению исследователей, ярко выраженном культом предков, культом героизированного родоначальника. Г.А. Фёдоров-Давыдов пишет о них: «Цель – создать монументальный величественный образ героизированного предка, быть может, бога – дала возможность воспроизвести человека в одной его функции – объекта почитания» (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 102.).

Ставились изваяния в местах постоянных, обычно зимних, стоянок вблизи захоронений. Изготавливались статуи из песчаника – 39,7 %, (из 987 обследованных к 1974 году изваяний), гранита – 29,6 % и «серого камня» – 25,8 %) (Плетнёва, 1974, с. 53.). Десятки тысяч статуй стояли на курганах, на перекрёстках степных дорог и рек. У пьедестала статуй проезжавшие мимо кочевники приносили жертву – овец, коров, собак или, наиболее ценную – лошадь. В XII – начале

XIII века география каменных статуй расширяется: если в конце XI века их территория ограничивалась степным междуречьем Днепр-Волга, то позже число статуй растёт и

распространяется в степях Крыма и Северного Кавказа. Накануне монгольского нашествия наибольшее скопление памятников было: 1) среднее течение Северского Донца – северо-восток Приазовья; 2) верховье реки Северский Донец (от реки Изюм до реки Оскол), а также правые притоки нижнего течения Северского Донца; 3) Днепровское Надпорожье (данные С. А. Плетнёвой); 4) район рек Бейсуга, Челбаса, Ей и Сосыки, а также в районе города Армавир на Северном Кавказе (Зеленский, 2007, с. 310–312).

Близ станции Исправной на территории Карачаево-Черкесии найдена статуя мужчины с монголоидным лицом, с усами, на голове изображён шлем, руки вопреки канону, опущены вдоль туловища (сейчас статуя находится в музее города Черкесска); имеются ещё 11 изваяний между реками Уруп и Малый Зеленчук несколько иного типа. Верхнекубанские статуи близки каменным изваяниям Монголии и Южной Сибири: «тюркский» (слегка монголоидный) тип лица, руки, держащие сосуд у груди, на поясе сабля. Археолог В.А. Кузнецов полагает, что эти статуи установлены каким-то племенем, пришедшим с половцами в Предкавказье в XI–XII вв. (Алексеева, 1993, с. 35–37). Не ставили каменных изваяний печенеги, торки и куманы – к западу от Днепра статуй не было. После поражения половцев на Северном Кавказе и на Калке (1223/1224 г.) многие из них, особенно в период монгольского нашествия в причерноморские степи (1238–1240 гг.), бежали в разные страны, где, за исключением Северо-Восточной Болгарии, статуи уже не ставились. А с середины XIII века прекратили ставить изваяния и покорённые монголами половцы – не стало тех, кому было ставить памятник, ибо монголы устранили половецкую знать, заняв её место. Какое-то время ещё соблюдался обряд погребения и при монголах, но памятники ставить перестали. Умер обычай – исчезло монументальное искусство!

Некоторые статуи являются настоящим произведением искусства, как например, скульптурная голова юноши, высеченная из известняка, его лицо разрисовано красной и чёрной красками, или статуя женщины с ребёнком (обе статуи находятся в историко-краеведческом музее города Луганска); среди других изваяний особый интерес представляет статуя половецкой «амазонки» – девушки, изображенной в женском головном уборе и гривной на шее, но с колчаном на правом боку и с саблей – на левом, находится в историко-краеведческом музее города Николаев, Украина (Плетнёва, 1974, каталог каменных изваяний №№ 817, 818 и 1205).

Каменные изваяния половцев ныне являются источником изучения многих сторон их культуры, в частности, одежды. Половецкая одежда на основе изучения каменных изваяний была исследована С.А. Плетнёвой (Плетнёва, 1974) и З.В. Доде (Доде, 2001). Рисунки мужской и женской одежды, созданные художниками на основе изображений на каменных изваяниях (Доде, 2001), приводятся в приложении этой книги. Разумеется, одежда, украшения, оружие и боевые доспехи, изображённые на изваяниях, принадлежали аристократии, известным воинам (батырам), одежда и прочее убранство простолюдинов было проще и беднее.

Как известно, соседние с половцами народы исповедовали христианство: в Византии и на Руси – православие, в Венгрии, Чехии и Польше – католичество. Пока половцы/куманы господствовали в степи, христианство не воспринималось, за единичными исключениями, кочевниками. Даже союзные русским князьям «черные клобуки», не говоря уж о половецких ханах, чьи дочери выходили замуж за русских князей и крестились, оставались язычниками. Но как только появилась со стороны монголов угроза их господству, отношение переменилось – уже в год появления в половецкой степи туменов Субэдея и Джэбэ-нойона

крестился «лепший князь» Басты. Но и принимая христианство, знатные половцы сохраняли прежние традиции, в частности, погребальный обряд, о чём поведал в своих записях В. Рубрук («Путешествие в восточные страны», 1957, с. 102). Помимо В. Рубрука, сохранилось описание погребения знатного половца (предполагается, что он был из племени хана Котяна), в 1251–1252 годах, записанного Жаном де Жуанвилем в Константинополе со слов рыцаря Латинской империи Филиппа де Тусси, который был женат на половецкой княжне и присутствовал на погребении тестя. Необычным в обряде погребения было то, что труп помещали в обширную яму в сидячем положении, к нему поместили его лучшего коня и слугу с сумой золота, закрыли яму деревянным настилом и засыпали землёю, причем конь и слуга, последовавший за господином, были погребены живыми (Гугуев, 2009, с. 124–136).

Некоторое представление об обычаях половцев дают сведения в русской летописи: «половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину (очевидно трупы погибшего скота – Ю.Е.) и всякую нечистоту (с точки зрения летописца) – хомяков и сусликов, и берут (в жёны) своих мачех и невесток, и выполняют иные обычаи своих отцов» (Повести Древней Руси, 2006, с. 140). Из последнего следует, что среди половцев было распространено многожёнство, что в случае смерти отца его сыновья женились на «мачехах», т. е. жёнах отца, кроме собственной матери; в случае смерти сына отец брал в жёны его жену (свою невестку). Этот известный в родовом обществе обычай левирата служил укреплению рода: женщины были рожать и способствовать росту численности его членов, тем более что за жену платили выкуп (калым).

Первый контакт Руси с новыми кочевыми соседями, как известно, был мирным. Затем последовали набеги половцев, походы русских князей, иногда совместные походы на «ляхов» (1092 г.) или «угров» (1099, 1151 гг.). С 1061 по 1210 г. (по подсчётам П.В. Голубовского) половцы совершили 46 крупных набегов на Русь: 19 набегов пришлось на Переяславльское княжество, на Киевское княжество – 16, из них 12 было совершено на Поросье, на Черниговское и Новгород-Северское княжества было совершено 7 набегов, на Рязанское – 4. И это без учета мелких наездов, которых было очень много. Часто один русский князь в союзе с половецким ханом шёл на другого русского князя, которого поддерживал другой половецкий хан. За тот период П.В. Голубовский насчитал 34 участия половцев в междоусобных войнах русских князей.

Для укрепления мирного или союзного договора половецкий хан выдавал за русского князя замуж свою дочь. В Никоновской летописи зафиксировано 9 таких случаев (в 1094, 1107 – 2 брака, 1117, 1146, 1154, 1163, 1187, 1223 годах) – очень мало для 187 лет (1055–1240) соседства. Но это лишь браки, указанные летописцем, очевидно, их было намного больше, как и то, что не все князья и ханы попали в поле зрения летописца. Не отмечено ни одного случая выдачи замуж русской княжны за половецкого хана. Приведённый в летописи случай бегства вдовы вщижского князя Владимира Давидовича в степь и выход её «самовольно» за половецкого хана Башкурта вызывает много вопросов (главный из них – почему именно за Башкурта?) и сомнений. Ослушавшись воли родителей, поправ традиции и религию (выйти за «поганого» язычника!), оставив сына, наконец, не зная половецкого языка и преодолев дальний путь от города Вщиж (упоминается в 1142 году, стал центром удельного княжества в 1156 году, уничтожен монголами в 1238 году, ныне село Вщиж, Жуковского района Брянской области) до степи, найти там именно этого хана может только половчанка, знавшая и любившая Башкурта, но выданная своим отцом за русского князя. Неслучайно летописец, записав этот необычный на Руси случай, не осудил, будучи христианином, тем более монахом, женщину, христианку, бежавшую к «поганому», язычнику, чтобы выйти за него замуж!

Что касается простого люда, то наличие большого числа молодых пленниц и в русских городах, и в половецких вежах делали межэтнические браки и сексуальные отношения обычным явлением. Кстати, межэтнические браки, заключаемые по кочевым («единоборство» в степи между будущими супругами) и древнерусским (обращение в христианство язычницы-жены) традициям получили своё отражение в русской былине о богатыре Добрыне Никитиче. В ней рассказывается, как однажды «в чистом поле» Добрыня встретил «поляницу» (т. е. степнячку), сидящую на боевом коне. Между ними состоялся поединок, в котором Добрыня был побеждён и оказался в плену. Условием освобождения стал брак Добрыни Никитича и «поляницы» Настасьи Никуличны (Плетнёва, 2010, с. 75–76).

Этнический состав западного Дешт-и Кипчака (Половецкая земля древнерусской летописи, Кумания западных хроник)

Согласно восточным источникам территория от Яика (Урала) до Днестра и низовьев Дуная называлась Дешт-и Кыпчаком и населялась кыпчаками. В них же имеются данные о племенах, обитавших в этих краях. Уже известные читателю этой книги Ан-Нувайри и Ибн Халдун сообщают этнонимы 11 племенных групп: токсоба, йета, бур-джоглы, эльбурли (ольбурлик), кангароглы, анджоглу, дурут, кулабаглы, джузнан (джерсан или джортан), карабирикли, котан, причём отмечено, что они «не одного рода» (Кумеков, 1990, с. 122–124). В древнерусских источниках название Дешт-и Кыпчак не зафиксировано; из племён известны токсоба (токсобичи), бурджоглы (бурчевичи), эльбурли (бурновичи от «бурли», «волчьи», а эль, т. е. «народ» пропущено), кулабаглы (кулобичи), йетоба (етобичи), дурут (тортьробичи). В западных источниках фигурируют лишь Комания/Кумания и соответственно— команы/куманы (лишь в 1253 году В. Рубрук в своём путешествии замечает команов, «именуемых кап чат», т. е. кыпчак). Остальные племена— кангароглы, анджоглы, джортан, карабирикли — очевидно обитали за Волгой, хотя под этнонимом «кангароглы» могли быть канглы, отмеченные Рубруком («команы, называвшиеся кангле») к востоку от Волги.

Замечания и выводы

Замечания: 1) С.А. Плетнёва полагает, что границами летописного Поля Половецкого были Днепр на западе и Волга на востоке, как указано в летописи в 1152 году. Описывая поход князя Юрия Долгорукого против киевского князя Изяслава Мстиславовича, летописец пишет, что в качестве его союзников выступили не только токсобичи и отперлюевы, но и другие племена, однако не все, а лишь те, чьи кочевья находились между Волгой и Днепром: «отперлюеве и токсобичи и вся Половецкая земля что же меж Волгою и Днѣпромъ пойдоша..» – пишет летописец под 1152 г. (Полное собрание русских летописей. М., 1962, с. 455). Половецкая земля была и за Днепром, ибо на Руси не различали половцев и куманов – «кумане рекше (то есть) половци» – замечает летописец ещё в 1096 году.

2) Мнение некоторых историков о том, что самоназванием половцев хана Атрака, пришедших в 1118 году в Грузию, был этноним «кипчаки», ибо их так называли грузинские источники (Мургулия, Шушанин, 1998, с. 33, 93) ошибочно. Получается, что половцы держали свое самоназвание в секрете от русинов (самоназвание населения Древней Руси), а вот в Грузии свой секрет раскрыли. Никакого секрета нет: просто в Грузии, Армении и Ширване (Азербайджан) благодаря географической близости господствовала мусульманская (восточная) традиция называть кипчаками тех кочевников, которые на Руси, в Византии и в Центральной Европе были известны как половцы/куманы.

3) Куманы и их страна Кумания известны лишь одному арабскому исследователю, правда находившемуся на службе у короля Сицилии Рожера II и жившему в Палермо. Он, Абу Абдаллах аль Идриси (1100–1164 гг.), единственный из всех современных ему авторов, сообщил о делении Кумании на части – Белую Куманию (Куманийя аль Байда) и Чёрную Куманию (Куманийя ас Сауда), применив тюркскую традицию цветового обозначения сторон. Так полагали историк Б.А. Рыбаков и вслед за ним археолог С. Плетнёва (Плетнёва, 2010, с. 112). Исследования Коноваловой творчества этого арабского географа показали, что Черной и Белой Куманиями аль Идриси называл пограничные с Куманией города других стран (например, Белой Куманией им был назван византийский город Матлука, который находился близ известной Тмутаракани; истинное название и местонахождение города Чёрная Кумания не определены), а вот саму страну Куманию («ард ал-Куманийя») он описал как единое целое (Коновалова, 1999, с. 181–182).

Выводы к первой и второй частям книги или ответ на вопрос «кыпчаки, половцы, куманы и куны – один народ, т. е. этнос? Или это разные, соответственно их этнонимам, этносы?

Анализ этнического состава населения Дешт-и Кипчака и Поля Половецкого показал:

1) Из 11 племён в Западном Дешт-и Кипчаке и 18 (названными выше арабскими авторами не указаны известные в Хорезме племена уран и югур) – Восточном (по Кумекову) общими для обеих частей были 6 племенных групп – бурджоглы, дурут (дортоба или тортоба), йетоба, караборикли, токсоба и эльбурли (ильбари, ольбури).

2) Из 19 этнонимов и эпонимов (личное имя-этноним) в Поле Половецком, 7 совпадают с этнонимами Дешт-и Кипчака, в том числе бурновичи (эльбурли), бурчевичи (бурджоглы), етобичи (йетоба), кулобичи (кулабаалы в Западном Кыпчаке), тёртробичи (дуруг, тортоба), токсобичи (токсоба) и емякове (йемек в Восточном Кыпчаке).

3) Возможно, башкуртам Дешт-и Кипчака соответствует племя хана Башкурта в Поле

Половецком, а аль асам – племя Асопы; куманы соответствуют куманлу Восточного Кыпчака. В этнониме «куманлу» («куманлы») присутствует тюркский аффикс «лу, ли, лы» (ему в русском языке соответствует окончание «ец», «цы») означающий принадлежность человека или этноса к определённой местности или стране, например, Испания – испанец, испанцы, Канада – канадцы и т. д. В данном случае, «лу» означает принадлежность к местности: куманлу – куманцы или куманлинцы, т. е. жители местности Лебяжье, лебединцы. Но возможно куманлу – этноним, производный от имени Куман? Может быть, это племя было названо соседними племенами по имени их хана или родоначальника?

Подобно куманлы в восточном Кипчаке, в источниках упоминаются канглы (у Рубрука – кангиты), существующие и в настоящее время в составе казахского, узбекского, башкирского и ногайского народов в качестве субэтнической группы канглы. Основа их этнонима «канг» – производное от гидронимы Канг (древнее название среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи) и название древнего государства на берегах этой реки – Кангха или Кангюй. В середине X века византийский император Константин Багрянородный в своём сочинении «Об управлении империей», описывая этнический состав печенегов, отметил среди восьми их племён три почитаемых (очевидно главных), называемых «кангар». Историкам известно, что печенеги обитали на берегах Сыр-Дарьи, откуда в Причерноморье их вытеснили огузы (узы или торки). Торки вытеснили печенегов, торков – кыпчаки, а этноним с основой канг – кангар (ар, т. е. «человек» Канга), канглы, т. е. канглийцы, – остался. Правда, этносы – его носители были разные, хотя и родственные этнически. Да и территория расселения их потомков кардинально изменилась.

4) Совпадение известного в Южной Руси хана Котяна с этнонимом котан в Западном Кипчаке очевидно случайно: правильно имя звучит «Кутан», что значит «счастливый» («Древнетюркский словарь», 1969.), как известно, Котян являлся ханом племени дурут (Ибн Халдун), в летописи – тёртробичей (дурут, т. е. дорт / торт – «четыре» соответственно в западном и восточном наречии древнетюркского языка). Не исключена ошибка арабского источника: ведь Поле Половецкое на Востоке включалось в состав Дашт-и Кыпчака, и имя хана могло быть принятым за этноним.

5) Нигде в перечне племён нет этнонима «кыпчак», как нет ни «сары», ни «куны», ни «кай». Этническая идентификация башкуртов, баджна, асов (ясов), узов (торки) известна. Так же известно, что йемек (емекове) – кимаки, «дурут из кипчаков, а токсоба из татар». Известные в Хорезме югуры, потомки группы уйгуров, пришедших после падения Уйгурского каганата (840 г.) в государство кимаков, а племя уран, по мнению Ахинжанова, было из состава кай, которых он считал кимаками. Но возможно, что племя уран в начале XI века входило в состав кай, после их ухода на запад – вошли в состав токсоба, токусоба, т. е. «девять племён», ведь кай и токсоба были татарского, т. е. монгольского происхождения, что способствовало их слиянию.

Кто же были остальные племена, обитавшие в Дашт-и Кыпчаке и в Поле Половецком? Точно известно одно: и кыпчаки, и куны являлись объединением нескольких племён; предки кыпчаков – сиры состояли из шести племён (названия не известны), что касается кунов, то аль Марвази, называя их группой племён, не назвал ни их названий, ни их числа. О сары подобной информации вообще нет. Первоначально, судя по информации древнерусских, византийских и венгерских источников, Поле Половецкое было заселено племенами куманов, сары, кунов и кай, чьи этнонимы в Дешт-и Кыпчаке не известны. Общие с дештикипчакскими этнонимы появились в причерноморских степях много позже прихода

«первой волны» восточно-тюркских племён: бурчевичи упоминаются в 1097 году, бурновичи в 1127, токсобичи в 1147, емякове в 1184, тёртробичи – 1185 году. Возможно, была ещё одна «очередная волна» пришельцев с Востока, на этот раз из Дешт-и Кипчака, примерно в годы их упоминания в источнике. А возможна простая путаница в распределении племён в Дешт-и Кипчаке, допущенная в восточных источниках их авторами.

Особый интерес вызывает развитие художественного мастерства в изготовлении каменных статуй в Поле Половецком, ведь каменные изваяния в Дешт-и Кипчаке примитивны и не отличаются тщательностью и индивидуальностью в изображении лиц. Что это: естественная эволюция творчества тех же мастеров или сменились мастера? Древнетюркские каменные изваяния VI–VIII вв. известны лишь в Семиречье, Прииртышье, Туве, Алтае и в Монголии. В IX–XII веках к этим статуям добавились кыпчакские – в Центральном Казахстане (Ермоленко, 2004) и половецкие в Северном Причерноморье (Плетнёва, 1974; Чариков, 1979). Какие конкретно племена ставили статуи в Поле Половецком? Ответ специалиста по казахстанским каменным изваяниям неутешителен, но справедливый:

«Ввиду слабой изученности памятников средневековых кочевников, не представляется возможным убедительно соотнести изваяния с конкретными племенами, известными по письменным источникам, поэтому определения «древнетюркский» и «кыпчакский» в значительной мере условны» (Ермоленко, 2004, с. 69).

Добавлю, что в данном случае подобные наименования памятников означают время установок статуй, а не этническую принадлежность их авторов. Но всё же кое-что можно установить. Сравнение половецких изваяний с их характерной особенностью – изображения мужчин и женщин с сосудом в обеих руках – с подобными статуями других тюркских племён показало, что наибольшее их число было обнаружено в Семиречье (38 из 79) и Туве (22 статуи), и всего лишь 8 статуй в Прииртышье (Чариков, 1979, с. 180–185). На территории Северного Алтая, куда бежали сиры/сеяньто – предки кыпчаков, подобных статуй нет, а Семиречье и Тува не входили в Дешт-и Кипчак. У древних тюрков («туцзюе» китайских династийных хроник) установка статуй (как правило, мужчин с оружием) и балбалов обозначала почитание каганов и их боевые деяния, т. е. это был ярко выраженный воинский культ. У тюрков же Западно-Тюркского каганата (603–658 гг.) культ почитания военной доблести постепенно переходит к культу предков. Уже в Тюркешском каганате (699–766 гг.) «это не воинский культ, а почитание предков, так как наряду с мужскими статуями широко распространяются женские фигуры; установка же балбалов по числу убитых врагов почти не практиковалась» (Худяков, 1999, с. 135–136).

Таким образом, широкое распространение женских фигур половецких и тюркешских (в Чуйской долине, в Семиречье, где был центр Тюркешского каганата) изваяний даёт основание полагать, что именно из Семиречья пришли сары/половцы (тюркеши подразделялись на две этно-административные группы – сары и кара). В Чуйской же долине найдено наибольшее количество статуй с изображением сосуда в обеих руках, что укрепляет уверенность о приходе половцев оттуда. Семантика сосудов трактуется по-разному: тюркский поминальный обычай с сосудом крепкого напитка или же манихейский обряд, по которому священная вода в сосуде помогает выйти душе из тела; в обоих случаях, чтобы не пролить священную жидкость, сосуд держат обеими руками (Ермоленко, 2004, с. 46).

Распространение в Семиречье ислама вытесняло старую религию и традицию установки статуй, что способствовало уходу противников принятия новой религии, в том

числе мастеров по изготовлению памятников на запад. Эти памятники и обозначили их расселение на новой родине. По данным видного исследователя половецких изваяний С.А. Плетнёвой (Плетнёва, 1974), районы скопления каменных статуй совпадают с территорией, прежде всего, донецких и северо-кавказских половцев, затем с землями приднепровских и лукоморских. Донецкие половцы – это, очевидно, племенное объединение хана Шарукана и его потомков, в том числе и Атрака, уведшего часть племён на Северный Кавказ и в Грузию; после его ухода из Грузии, часть его соплеменников осталась в Предкавказье, часть вернулась на прежнюю территорию. Приднепровские и лукоморские половцы также хорошо известны в летописи объединения ханов Боняка и Тугоркана и их потомков. Это были племена «первой волны» мигрантов – шары (сары) во главе с ханом Блушем, и позже, со знаменитым Шаруканом «Старым» и, возможно, куны. Из их состава выделились родовые группы – кланы с характерными эпонимами и этнонимами, неизвестные в Дешт-и Кипчаке: Аепа, Алтынопа, Китанопа, улашевичи, отперлюеве, тарголове и другие.

С одной стороны принято считать, что по данным археологии в XII веке кыпчаки подразделялись на «пять основных групп: алтае-сибирскую, урало-казахстанскую, подонско-северо-кавказскую, днепровско-крымскую и дунайско-балканскую» группы (Кляшторный, том 13, 2008, с. 746–747), т. е. кыпчаки и половцы считаются единым народом. С другой стороны, известный тюрколог С.Е. Малов считает, что «кыпчаки и половцы не полностью одно и то же», ему вторит историк А.И. Попов: «полностью отождествлять половцев и кыпчаков нельзя» (Попов, 1949, примечание № 1 и примечание на странице 98), хотя, не объясняя почему. С.Г. Кляшторный полагает, что это вообще разные племенные (именно племенные) группы (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 125–142).

Я согласен с их мнением (особенно, с мнением С.Г. Кляшторного) и объясняю почему: племена разного происхождения и разных, хотя и близких культур, при отсутствии государства не могут создать единое этническое самосознание, без которого не мыслим этнос. Единое этническое самосознание фиксируется в общем самоназвании – этнониме, которого здесь не было. У кыпчаков и половцев характерным, как для кочевников того времени, было родоплеменное самосознание. Следовательно, и кыпчаки, и половцы, и куманы, и куны – разные, хотя и родственные, племенные общности. Этническая близость сделала кыпчаков, половцев и куманов в представлении историков и археологов единым этносом, а их разные этнонимы представлялись ими как названия (этниконы) одного этноса, данные им в разных странах: этноним «кыпчаки» – в восточных, прежде всего, арабо-персидских источниках, «половцы» – в древнерусских летописях; эту же роль играли этнонимы: «куманы» – в византийских и «куны» – в венгерских хрониках. До сих пор в исторической и археологической литературе принято отождествлять куманов с половцами, а последних считают западной ветвью кыпчаков, но это не так. Совпадение половецких этнонимов с названиями племён Дешт-и Кыпчака не является доказательством, что они кыпчаки. Ведь далеко не все племена Дешт-и Кыпчака были кыпчаками – племя токсоба (токсобичи русских источников), например, по свидетельству арабского автора Ибн Халдуна, было не кыпчакского, а «татарского» происхождения.

В половецкой степи накануне монгольского нашествия, по мнению С.А. Плетнёвой, насчитывалось не менее семи «группировок», в том числе в Крыму, Поволжье, Предкавказье (Плетнёва, 2010, с. 183). Первыми (в 1222 г.) силу монгольских кривых мечей испытали на себе аланы и половцы, кочевавшие по соседству с ними. Кыпчаки (так половцев называли арабские авторы) объединились с аланами и достойно встретили тумены Субудая, Джебэ-нойона и Тогулчара. Они, по словам Ибн ал-Асира (Издадин Абу-ль-Хасан Ибн ал-Асир, 1160–1233, в своём труде «Полный свод истории» описал многие события, современником которых он был), «сообща сразились с войском монголов; никто из них не остался победителем». Тогда монголы послали к кыпчакам (половцам) людей из тумена (возможно, из кыпчаков, перешедших на сторону монголов, каких было немало) сказать: «мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им...» и обещали одарить их, если кыпчаки оставят аланов без помощи. Кыпчаки приняли дары монголов, заключили с ними мир и разошлись по своим кочевьям. Разбив алан, монголы направились в кыпчакские кочевья и разгромили их, «и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали» (Ибн ал-Асир).

Переправившись через Керченский пролив, монголы прошли в Крым и взяли город Сугдею (с 1319 года известен на Руси под названием Сурож, современный Судак), находившийся под контролем половцев, и вышли в причерноморские степи. Неоднократно терпевшие поражения половцы обратились за помощью к русским князьям. Их представитель хан Кутан (в летописи – Котян), тесть известного на Руси князя Мстислава Удатного («Удачливый»), обратился к князьям с просьбой о помощи, заключив её словами: «Аще не поможете нам, мы ныне иссечены быхом, а вы наутрее иссечены будете» (Плетнёва, 2010, с.186). Так на Руси от половцев узнали о татарах («татар» на древнетюркском языке означает: тат – «чужой», ар – «муж», с 731 года так тюркские племена называли монголов, от них это название монголов переняли в мусульманских и европейских странах).

Отсутствие единого руководства в союзных русско-половецких силах привело к несогласованности действий, а соперничество князей, отсутствие военной стойкости и неверности союзнического долга у половцев привело союзников к разгрому. Кстати, о неверности половцев, по крайней мере, их вождей, писала Анна Комнина, полагавшая, что «склонность куманов к обману», их «непостоянство и изменчивость» были «как бы их неким природным свойством». Другие современники своими рассказами подтвердили это мнение Анны Комниной. Кроме рассказа Ибн аль Асира о событиях на Северном Кавказе, где половцы предали своих союзников-алан перед решающим боем с монголами, у другого историка, автора «Сборника летописей» Фазлаллаха ибн Абу-ль-Хайра Рашид-ад-Дина (1247–1318 гг.) есть повествование о подобном поведении половцев за Кавказским горным хребтом – в Ширване (ныне часть Азербайджана) и Грузии. В 1220 году монголы завоевали Хорезм, последний хорезмшах Мухаммад назначил своим преемником своего сына Джалал ад-Дина Манкбурны и в том же году бесславно умер. Джалал ад-Дин Манкбурны первоначально успешно воевал с монголами, но затем был ими разбит. После долгих скитаний он сумел собрать войско и направился в Ширван и Грузию. Его вторжение обеспокоило правителей этих и соседних стран; они договорились о союзе против захватчиков. Союзники объединили свои войска и встретились с армией Джалал ад-Дина

Манкбурны близ крепости Гарни (1226 г.). А в грузинских войсках служило множество половцев. Перед сражением Джалал ад-Дин Манкбурны решил осмотреть войска врагов. Он «выехал на холм и увидел знамёна кипчаков с двадцатью тысячами людей. Тогда он послал своего сподвижника Кушкара с подарками к предводителю кипчаков с целью уговорить их покинуть поле боя. Кипчаки отошли в сторону» и союзники были разбиты (Шаниязов, 1974, примечание 150, с. 69). Очевидно, ненадёжность и вероломство половцев было хорошо известно во всех странах, где их знали.

После победы на Калке монгольские полководцы Субудай и Джебэ-нойон направили свои тумены в Волжскую Булгарию. Однако там монголы потерпели поражение и ушли в ставку Чингизхана. Бежавшие в разные стороны половцы вернулись, в основном, в родные кочевья. Но значительная часть их племён ушла на Дунай, пополнив число кочевников в Кумании, степной территории между реками Олт – Дунай – Сирет (современная Румыния). Папа Гонорий III уже создал Куманскую епископию (упоминается в его грамотах 1217 и 1227 гг.) для крещения всё возрастающего числа язычников. Оставшиеся в причерноморских степях племена возобновили набеги на русские княжества, продолжилось их участие в междоусобных войнах русских князей. Особую известность на Руси приобрёл хан Котян. С ним издавна соперничали за лидерство в степи токсобичи во главе с Аккубулем. Шихаб ад-Дин Ахмед ибн Абд аль Ваххаб ан Нувайри (1279–1332 гг.), энциклопедист эпохи мамлюков Египта, в книге «Предел желания в науках словесности» описал, очевидно, со слов мамлюков, происходивших из причерноморских степей, развязку этого соперничества двух племён, которая произошла в 1220-х годах. Однажды встретил Аккубуль, хан племени токсоба, Мангуша, сына хана племени дурут (правильное – дорт или торт, т. е. – «четыре») Котяна, напал на него, взял в плен и убил. В качестве мести Котян подверг разгрому кочевья Аккубуля, который послал за помощью к монголам, уцелевшие после нападения токсобичи перешли на сторону врагов половцев и в 1228–1229 году их отряд на стороне монголов приняли участие в походе Субудая и Кутуя против Саксина. Возможно, что на измену токсобичей повлияло их происхождение: по сведению ан Нувайри «дурут были из кипчаков, а токсоба – из татар», т. е. монгольского происхождения (Кумеков, 1990, с. 123–126).

Опасаясь нападения монголов, хан Котян со своими людьми откочевал за Днепр, где включился в междоусобную войну между киевским и галицким князьями: в 1228 году он оказывал помощь киевскому князю, а в 1234 году, наоборот, разорил Поросье и окрестности Киева.

После покорения Волжской Булгарии (1236–1237 г.) и Северо-Восточной Руси (1237–1238 г.) монголы приступили к завоеванию Половецкой степи. Их действия в 1238–1240 годах являются наименее изученными по причине малочисленности источников. Древнерусские летописи, так подробно освещавшие прежде все события в «Поле Половецком», об этом периоде молчат. Почти единственным источником, где имеются сообщения о монгольском нашествии на половцев в этом регионе, является «Собрание летописей» Рашид ад-Дина. По его сведениям, Менгу-хан, покончив в 1237 году с сопротивлением кыпчаков Бачмана на Нижней Волге, вместе с Каданом направился на покорение племён Северного Кавказа – черкесов, алан и местных половцев. В 1238 году Берке в Половецкой степи громил половцев, взял в плен их хана Беркути и его военачальников Арджумака, Курабаса и Капарана (древнерусским летописцам они неизвестны), в течение 1239 года был захвачен Крым, куда в большом числе бежали разбитые в Причерноморье половцы. Монголы переправились через Днепр и продолжили

свой поход. Половцы бежали на Дунай (вскоре, на северном берегу образовалась целая область Кумания), в Болгарию, где правила половецкая по происхождению династия Асений (1187–1279 гг.), а хан Котян ещё в 1239 году ушёл в Венгрию. Осенью 1240 года были разгромлены чёрные клобуки под Киевом, причём только в Поросье было взято и сожжено 23 городка (Каргалов, 2008, с. 178–180). Настала очередь Киева и Юго-Западной Руси.

К 1241 году монголо-татары прошли по всей Половецкой степи, сокрушая сопротивлявшихся и включая в свои ряды покорных (Фома Сплитский, современник похода Бату-хана на Венгрию отмечает большое число в его войсках куманов/половцев). Что собой представляла эта степь после нашествия? Некоторое представление об этом дают впечатления двух европейских посланцев к монгольскому «императору», проследовавших через причерноморские степи по пути в Каракорум, столицу Монгольской империи. Первый из них, Иоанн де Плано Карпини (Джовани дель Пьяно-Карпини, родом из города Перуджи), монах-францисканец, отправился с посланием от папы римского Иннокентия IV в 1245 году. Из Лиона он пересёк всю Европу с запада на восток, в том числе через причерноморские степи в ставку Батые на Волге и далее, в Каракорум, в Монголию. Второй, также монах-минорит Гилермус де Рубрук (Виллем из фламандской деревушки Рубрук) был отправлен из Палестины с дипломатическим поручением от французского короля Людовика IX в 1253 году. В Акконе (современный город Аккра в Израиле) он сел на корабль и через город Константинополь пересекнув Чёрное море, прибыл в Солдайю (Судак). Из Крыма В. Рубрук пересёк Половецкую степь и далее следовал по маршруту П. Карпини. П. Карпини вернулся домой, побывав в Киеве, в 1247 году; на основе своих наблюдений написал «Книгу о татарах». В. Рубрук вернулся во Францию через Кавказ и Малую Азию в 1255 году, представив королю отчёт под названием «Путевые заметки».

Из их сообщений представляют интерес наблюдения, сделанные в причерноморских степях и в Крыму, касающиеся половцев. В целом, их немного. Касаясь географии расселения половцев, П. Карпини замечает, что на «земле команов текут четыре больших реки – Днепр, Дон, Волга, Яик, с запада с ней граничат Венгрия и Русь, с севера – Мордвия, Великая Булгария и Баскарты (по мнению некоторых историков – Великая Венгрия, хотя по созвучию – башкиры), с юга – аланы и черкесы». Далее: «этих команов перебили татары, некоторые убежали, другие обращены в рабство, однако многие из убежавших возвращаются к ним (т. е. к татарам)». За Яиком Карпини вступил «в землю кангитов. В этой земле, а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мёртвых людей, лежащих подобно навозу. Эти люди были язычниками, и как команы, так и кангиты не обрабатывали землю, а питались скотом; они не строили домов, а помещались в шатрах. Их (кангитов) также истребили и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими (татарами) в рабство».

При возвращении назад Карпини, находясь во владении темника Куремсы, попросил его дать проводника и «Корейца дал нам двух команов, бывших из числа татар до рутенского (латинское название Руси – Рутения) города Киева» («Образование Золотой Орды», 2008, с. 279, 287). В. Рубрук в своих «Путевых заметках» описал погребальный обряд похорон знатного половца, отметив, что обряд был языческим, несмотря на то, что умерший был крещён, а также заметив, что «всё родство их (команов) погребается вместе». Проезжая по Половецкой степи Рубрук пишет: «В ней прежде пасли свои стада команы, именуемые капчат, немцы же называют их валанами» («Образование...», 2008, с. 326–327). Наконец, ценным источником является «История архиепископов Салоны и Сплита» архидьякона сплитской церкви и хрониста Фомы Сплитского (годы его жизни: 1200–1260). Повествуя о

походе монголо-татар на Русь, он пишет: «А потом, пополнив свои воинские соединения, прежде всего, за счёт племён куманов, они снова повернули против рутенов». Далее следует рассказ о походе на Венгрию: «У них (татар) имеется великое множество воинов из разных покорённых ими в войнах народов, прежде всего, куманов, которых они насильно заставляют сражаться» («Образование...», 2008, с. 375, 384).

В 1241 году хан Котян, поссорившийся с венгерскими магнатами, был ими убит в городе Пеште, а его соплеменники ушли из Венгрии в Болгарию, Никейскую империю и в пределы Латинской империи, император которой Бодуэн II заключил с ними союз против Никейской империи (Гугуев, 2009, с.125). Несколько раньше (1241 г.) правитель Никейской империи Иоанн III Дука Ватац (1222–1254 гг.) принял другую часть орды погибшего Котяна. По данным византийского писателя, дипломата и политика, автора исторического труда о Никейской империи Георгия Акрополита (1217–1282 гг.), императору удалось расселить более 10 тысяч куманов во Фракии, Македонии и в районе реки Меандра (современная река Мендерес к югу от города Измир, Турция). Часть никейской армии, так называемая «Скитион», состояла в основном из половцев/куманов. Они участвовали во всех походах и сражениях никейцев на Балканах в 1246–1261 годах (вероятно сражаясь и с воинами Латинской империи, в рядах которых были их соплеменники). Были половцы и среди 800 воинов отряда Алексея Стратигопула, выбившего латинских рыцарей из Константинополя.

В самом начале своего пребывания в Никейской империи половцы были крещены (часть их приняла католичество ещё в Венгрии) в православие и поселены на полученных землях в качестве военных поселенцев – стратиотов. Жили они обособленно деревнями, т. е. оседло. Интересно заметить, что в Венгрии половцев не могли заставить жить оседло несколько веков, а здесь они быстро осели. Очевидно, здесь сказались малочисленность (10 тысяч половцев расселены в разных районах Никейской империи небольшими группами) и безвыходное положение беженцев. Греки, соседи половцев, их не любили, но в случае необходимости обращались к ним за помощью, так как их вес и военная сила в округе всё же были значительными. Некоторые из половецкой знати стали приближенными императора Феодора II (1254–1258 гг.), а один из них, по имени Клеон, в 1256 году успешно воевал в Болгарии. В 1258 году половцы поддержали Михаила Палеолога в захвате власти и сохранили своё высокое положение в его царствовании (Жаворонков, 1995, № 56(81), с. 137–143).

Весьма важную роль играли половцы/куманы в Болгарии. Поддержав в 1185 году антивизантийское восстание болгарского народа, куманы содействовали приходу к власти болгарских бояр (бояр) половецкого происхождения братьев Петра и Асеня, основателей династии Асенов (1187–1279 гг.), что закрепило их высокое положение в болгарском обществе и в армии. Известный своими победами над византийцами и рыцарями Латинской империи царь Калоян (1197–1207 гг.) был женат на дочери куманского хана, что дало ему военную помощь куманской конницы и принесло многие победы. В 1280 году начался новый период возвышения куманов: на трон царя Болгарии был избран выходец из ханского племени половцев тортоба (в болгарском источнике – тертероба, в древнерусской летописи – тортьробичи) Георгий Тертер (правил в 1280–1292 гг.), основавший династию Тертеровичей. Сей Георгий до избрания на царство был стратигом (военачальником) всей болгарской армией и женат на сестре последнего царя династии Асенов.

Возрастание роли половцев не способствовало могуществу Болгарии, напротив, именно в период правления Тертеров начался процесс дробления единого государства, а сам царь

стал вассалом монгольского темника Ногая. Следует отметить, что усиление присутствия куманов в «высшем эшелоне» аристократии, в государственных органах и в армии не привело к особым изменениям в политической жизни страны, тем более что куманская знать очень быстро слилась с болгарской. Что касается простых кочевых куманов, то в отличие от куманской знати, процесс их ассимиляции болгарами был более сложным и длительным. Отдельные группы половцев/куманов вошли в состав гагаузов. Примерно в это же время возникло княжество кумана Балика на степной территории, расположенной между Дунаем и Чёрным морем, названной позже по имени, причём чисто славянским – Добротица, Добруджей (Павлов, 1990, № 7, с. 16–26). Княжество Балика существовало в Добрудже до завоевания её турками в 1400 году.

Золотая орда в судьбе кыпчаков/половцев/куманов

Источники: сочинения арабо-персидских авторов (Рашид ад-Дин, Ибн Батутта, Аль Омари, Ад-Димашки и другие), русские летописи.

Литература на русском языке о Золотой Орде огромна, однако по данной теме имеется незначительное число исследований, которые и были использованы: научные труды Г.А. Фёдорова-Давыдова, С.Г. Кляшторного, Д.М. Исхакова, Т.И. Султанова, а также О. Исмагулова, В.Л. Егорова, Кычанова и Ю.С. Худякова.

Границы и административное деление

Закончив «европейский поход» (1242 г.) Бату-хан и другие чингизиды, участники похода, возвратились в причерноморские степи. Большая их часть со своими воинами вернулись в Монголию, в улус Великого хана, куда вскоре потянулись и главы подчинённых народов. Остались Бату-хан, который возглавил улус своего отца Джучи-хана, и его братья Орду и Шибан. Вскоре в Нижнем Поволжье был построен город Сарай (перс, «дворец»), ставший столицей вначале улуса Джучи, а с 1267 года, после распада Монгольской империи, государства, называемым в научной литературе Золотой Ордой. Её западная граница проходила по реке Прут заходя на юге до Дуная, на севере граница проходила по южным землям Руси, часть населения которых покинула разорённые нашествием места (подчинённые монголам русские княжества административно не входили в состав Орды), включая Волжскую Булгарию, находившуюся далее на восток Башкирию и область Сибирь (современные Омская, юг Тюменской и юго-запад Новосибирской областей); восточная граница шла по реке Иртыш, поворачивая на юг в районе озёр Зайсан, Сасыколь, Алаколь и Балхаш. Южная граница шла с востока на запад с гор Каратау до Сыр-Дарьи, далее по этой реке, захватывая Хорезм и всё Приаралье. Она продолжалась далее прямо на запад до Каспийского моря, по предгорью Кавказа, по реке Кубани и по берегу Чёрного моря, включая Крым (где вассалами монголов были небольшие горные княжества Феодоро и Кырк-Эр), до Дуная.

Элита Золотой Орды представляла собой иерархию высшего общества: верхнюю ступень его занимали потомки старшего сына Чингиз-хана Джучи, только они именовались ханами и имели право занимать престол (в первую очередь – потомки Бату-хана). После чингизидов ступень ниже занимали эки-нойоны (эмиры, в русских источниках – великие князья), командующие туменом (10 тыс. воинов), т. е. темники. Ниже темников в общественной иерархии Золотой Орды шли нойоны (беки, удельные князья), командующие тысячей воинов, т. е. «тысячники» (Селезнёв, 2009, с. 10–12). При Узбеке появилась должность беклярибека (дословно «бек беков»), главного военачальника, т. е. вроде министра обороны. Темниками обычно были главы монгольских племён, давних союзников Чингизхана, с его потомками завоевавшие Дешт-и Кипчак и причерноморские степи – кияты, например, из которых был известный беклярибек Мамай, или могущественный Эдиге (Едигей в русских источниках), эмир племени мангыт и основатель Ногайской Орды. Беками могли быть перешедшие на сторону монголов кыпчаки и половцы, как, например, хан токсобичей.

В административном отношении Золотая Орда делилась на 22 улуса во главе с чингизидами и эки-нойонами. Верховная власть до 1267 года находилась в руках Великого хана в Каракоруме в Монголии, а с распадом Монгольской империи перешла к потомкам Бату-хана. Домен хана (его личный улус) Золотой Орды находился в Нижнем Поволжье, между Волгой и Яиком (Уралом). Обширная территория входила в состав улусов братьев Бату Шибана (район между реками Эмба и Сыр-Дарья) и Орду-Ичена (район от озера Балхаш до Иртыша). Северный Кавказ и правобережье низовья Волги вошли в улусы Берке и сына Батыя Сартака. Самая западная территория Орды вошла в состав Нохоя (Нагай в русских источниках).

Народонаселение: разные языки и культуры, религии и образ жизни

Численность населения, даже примерная, не известна. Имеется попытка Э.С. Кульпина определить численность монголов и пришедших с ними племён, исходя из имеющихся в исторических сочинениях средневековых авторов данных о численности войск Бату-хана. Взяв за основу численность вернувшихся из похода в 1242 году (60 тысяч воинов), автор определил общую численность пришельцев в 300 тысяч человек в 1242 году и «не менее 900 тысяч в 1282 году», которая «утроилась с 1242» (Кульпин, 2006, № 6, с. 30). Однако автор игнорировал потери монголов в походах на русские княжества (Неврюя против Андрея в 1252 году, Куремсы и Бурундая против Даниила Галицкого, военные действия Ногая против Болгарии, Византии и Хулагидов в Закавказье); таким образом, расчёты Э.С. Кульпина оказались чисто теоретическими, без учёта многих, в том числе военных, факторов, а значит – завышены. Причём расчёты численности пришедших с монголами племён, очевидно, касались европейской части Золотой Орды, какова численность всего населения – неизвестно. Этнический, расовый и иной состав населения почти не исследован. Известно лишь то, что этнический состав весьма сложен – это: местные оседлые народы в Крыму, Волжской Булгарии, Хорезме, кочевые местные и пришлые племена, пленные из разных мест, где побывали монгольские отряды, поселённые в городах. Рассмотрение всего населения Золотой Орды не входит в задачу данного исследования. Поэтому коснусь лишь этнического состава кочевого населения, тем более что некоторые данные археологии и сведения некоторых авторов, современников Золотой Орды позволяют сделать это.

Археологи отмечают, что с приходом монголо-татар увеличилось число погребений без коня, с северной ориентировкой, характерной для центральноазиатских племён. Влияние пришельцев было сильнее в области Саксин (Нижнее Поволжье), там же чаще встречаются в погребениях характерные для монголов предметы, такие, как бока (характерный женский головной убор) и фигуры человечков из бронзы. Несколько меньше их влияние было в области Моздока на Северном Кавказе и на территории Татарстана. Изменяются места обитания местных кочевых племён: «некоторые районы степи пустеют, в других же население увеличивается, но значительная часть половецких и других племён остаётся на местах своих традиционных кочевий: на Северном Кавказе, кроме Моздокских могильников, половецкие захоронения сохраняются, расширяясь до низовьев Дона; в Поднепровье не только сохраняются, но и расширяются в районе Тирасполя за счёт половецких переселений, то же – на Дону и Северском Донце» (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 159–172). Захоронения чёрных клобуков в Поросье значительно сократились в результате их бегства на Днестр и увода монголами в Нижнее Поволжье, где появляются характерные для них погребения.

Из коренных монголов ещё Чингизханом было определено для Джу-чи 2 тысячи воинов племени хушин и по 1 тысячи воинов племени кингит и салджиут, т. е. примерно 20 тысяч с женщинами и детьми. Кроме того, пришли с монголами монголоязычные, но не называвшие себя монголами, племена – союзники Чингизхана из Монголии – хонкират или кунграт (из которых чингизиды обычно брали жён), кияты, мангыты, джалаиры, уранкаты и другие, а так же покорённые – кераиты, меркиты, кытай и найманы. В сочинениях арабо-персидских авторов при описании событий XIII–XIV вв. в Золотой Орде зафиксировано 62 этнонима, среди которых фигурируют и племена домонгольского времени (ас, башгырд, бурджоглы,

каанбайлы, огуз, уйгур, а также вновь появившийся, в узком смысле, этноним кыпчак), и новые монгольские, тюркские (алчин, карлук, минг, уйсун и другие) и неизвестные раньше маджары и тангуты (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 223). При всём этническом многообразии государственным языком был кыпчакский, при дворе употреблялись арабский и монгольский (во время правления хана Узбека и принятия в качестве государственной религии ислама арабский язык укрепляет свои позиции, а монгольский – исчезает).

Взаимодействие народов и племён в этнически сложном населении Золотой Орды, требовало определённой политики со стороны государства. И она была. В отношении покорённых кочевых племён была применена система «унаган богол» как особая форма зависимости – покорённые племена стали «унаган богами» монгольских ханов, даже племён и родов – победителей, причём часто побеждённые роды и племена включались в родо-племенную структуру племён-победителей, принимая этноним победителя, но сохраняя свой в качестве названия его подразделений. Так в более позднее время формируются этнические группы с монгольским этнонимом, а в её родоплеменной структуре сплошь тюркские названия.

В связи с этим следует отметить ошибочность мнения Кульпина, который пишет: «Тысячи и тьмы у монголов формировались по племенному принципу». Верно! Но дальше – «поскольку тысячи и тьмы назывались по тысячникам и темникам, то отсюда и ведут своё происхождение монгольские названия тюркских родов Золотой Орды» (Кульпин, 2006, № 6, с.36). Вот здесь ошибка: ни в одном письменном источнике не смешиваются антропонимы с этнонимом – выше указано, что Чингизхан придал в улус Джучи 2 тыс. воинов племени хушин, добавлю – 1 тысяча Хуштая и 1 тысяча Байку, дальше – 1 тысяча воинов племени салджиут Мунгура и тысяча кингитов Кинкетай Кута-нойона. Так что подобного смешения нет!

К тому же темникам и особенно тысяцкими были не только монголы, тюркскими племенами, добровольно перешедшими на сторону монголов, управляли их собственные вожди. О половецкой аристократии на монгольской службе под эгидой монгольского хана сохранивших свою власть над соплеменниками ничего не известно (кроме сообщения Ан Нувайри о том, что передавшийся монголам хан племени токсоба Ак-кубуль со своими воинами помог взять монголами в 1229 году город Саксин), известно лишь, что половецкий обычай ставить каменные статуи над погребениями, как полагают археологи, аристократов с середины XIII века исчезает (хотя общий обряд погребения сохраняется до XV века), что даёт основание полагать, что половецкая кочевая знать утратила своё значение (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 239).

Большую роль в этнических процессах сыграла улусная система: население создаваемого улуса формировалось из частей самых этнически разных племён, в результате чего отдельные группы одного племени оказывались в составе разных улусов, разных географических районах Золотой Орды, а после её распада – в разных государствах и в результате оказались в составе разных народов.

Помимо этого, так сказать, государственного вмешательства в естественный процесс сосуществования полиэтнического государства, в стране активно шли различные этнические процессы: параллельно с усвоением межплеменного тюркского (кыпчакского) языка, миграциями из улуса в улус, набегами на соседей, в которых теряли людей и откуда приводили пленных, этнически расширялись брачные контакты. Как сообщал в своём сочинении «Пути взоров по владениям городов» Ибн Фадлаллах аль Омари (Умари, 1301–1349 гг.): «В древности это государство было страной кипчаков, но когда ею завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кипчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они

стали точно кипчаки» (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 223). Можно спорить с его объяснением описанного процесса, но будучи секретарём мамлюкского султана аль-Малика ан-Насира, имевшего тесные дипломатические связи с Золотой Ордой, аль Омари хорошо знал этническую ситуацию, о которой написал, объяснив её по-своему. Но следует учесть, что для автора этнический состав населения Золотой Орды был прост: местное население, которое он по традиции называет кипчаками (ведь все жители Дешт-и Кипчака – кипчаки!), все пришельцы – татары, т. е. монголы. Местные ассимилировали пришельцев. Он прав, лишь следует внести поправку: вместо кипчаков следует понимать тюркские племена Дешт-и Кипчака, частью которых были кипчаки; что касается «татар», то с ними пришли не только монгольские, но и тюркские племена.

Указанный процесс ассимиляции касался кочевого населения Золотой Орды. Что касается покорённых монголами стран с оседлым населением, то в них этнические процессы проходили по-разному: например, в русских княжествах иноземное иго вызвало этническую консолидацию в Волжско-Камской Булгарии (язык болгар подвергся влиянию кыпчакского языка), а также в Крыму с приходом новых тюркских племён усилился процесс тюркизации нетюркского населения.

Важную роль в этнических процессах играло принятие в качестве государственной религии ислама. Оседлое население Хорезма и Волжской Булгарии уже были мусульманами, на Руси и в Крыму господствовало христианство. Среди кочевников были и те и другие, но большинство их исповедовало разные формы шаманизма. Правители Золотой Орды были шаманистами и придерживались политики веротерпимости. Однако политическое (союз с мамлюкским Египтом, например) и экономическое (торговые связи со странами Востока) влияние мусульман во внешней и внутренней политике Орды поставило вопрос о принятии государственной религии именно ислама. Первым правителем-мусульманином был Берке (правил в 1257–1266 гг.), вторым – Узбек-хан (1313–1341 гг.), он и сделал ислам государственной религией Золотой Орды (1321 г.), однако, кочевые племена оставались (об этом свидетельствовал, в частности, Ибн Баттута) шаманистами; их «огнём и мечём» приобщал эмир Эдигей (фактически правил в 1395–1419 гг.). Однако и позже кочевники совмещали мусульманскую религию с тенгрианскими верованиями.

Этнический аспект политического распада Золотой Орды

Большую роль в политическом распаде Золотой Орды сыграл этнический фактор, особенно в оседлых районах. Уже в 1361 году, воспользовавшись неурядицами в центре Орды, вышел из её состава Хорезм, закачалось её господство на Руси в 1380 году. Всегда было стремление к независимому правлению и в кочевых улусах, например, темника Ногая в самом западном районе Золотой Орды во второй половине XIII века или беклярибека Мамай в Крыму через сто лет после Ногая. По мере ослабления центральной власти тенденция к сепаратизму возрастает. В отличие от районов с оседлым населением в кочевых улусах, с их этнически родственными племенами, определяющую роль играет политический лидер как, например, эмир племени мангыт Эдиге, чьё владение (юрт) стало ядром Ногайской Орды.

XV век стал временем распада некогда могучего государства – начался «парад» суверенитетов: 1428 г. – обособился Узбекский улус Абулхайр-хана, 1436 г. – Крымское ханство, 1438 г. – Казанское, 1470 – Казахское, 1481 – Тюменское (Сибирское). В 1502 году бывшие улусы покончили с Золотой Ордой. Население новых государств на Руси и в Европе продолжали называть «татарами». Таким образом, этнические особенности распада Золотой Орды касаются, главным образом, оседлого этнически сложившегося её населения (Хорезм, Булгария, отчасти Крым) – эти улусы отпали в первую очередь и стали устойчивыми государственными образованиями. Что касается улусов с кочевым населением, представлявшим племенные сообщества, то здесь процесс образования государств были весьма сложными. Многие зависело от воли сильной и удачливой личности – так, например, возникли государство кочевых узбеков Абулхайр-хана и Казахское ханство султанов Керей и Джанибека. Лишь как исключение не чингизид, глава племенного владения (юрта), благодаря своим личным качествам, сумел создать политическую основу большого кочевого государства. Я имею в виду Едигея (Эдиге или Идику – под разными именами он вошёл в исторические предания нескольких тюркских народов, чья история была связана с Ногайской Ордой), эмира Мангытского юрта, фактического основателя Ногайской Орды, где не было ханов-чингизидов.

Итак, каковы же судьбы кыпчаков, половцев, куманов в период Золотой Орды и после её распада?

До монгольского нашествия на Дешт-и Кипчак и причерноморские степи этнонимы «кыпчак» и «половцы (куманы, куны)» были обобщёнными наименованиями всех кочевых племён Великой степи, т. е. этниконами. Будучи покорёнными монголами, кыпчаки вновь «приобрели» свой этноним, правда, уже в качестве племенного названия, а название Дешт-и Кипчак сохранялось, но уже в качестве историко-географического наименования, в мусульманских источниках до 1613 года, когда было вытеснено названием Казахстан.

Арабский путешественник и географ, бербер по происхождению Абу Абдаллах Мухаммад аль Лавати ат Танджи (т. е. из Танжера) Ибн Баттута в 1333–1334 гг. посетил Золотую Орду и её столицу, описав этнический состав населения города: кроме монголов, он назвал асов, кипчаков (очевидно, местные тюрки), черкесов, руссов и румов (греков). Более точные сведения о собственно, или как сейчас говорят, этнических кыпчаках имеются в других источниках о жизни хана Тохтамыша. Согласно им, султан (т. е. чингизид) владел четырьмя эями племён (ширин, барын, аргын и кыпчак) в Кок-Орде (Синяя Орда) на

территории Казахстана. Ополчения из этих племён стали личной гвардией Тохтамыша. Сокрушив разгромленного на Куликовом поле Мамай (на реке Калке в конце 1380 года), хан Тохтамыш восстановил политическое единство Золотой Орды. Племена его личной гвардии стали «главными родами» Золотой Орды, а после её распада – в Крымском, Казанском и Касимовском ханствах (Исхаков, 2009, с. 9, 15–20). Ввиду их немногочисленности и вероятно родственных связей, эти племенные группы были, как указывается в источниках, родовыми группами – кланами. Например, изгнанный из Главного улуса в нижнем Поволжье хан Улу-Мухаммет ушёл со своей личной гвардией (аргын, барын, ширин и кыпчак) в Булгарский улус, где основал Казанское ханство. По числу главных родов, составлявших гвардию Улу-Мухаммета, ханство было разделено на четыре части (даруги) во главе с беями из указанных племён, причем уделом кыпчакских беев (князей) была территория Арской даруги. С Улу-Мухамметом пришли всего 3–3,5 тысяч воинов (сколько из них было кыпчаков – неизвестно, но не много). В Крыму кыпчакские беи владели областью Кырк-Ер близ города Бахчисарая, основанного в начале XVI века (Исхаков, 2009, с. 15, 20). Основная масса кыпчаков кочевала в своих элях на территории современного Казахстана. Были они и в государстве Тимура (Тамерлана): в его походах на Тохтамышта в 1391 и 1395 годах принимал участие Кыпчакский кошун (кошун – наследственное владение, поставлявшее хану воинов) во главе с Осман-бахадуром (Султанов, 1982, с. 12).

В отличие от кыпчаков, продолжавших бытовать в восточных источниках пусть в качестве племенной общности, названия «половцы», «куманы» исчезают со страниц русских летописей и западных хроник. Последние их упоминания в Волыно-Галицкой летописи относятся к 1245, 1249 и 1253 годам, когда в войсках князя Даниила Галицкого и его брата Василия Волынского входили отряды половцев хана Тегака (возможно родственника хана Котяна, на дочери которого был женат Мстислав Удатной, а на его внучке – Даниил Галицкий, причём сватом был Тегак). В 1252 году, опасаясь увода «своих половцев» монголами, Даниил отправил хана с его людьми на северный рубеж Волыни в качестве военных поселенцев для защиты от набегов ятвягов и литовцев, где они и основали десятки поселений (Алексеюк, 1973). Упоминание половцев в составе войск Мамай на поле Куликовом (1380 г.), если не анахронизм, то оно является самым последним их упоминанием в русских источниках.

Что касается куманов, то последние их упоминания содержатся в трудах П. Карпини и В. Рубрука. Возможно, что о них имеются сообщения в болгарских и византийских источниках – ведь эти страны приняли массу беженцев из причерноморских степей, но в 1242 году через Болгарию прошли возвращающиеся полчища Бату-хана, позже страна неоднократно подвергалась набегам отрядов Ногай, которые затронули и византийские земли. Больше в этом отношении «повезло» кунам Венгрии. Вплоть до конца XIII века в венгерские владения прибывали беженцы из причерноморских степей, которых селили на опустевших после монгольского нашествия землях. Особенно крупная (около 80 тысяч человек) группа из шести половецких (кунских) и одного ясского племён прибыла вскоре после ухода монголов. В 1280 году, после подавления восстания, вызванного попыткой насильственной ассимиляции, часть кунов (15–20 тысяч) откочевала обратно в причерноморские степи, во владения Ногай. Оставшиеся куны ещё длительное время сохраняли свою этническую самобытность.

Выходцы из Дешт-и Кипчака были представлены и других странах, в частности в монгольском Китае, где они входили в военную элиту (Кадырбаев, 1991, с. 12), в Сирии и

Египте, где занимали видное место среди мамлюков. В Китае они, как и все иностранцы, служившие монголам, были истреблены восставшим против монголов народом, а в Египте мамлюки были уничтожены в 1811 году Мухамедом Али. Выходцы из Золотой Орды, в том числе половцы и кыпчаки, были и в русских, и Литовском княжествах, но здесь они именовались татарами.

Предисловие

В настоящее время нигде нет народа с названием кыпчаки, половцы и куманы. Разумеется, эти племена стали этнической основой в формировании многих современных тюркских народов – казахов, ногайцев, каракалпаков; одним из важных этнических компонентов в сложении башкир, татар и тюркских народов Северного Кавказа – карачаевцев, балкарцев и кумыков. Всё это так. Но хотелось бы найти прямых потомков кыпчаков, половцев, куманов, сохранивших этническую преемственность своих предков. И они есть: в составе многих, как правило, тюркских по языку и кочевых в недавнем прошлом образу жизни народов ещё сохранились субэтнические группы с этнонимом «кыпчак». История разделила по отдельным народам и разбросала некогда единый этнос по разным странам тюркского мира. В Европе лишь Венгрия может представить немногочисленный реликт некогда многочисленных кочевых племён, известных как половцы/куманы, а ныне называемые венграми кунами. Хотя генетических потомков этих племён, потерявших свои этнические черты, можно найти среди многих народов Европы – украинцев, русских, болгар, гагаузов, румын и даже белорусов.

Приглашаю познакомиться с некоторыми сведениями по этнографии потомков средневековых кыпчаков, половцев и куманов.

Ниже приводятся сведения о потомках кыпчаков, половцев и куманов: их расселение, этнический состав, описание расового типа, в том числе некоторых характерных в расовой идентификации описательных и антропометрических данных (скуловой диаметр, головной указатель, степень роста бороды у мужчин старше 25 лет в баллах, процент наличия эпикантуса), приводятся данные об этногенезе (происхождении) конкретных групп, их численности, традиционном хозяйстве и религии. В конце приводится использованная литература.

Введение

Этническая группа «кыпчак» в составе многих народов, входивших в состав Российской империи и Советского Союза, а в настоящее время часть их составляют титульные этносы в государствах вне России (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан), другая часть (алтайцы, башкиры, ногайцы) входят в состав Российской Федерации. Ввиду того, что все эти народы исторически связаны с Россией и многие представители народов, ныне граждан самостоятельных стран, проживают в России лучше представить данные о кыпчаках не по странам, где проживают их группы, а по народам, часть которых они представляют.

Алтайцы (алтай-кижилер)

Образуя подразделение («сеок») в составе алтайцев, кыпчаки живут в долине реки Чарыш в Усть-Канском районе Республики Алтай. Подразделяются на отделы: аксу, дият, кодончи, котон, сары, сурас, тужат, шодон. По языку, физическому облику (более монголоидный вариант южно сибирской малой расы) и хозяйству не отличаются от алтайцев других сеоков.

Численность: в 1897 году насчитывалось 1,7 тысяч кыпчаков (9,2 % численности алтайцев); по моей оценке на 2002 год – 6,2 тысяч человек (9,2 % от 67,2 тыс. алтайцев) в пределах РФ.

Этногенез. В 1209 году племена Алтая были покорены монголами, в 1273 году они восстали. Восстание было подавлено кыпчакскими отрядами Тутухи-хана, состоящего на монгольской службе. В 1309 году на Алтае в качестве военных поселенцев селятся отдельные группы кыпчаков. Они смешались с местным населением, составив подразделение алтайцев, сохранив прежний этноним.

Религия идентична верованиям алтайцев других сеоков (бурханизм).

Литература: Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

Башкиры (башкорттар)

В составе башкир несколько кыпчакских групп: ак-кыпсак, бушман-кыпсак, гирей-кыпсак, карагай-кыпсак, кары-кыпсак, суун-кыпсак и сянким-кыпсак (в башкирском произношении исконного «кыпчак»), имеющие возможно одно происхождение, но разную этническую историю.

Основная территория современного расселения – Кугарчинский, Куюргазинский, частично Баймакский, Белорецкий, Абзелиловский, Ишимбайский, Мелеузовский и Бурзянский районы Башкортостана, а также Тюльганский район Оренбургской области РФ.

Антропологически большинство кыпчаков-башкир относится к смягчённому варианту южносибирской расы (среднеширокое лицо, скул. диам. – 143,6 мм, рост бор. – 2,09 балла, эпикантус у 29,2 % мужч., рост – 164,9 см), всё же они более монголоидны, чем основная часть башкир.

Говорят кыпчаки-башкиры на местных говорах южного диалекта башкирского языка.

Численность. В 1926 году, когда в СССР проходила перепись населения, Башкирская АССР делилась на территориально-административные регионы – кантоны, в которые входили волости, причём многие из башкирских волостей назывались по племенным этнонимам в соответствии с населением этих волостей. Так вот, население волостей с кыпчакскими названиями насчитывало по переписи 1926 г. 34 тысячи человек (абсолютное большинство их – кыпчаки), в том числе 22 тысячи в Стерлитамакском кантоне, 12 тысяч – в Зилаирском. Кроме того, в Тамъян-Катайском кантоне, в Кипчакской волости проживало около 3 тыс. карагай-кыпчаков, в Белорецком – свыше 2 тысяч гирей-кыпчаков. По данным А.А. Камалова на территории Башкирии насчитывается 224 деревни кыпчаков-башкир, в том числе 94 кары-кыпчаков, 23 – бушман-кыпчаков, 22 – суун-кыпчаков, 16 – карагай-кыпчаков и т. д., включая деревни с населением кыпчаков всех групп.

Этногенез. Анализ генеалогических преданий (шеджере), этнонимики, урана (боевой клич, здесь – «токсоба») даёт основание предполагать, что этническую основу кыпчаков-башкир составили средневековые кыпчаки – токсоба (в соответствии с ураном) и ильбари, эмир которых Бачман, возглавивший борьбу против монголов, имя его, возможно, стало частью этнонима бушман-кыпчаков у башкир. На территории Башкирии кыпчаки расселились на рубеже XIII–XIV веков, главным образом в южных и юго-восточных степных районах. Лишь небольшие группы, вероятно мигрировавшие раньше, обосновались в горных лесах. Смешавшись в процессе миграции (например, с кереигами в группе гирей-кыпчак) и на новых местах – с местным населением (карагай-кыпчак), кыпчаки образовали несколько отдельных групп, из которых наиболее «исконными» считаются кары-кыпчаки (кары, значит – «старые»).

Традиционное хозяйство. У степных групп до начала XX века преобладало полукочевое скотоводство (овцы, лошади, верблюды), у горных и лесных групп – земледелие, пчеловодство, лесные промыслы.

Верующие – мусульмане (сунниты).

Литература: Акимов М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. М., 1974; Камалов А.А. Кыпчакский этнический ареал в Башкирии // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, Руденко С.И. Башкиры: историко-

этнографические очерки. М.-Л., 1955.

Территория Казахстана была территориальной основой средневековой Кыпчакской степи (Дешт-и Кипчака), поэтому естественно, что и в настоящее время именно в Казахстане проживают наиболее многочисленные группы кыпчаков («кыпшак»). В XIX – начале XX века они подразделялись на группы: кара-кыпшак, кулан-кыпшак, сары-кыпшак, торы-кыпшак и узун-кыпшак, которые делятся на более мелкие подразделения. Компактно кыпчаки расселяются в Костанайской (Алтысаринск., Карабалыкск., Амангельдиск., Жангильдинск., Тарановск. и Фёдоровск. р-ны), Акмолинской (Ишимск. р-н), Павлодарской (Иртышск. р-н), Кзыл-Ординской (Жана-Корганск, Чиилийск. р-ны) областях Казахстана, в Омской и Курганской областях РФ.

Антропологически кыпшак-казахи относятся к местному варианту южносибирской малой расы (характерные черты: скуловой диаметр– 147,9 мм, эпикантус– 29,5 % у мужчин и 40 % у женщин, рост бороды – 2,44 балла, прямая спинка носа у 89,4 %) мужчин, длина тела 164,9 см у мужчин и 152,3 см у женщин); в целом для кыпчаков характерно: среднее выступание скул, слабое развитие эпикантуса, пониженный рост бороды, рост ниже среднего.

Большинство кыпшак-казахов говорит на северо-восточном диалекте, лишь кзылординские и чимкентские кыпшаки– на южном диалекте казахского языка.

Численность. В 1896–1913 гг. российским правительством был проведён учёт некоторых земель Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской губерний и проведена перепись казахского (тогда казахи назывались в России киргизами) населения с учётом их родоплеменной структуры. По данным этих переписей в составе казахов было: в Кустанайском уезде – 47,1 тыс. кыпчаков, Акмолинском – 10,7 тыс., Омском – 10,7 тыс., Павлодарском– 14,8 тыс., Перовском– 31,3 тыс. человек; итого было зарегистрировано 122 тысяч кыпчаков; кроме того, в Тургайском уезде по переписи 1910 г. насчитывалось 52,8 тысяч человек, проживавших в 6 кыпчакских волостях. При пересчёте на единую дату (1897 г.) во всех указанных уездах– 169 тыс. кыпчаков. Разумеется, приведённые данные весьма устарели, тем более что прошли не только годы, но и большие социальные потрясения – Тургайское восстание 1916 года, гражданская война, голод при насильственном переводе казахов-кочевников на оседлость и коллективизация хозяйства, вызвавшие огромную смертность и бегство казахов, в том числе и кыпчаков вглубь России и в Китай, Монголию. Приведённые данные лишь свидетельствуют, что в составе казахов кыпчаки составляли количественно заметную этническую группу.

Традиционное хозяйство кыпчаков не отличалось от казахов других этнических групп – кочевое скотоводство.

Не выделялись кыпчаки и в **верованиях** – мусульмане (сунниты) с элементами шаманизма (тенгрианства), в том числе почитание духов предков («аруахов»).

Хорошо известны кыпчаки в казахском фольклоре, в частности, в героическом эпосе «Кобланды-батыр», который был из кара-кыпчаков.

В завершении сведений о кыпшак-казахах, следует отметить, что кроме групп, сохранивших этноним «кыпшак», в составе казахов Младшего жуза имеются этнические группы, этнонимы которых соотносятся с некоторыми этносами Дешт-и Кыпчака домонгольского времени. Из них наиболее известны канглы, которые, кстати, представлены

не только в составе казахов, но и в составе узбеков, каракалпаков, башкир, ногайцев и киргизов. За пределами Казахстана этнологам не известны казахи – байбакты или берш. Казахстанские историки, например, Б.Е. Кумеков, соотносит этноним «берш (точнее, бериш, т. е. «волчонок») с известным племенем Дешт-и Кипчака бурджоглы (Кумеков, 1993, с. 72), а в группе байбакты имеется подразделение токсоба, что явно указывает на историческую их связь с токсобичами древнерусских летописей.

Литература: Востров В.В. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX–начало XX века). Алма-Ата, 1968; Евстигнеев Ю.А. Численность казахских субэтнических групп (конец XIX века) // Лавровские чтения 1993 год. Краткое содержание докладов. СПб., 1994, Кумеков Б. К кыпчакско-мадьярским этническим связям // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.). Алматы, 1995.

Каракалпаки (каракалпактар)

Кыпчаки-каракалпаки компактно проживают в Чимбайском районе Каракалпакстана, Республика Узбекистан. Подразделяются на шесть групп (алты-ата): канжигалы, естек басар, сангмурын, толыс, шунак, ябы; в состав кыпчаков входят в качестве особого подразделения канглы. В расовом отношении кыпчаки не отличаются от остальных этнических групп каракалпаков – они относятся к варианту южносибирской малой расы и антропологически ближе к казахам, чем к узбекам Хорезма. Говорят на северо-восточном диалекте каракалпакского языка.

Численность по переписи, проведенной в Чимбайском отделе (современная Каракалпакия) Сыр-Дарьинской области в 1912 году, насчитывалось 84,1 тысяч каракалпаков, из них 9,2 тысяч кыпчаков (10,9 %).

Этногенез. Как этнос каракалпаки известны в восточных источниках с 1598 года (в русских – с 1613), когда они обитали на берегах Сыр-Дарьи. Сам их этноним в переводе «чёрные шапки», но шапки с острым верхом – калпаки, т. е. колпаки, наводит на мысль о чёрных клобуках древнерусских летописей, что и послужило аргументом в гипотезе происхождении каракалпаков от чёрных клобуков, союза печенегов и торков, служивших русским князьям. Но по своей форме калпак (колпак) отличается от клобука (клобук является головным убором православных священников), который представляет собой головной убор цилиндрической формы с тупым верхом. По форме клобук – это скорее папаха (кстати, в Турции проживают карапахи), а не колпак. Кроме того, «черношапочники» были и Восточном Дешт-и Кипчаке, это караборикли («чёрношапочники»), кочевавшие в Приаралье. Очевидно, они и стали этнической основой каракалпаков («чёрные колпаки»), дав новому народу свой этноним (ведь и по языку и по расовому типу каракалпаки отличаются от чёрных клобуков, состоявших из печенегов и торков).

Кроме караборикли, большую политическую роль в их этногенезе сыграли тюркизировавшиеся монгольские племена кунграт (хон-кират) и мангыт, господствовавшие в Ногайской Орде, из которой и выделились каракалпаки. Кыпчаки, как и многие другие племена, в том числе караборикли и канглы, в период Золотой Орды входили в состав племён-завоевателей на основе системы «унагал-богон», затем входили в состав других политических образований, в том числе и в образовавшийся в процессе распада Ногайской орды союз племён, назвавший себя каракалпаками. Как уже сказано выше, каракалпаки упоминаются на берегах Сыр-Дарьи, на берега Аму-Дарьи их переселил в 1811 году хивинский хан. По начертанию тамги (знак родовой собственности) «кос алип», т. е. две палочки (П) кыпчаки-каракалпаки идентичны кыпчакам-казахам, а по урану (боевой клич, по которому узнают своих) «токсоба» – кыпчакам-башкирам.

В отношении хозяйства (по переписи 1897 г. 87 % каракалпаков Аму-Дарьинского отдела занимались оросительным земледелием, 10 %) – скотоводством, остальные рыболовством и ремеслом) и по религии (верующие – мусульмане-сунниты) кыпчак-каракалпаки не отличаются от каракалпаков других этнических групп.

Литература: Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // Труды Хорезмской экспедиции. М., 1952, том 1.

Киргизы (кыргыздар)

Кыпчаки в составе киргизов Кыргызстана представляют небольшую часть племенного объединения ичкилик, проживающего в Джалал-Абадской и Ошской (Баткентский район) областях, а также среди киргизов этнической группы в Иссык-Кульской области Кыргызстана. Большинство же кыпчаков-киргизов проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, к западу от городов Кашгар (где их упоминал в XI веке Махмуд аль Кашгари), Артуку и Янгигисар, составляя **36,8‰** численности киргизов Синьцзяна (1953 г.).

В расовом отношении кыпчаки-киргизы относятся к варианту (скул. диам. **145,6** мм, эпикантус у **61,7‰** мужчин, длина тела – **166,2** см) южносибирской малой расы.

Говорят на южном диалекте киргизского языка.

Численность. По имеющимся оценкам в 1897 году в пределах России (на территории современной Киргизии) насчитывалось 14,4 тысяч кыпчаков-киргизов, в 1953 году в Синьцзяне – 26 тысяч.

Этногенез. Кыпчаки вошли в состав киргизов, вероятно, позже других этнических групп, во всяком случае – ферганские, подразделения которых, например, таз и тору-айгыр идентичны по названию казахским кыпчакам. Что касается кашгарских кыпчаков (Синьцзян-Уйгурский а. р-н, КНР), то их происхождение не изучено, можно предположить, что они являются потомками той части кыпчаков, которая после разгрома Второго Тюркского каганата (744 г.) бежала на Тянь-Шань, близ Кашгара, где их зафиксировал в XI веке Махмуд аль Кашгари.

В отношении хозяйства и религии не отличаются от киргизов других этнических групп.

Литература: Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Миклашевская Н.Н. Соматологические исследования в Киргизии // Труды Киргизской археологоэтнографической экспедиции. М., 1956, том 1.

Ногайцы, правильно – ногаи (ногайляр)

В настоящее время ногаи географически подразделяются на четыре группы: кубанские в Карачаево-Черкесии, кумские в Ставрополье, караногайцы в Дагестане и карагаши в Астраханской области. Кыпчаки (кыпшаклар) представлены, главным образом, в составе караногайцев (Ногайский район Дагестана) и кубанских ногайцев (Ногайский район Карачаево-Черкесии). Этнические подразделения: костамгалы-кыпшак, отекайлы-кыпшак, буйрабас-кыпшак, казан-кулак-кыпшак, туркмен-кыпшак, кыпыз-кыпшак, кыпшак-кыпшак, орманши-кыпшак, тикмуйиз-кышак, кытай-кыпшак, шабайлы-кыпшак, маматакайлы-кыпшак, тизгиншекли-кыпшак, аювшы-кыпшак и ягылбайлы-кыпшак. В составе кубанских ногайцев этнические (в прошлом – родовые) подразделения трансформировались в патронимии: кыпшаки (купшаки), например, стали Купшаковыми, а отделившиеся от кыпшаков «кобелеклер» стали носить фамилию Кубековы. Имеют три разных тамги, одна из которых («кос алип», т. е. П) идентична начертанию тамги казахских кыпчаков. Другая тамга («I») напоминают тамгу казахов-канглы.

По физическому облику кыпчак-ногаи не отличаются от ногайцев других групп, относящихся к варианту южносибирской расы, лишь кубанские ногайцы отличаются примесью европеоидных черт.

Говорят кыпчак-ногаи на кубанском и караногайском диалектах ногайского языка.

Численность кыпчаков в составе ногайцев не известна.

Этногенез. Ногайский этнос сложился на основе тюркских (при преобладании кыпчаков, язык которых лёг в основу ногайского языка) и монгольских (при политическом доминировании мангытов) племён в границах Ногайской Орды (Мангытский юрт) в XV–XVI веках. Распад Ногайской Орды, а также уход части орды Казыя на Кубань, вторжение калмыков в коренные земли Ногайской Орды (от Волги до Эмбы и Иргиза) рассеяли некогда единый этнос на несколько частей, причём часть их ушла к казахам, другая – в Крым, остальные в XVIII веке расселились на Северном Кавказе.

В XIX – начале XX века значительная часть ногайцев эмигрировала в пределы Османской империи, причём в Турции переселенцы были ассимилированы турками, а в Румынии сохранили этническую самобытность, но утратили этноним – там они называются татарами.

По традиционному хозяйству и религии (мусульмане-сунниты) кыпшак-ногаи не отличаются от ногайцев других этнических групп.

Литература: Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев. Ставрополь, 1999.

Теленгиты, теленгеты (тэлэнгеттэр)

Кыпчаки в составе теленгитов и в составе алтайцев по существу одна этническая группа, разделённая лишь географически: кыпчаки-теленгиты проживают в Кош-Агачском районе республики Алтай, кыпчаки-алтайцы – в Усть-Канском. Их этнические подразделения совпадают.

По физическому облику кыпчаки не отличаются от теленгитов других групп и относятся к более монголоидному варианту южносибирской расы.

Говорят кыпчак-теленгиты на теленгитском говоре алтайского языка.

Численность. По переписи 1897 г. насчитывалось 489 кыпчаков, (9,4 % от 5,2 тысяч теленгитов), в 2000–2002 гг. – 860, в том числе в селе Белтир – 325 чел., в Мухор-Тархат– 246, в Ортолык– 177 и в Чаган-Узун– 112 кыпчаков (35,8 %) от 2399 телеутов по переписи 2002 г.).

Этногенез кыпчаков-теленгитов тот же что у кыпчаков-алтайцев: как теленгиты составляют часть алтайцев, так и кыпчаки-теленгиты – часть кыпчаков-алтайцев.

По традиционному хозяйству и религии кыпчаки не отличаются от теленгитов других групп.

Литература: Октябрьская И.В. Теленгиты Республики Алтай // Археология, этнография и антропология Евразии. М., 2003, № 4(16).

Узбеки (узбеклар)

Кыпчаки или кипчоки (кипчоклар) в XX веке компактно проживали в долине реки Зеравшан (Самаркандская и Бухарская области Узбекистана), в нижнем течении Аму-Дарьи (Хорезмская область и Каракалпакстан) и в Ферганской долине (главным образом, в Андижанской области Узбекистана).

Подразделялись на 34 группы, из которых наиболее многочисленными были ак-кипчаки, кара-кипчаки и сары-кипчаки, а также джеты-урув, тогуз-урув в составе зеравшанских и кулан, улмас и элатан – ферганских кипчаков. Кроме групп собственно кипчакских по происхождению, в составе многих подразделений встречались выходцы из иных племён и даже этносов, например, из казахов происходят группы: канджигали, балгалы, тама, уйшун. Да и многие названия кипчакских подразделений находят аналоги в подразделениях кыпшак-казахов.

В расовом отношении кипчаки отличаются от основной массы узбеков, особенно в Самаркандской и Андижанской областях большей монголоидностью, относясь к варианту (скул. д. 144 мм, эпикантус у 28,4 % мужчин, длина тела– 165,6 см, ферганские кипчаки) южносибирской расы.

Язык – кипчакский диалект узбекского языка (свое название диалект получил не от кипчаков, а от топонима Дешт-и Кипчак или просто Кыпчак, откуда пришли в начале XVI века племена кочевых узбеков и через 200 лет ферганские кипчаки). На этом диалекте говорят не только кипчаки, но и потомки пришедших племён – мангыты, кунграты, минги, найманы, кытай.

Численность. По данным статистического обследования населения Средней Азии, в 1924 году насчитывалось 128 тысяч кипчаков, в том числе в Ферганской долине – около 60 тыс. чел., в Самаркандском уезде – 40,5 тыс., Катта-Курганском – 10,8 тыс., в районе Бухары – около 10 тыс., в Хорезме – 3,8 тыс. человек. Перепись 1926 г. зафиксировала в качестве особой «народности» 33,5 тысяч кипчаков в Фергане. В дальнейших переписях населения Узбекистана кипчаки учитывались как узбеки.

Этногенез. Кыпчаки играли большую политическую роль в средневековом Хорезме, за что заплатили в период монгольского нашествия (1218–1220 гг.): часть их погибла в боях, часть бежала за пределы страны, часть была пленена и уведена в другие владения, в том числе в Монголию и Китай. Оставшиеся в Хорезме кипчаки были ассимилированы местным населением, хотя в войнах эмира Тимура (Тамерлана) принимали участие его вассалы – кипчаки Сары-Буги. Современные кипчаки в Узбекистане – потомки переселенцев, двумя миграционными потоками прибывшими с севера: в начале XVI века из Дешт-и Кипчака вторгаются кочевые узбеки Мухаммада Шейбани-хана, в числе которых были и кипчаки, вторая волна кипчаков прибыла уже из Казахстана, спасаясь от особо мощного джунгарского нашествия на казахов в 1723 году. Именно тогда кипчаки обосновались в Фергане, находящейся во власти кокандского хана. К середине XIX века кипчакская знать приобрела большую власть при кокандском хане, вызвав ненависть местного населения.

Ненависть разрешилась устранением кипчакской знати от власти и массовыми убийствами простых кипчаков, что ускорило их ассимиляцию.

Традиционное хозяйство. Кипчаки, особенно ферганские, длительное время сохраняли традиционные хозяйство и быт – первоначально кочевое, позже полукочевое скотоводство,

пока окончательно, уже при советской власти, перешли к земледелию. Состав стада – обычный для кочевого скотовода: овцы, лошади и верблюды, с переходом к оседлости и земледелию численность традиционного скота уменьшается, зато увеличивается поголовье крупного рогатого скота, особенно волов. В земледелии зеравшанских кипчаков, они перешли к земледелию раньше, было развито садоводство, бахчеводство, рисоводство, у ферганских кипчаков стало преобладать хлопководство.

Ещё в XX веке у ферганских кипчаков бытовало три типа поселений: 1) в горах полуоседлый тип – юрты (уй, утав) стоят в удобных местах; 2) в предгорье – оседлый с элементами кочевания, жилища из камней, дерева и глины чередовались с юртами; 3) на равнине полностью оседлый тип – жилище ничем не отличаются от жилищ соседних узбеков (сартов). У зеравшанских сары-кипчаков Булунгурского района Самаркандской области К.Ш. Шаниязов описал жилище на арбе, подобное одному из типов половецкого жилища, изображённого в миниатюрах Радзивилловской летописи. Кутарма (так оно называется у кипчаков) делается из войлока, не разбирается, а ставится целиком на землю или на повозку по необходимости; вход со стороны хода упряжки (Шаниязов, 1974, с. 148).

Религия. Как и соседние узбеки, кипчаки исповедуют ислам суннитского толка, отличаясь от них элементами доисламских верований, характерных для кочевых племён Казахстана.

Литература. Шаниязов К.Ш. Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период (процессы интеграции) // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

В недавнем прошлом субэтнические группы «кыпчак» имелись в составе татар. Помимо уже указанных выше «знатных родов» (куда входили и кыпчаки) среди знати крымских, казанских и касимовских татар, одним из подразделений в составе степных крымских татар (ногаев) были кыпчаки, возможно ногайского происхождения, пришедшие в Крым с князем Мансуром в 1502 году. Однако последующая бурная история Крыма в целом и крымско-татарского народа в частности, особенно его сталинская депортация в Среднюю Азию, сделала неизвестной судьбу этой этнической группы. И хотя к настоящему времени большинство крымских татар вернулось на родину, никаких сведений о крымско-татарских кыпчаках у меня, к сожалению, нет. В 1930-х годах в топонимике степного Крыма нередко звучали племенные наименования, в том числе и этноним «кыпчак», но в 1940-50-х они были переименованы.

К кыпчакам восходит происхождение некоторых этнических групп северных азербайджанцев, в частности казахов (газахляр, Казахский р-н Республики Азербайджан), о чём свидетельствуют их этноним из слова, известного в «Кодексе Куманикусе», и особенности их говора. И, наконец, в Афганистане в составе племён чар-аймаков кочует племя таймани, подразделяющееся на две группы: дерезаи и кипчак.

Что касается кыпчаков, в средневековые многочисленные в Китае и в мамлюкском Египте, то они бесследно исчезли, растворились в местном населении.

Итак, прежде чем закончить рассказ о современных кыпчаках/кыпсаках/кыпшаках/кипчоках (все эти названия на разных современных языках кыпчакской группы тюркских языков восходят к этнониму средневековых кыпчаков и дошли до наших дней лишь слегка фонетически изменившись) следует немного порассуждать. Встаёт вопрос – какова будет судьба этих этнических групп – в той или иной степени потомков хорошо известного в средние века народа (или племён)? Имеющиеся данные о

современной этнической ситуации этих групп далеко не дают ответа на поставленный вопрос. Можно лишь предположить, что ассимиляция кипчаков в составе узбекского народа находится на стадии завершения, так как в коллективной монографии узбекских исследователей «Этнический атлас Узбекистана». Издательства «ИООФС – Узбекистан» и ЛИА– Р.Элиника, 2002, в сообщениях об узбекских «племенах» о кипчаках ничего не говорится. Однако о них пишут многие современные исследователи как о существующей этнической группе, обладающей «родоплеменной» идентичностью (Абашин, 2007, глава 1). О кыпчаках в составе алтайцев и теленгитов сообщается в контексте возрождения системы сеоков как самоуправляющейся форме организации алтайских народов во главе с выборным зайсаном (Тадина Н.А.). Об остальных группах кыпчаков ничего определённого сказать не возможно. Данные ногайских исследователей, в частности, К.Н. Казалиевой, свидетельствуют о том, что как основа для нижнего уровня этнической самоидентификации «значение рода... до сих пор сохранилась» (Казалиева, 2006, с. 15), но о судьбе в будущем этой «идентификации» автором не сказано ничего определённого.

В отличие от кыпчаков, название «половцы» среди современных народов не известно. И вероятно потому, что это был этникон, т. е. не самоназвание, а название данное соседями, и, хотя сей этникон был калькой самоназвания «сары», «половцами» себя половцы не называли. А вот этнические группы с этнонимом «сары» имеются, но в составе народов, живущих ныне далеко от исторических половцев – киргизов (сарру) и тувинцев (сарыг). Сюда можно включить и туркменские этнические группы «сарык» и «эрсары». Эти группы не являются потомками половцев – они вроде «однофамильцы». Просто это цветовое (дословно «жёлтый», в переносном смысле может означать многое, причём положительное) обозначение весьма популярно в тюркской этнонимике. Поэтому можно лишь поговорить не об этнических, а о генетических потомках половцев.

Ряд современных народов говорит на языках, близких к языку половцев и куманов. Их язык известен по латино-персидско-куманско-му словарю «Codex Cumanicus», составленному в Крыму на рубеже XIII–XIV вв. (1294–1303 гг.). В процессе сравнительного анализа 285 фонетических, лексических и морфологических изоглос было установлена степень близости к нему современных тюркских языков (Чеченов, 1979, с. 17–18). Они расположились следующим (по степени близости) образом: 1) караимский язык (139 совпадений), 2) крымско-татарский (114), 3) карачаево-балкарский (112), 4) татарский (90), 5) кумыкский (69), 6) ногайский (64), 7) казахский (53). Однако сам по себе язык, ввиду его усвоения в результате культурного влияния (ведь не назовёшь франкоязычного гаитянина французом по происхождению), не может служить критерием этнической преемственности (этнического происхождения). Помимо языка, для установления этнической преемственности важны другие критерии, биологические, исторические, в том числе, так называемая, коллективная историческая память (возможно семейные предания и т. п.).

Половцы в Беларуси и России

Половецкие поселения в Беларуси были основаны людьми хана Тегака по приказу князя Даниила Галицкого. Даниил был женат на дочери князя, известного на Руси Мстислава Удатного (т. е. Удачного, а не Удалого как его часто называют в исторических романах), внучке хана Котяна, причём сватом был хан Тегак. Отряд половцев Тегака неоднократно (в 1245, 1249, 1251, 1252, 1253 гг.) упоминается в войсках Даниила Галицкого и его брата Василия Волынского, в княжество которого входила Берестейская земля (ныне Брестская область).

Опасаясь увода «своих половцев» в Орду монголами темника Куремсы Даниил отправил хана с его людьми на северный рубеж Волыни в качестве военных поселенцев для заслона от набегов ятвягов и литовцев. Защищая христианскую Русь от язычников, половцы, сами язычники, приняли православие, хотя подробностей об этом в источниках нет, а хан Тегак продолжает именоваться старым, языческим именем. В 1253 году Даниил с братом Василием и сыном Львом в сопровождении половцев был в Пинске, тогда же очевидно и был отправлен Тегак в Берестейскую землю, где половцами было основано около 40 поселений. В настоящее время сохранилось 8 деревень, из них три (Становища, Половцы и Вулька-Тереховка) в Польше (Белостокское воеводство) и пять (Хлевинцы, Терехи, Суходол, Песчатка Половецкая, деревня Половцы до начала XIX века, затем – Голя, а с 1964 года – Пограничная) Раскенского сельсовета Каменецкого района Брестской области Республики Беларусь.

С точки зрения предполагаемого родства Тегака с известным в истории ханом интересно, что на территории между деревнями Песчатка и Голей в XIX веке лежало урочище Боняк, хотя возможно это имя было широко распространено среди половцев. В последний раз жителей этих деревень называли половцами в 1516 году, но до 1918 года по данным справочников по Брестской губернии существовала Половецкая волость (куда входили эти деревни) с центром в Песчатке Половецкой. В прошлом наиболее крупной деревней и центром Половецкой волости был Суходол (в 56 км от Бреста). В 1566 году Суходол упоминается в рассказе брестского старосты как крупное село, его мужчины служили в Брестском замке, развозили почту. Известно, что селом этим владел некий пан Станислав Суходольский, очевидно польский шляхтич.

В 1795 году Речь Посполита была поделена между Австрией, Пруссией и Россией: Половецкая волость оказалась в составе России. В 1857 году она упоминается в составе Брестского уезда Гродненской губернии и центром её уже была Песчатка Половецкая. В 1883 году число прихожан Половецкого прихода 2349 человек. По переписи населения 1897 года численность жителей трёх, сохранившихся в настоящее время, деревень составляла: в Песчатке – 391 человек, Голя – 690 чел., в Суходоле – 377 человек. В 1921–1939 гг. эти деревни входили в состав Польши (причём название – Половецкая волость – исчезло), затем – Белорусской ССР. По данным на 1940 год число их жителей составляла 1087 человек, но в 1941–1944 гг., в период немецкой оккупации, численность населения деревень сократилась, достигнув в 1960-м 902 человек.

В 1960-е годы численное первенство населения перешло к деревне Пограничной, образовавшейся в 1964 году из слияния двух деревень – Старой и Новой Голь. В настоящее время здесь имеются средняя школа, библиотека и Дом Культуры. Она же является центром

хозяйственного объединения (СВК) «ПОЛАВЦИ», куда вошли жители и других «половецких» деревень. Однако молодёжь продолжает покидать деревни: по последним данным на 2005 год в этих деревнях осталось 549 человек, в том числе в деревне Пограничная – 447. Проживая около 760 лет среди белорусов и деля с ними их сложную судьбу, половцы ассимилировались, потеряв все свои расовые и этнические особенности. Но, назвав своё экономическое объединение (СВК) «Половцами», жители указанных деревень в некоторой степени проявили, так сказать, свою этническую идентичность.

В настоящее время у этих потомков половцев сохранились лишь некоторые характерные фамилии: Бергеба, Колток, Тегак.

Литература: Алексеюк М.И. Половецкие поселения на Брестчине. // Этногенез белорусов. М., 1973, Города и сёла Беларуси. Энциклопедия. Брестская область. Книга 2, Минск, 2006 (на белорусском языке).

Половцы несомненно оседали и на территории **Украины и России**, но монгольское нашествие смело их поселения. Сохранилось лишь несколько населённых пунктов с «говорящими» названиями: сёла Велико-Половецкое и Мало-Половецкое близ города Белая Церковь Киевской области, возможно, Большие Сорочинцы (название восходит к этнику «сорочины», т. е. сарыкуны), Полтавской области, небольшой городок Змиев, близ Харькова, Украина. Известны обрусевшие потомки Тугоркана – удельные князья Половец-Сквир-Рожинские, в XIV веке владевшие помещьем Сквирка близ Белой Церкви (ныне Киевская область) и Рожны (ныне Черниговская область современной Украины). Дамиан Половец был последним князем. Вернувшись из татарского плена и найдя своё поместье разорённым, он в Белой Церкви записался в казаки. Из казаков Половец наиболее известны Роман и Симеон. Первый был в посольстве казаков к польскому королю в 1636 году, второй был полковником и войсковым писарем при Богдане Хмельницком и принимал участие в Переяславльской раде (1654 г.). Внук Симеона Иван Андреев Половец по указу Петра Великого от 12 июня 1702 года был возведён во дворянство под фамилией Половцов и ему были пожалованы «во владение» Великие Луки. Он и его потомки были внесены в списки дворян Псковской губернии («Русский биографический словарь». Санкт-Петербург, 1905, с. 375–377). Среди русской и украинской знати было немало лиц тюркского происхождения, но абсолютное большинство их – выходцы из Золотой Орды, и кто из них половцы, а кто из других тюркских или монгольских племён определить крайне сложно.

В 1979 году вышла книга известного советского тюрколога Н.А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения», где имеются сведения о 300 фамилиях (родах). Содержание книги не вполне соответствует её названию. Во-первых, многие приведённые в книге фамилии не являются «русскими», так как их носители были не русскими (в то время как название книги «Русские фамилии...»), а украинцами (Кочубей и другие), поляками (Хилчевский и другие), армянами (Калантарянц), греками (Челебидаки и др.), казахами (Кунаев, Чингис), калмыками (Огон-Догоновский). Во-вторых, далеко не все приведённые в книге фамилии являются тюркскими, таковыми из трёхсот фамилий являются лишь пятьдесят (Аксаков, Карамзин, Тимирязев и др.), остальные имеют разное происхождение, например, около сорока фамилий спорного происхождения (Суворов, например), некоторые фамилии образованы из монгольского языка (Тургенев, Караулов), много мусульманских, т. е. арабских или персидских, фамилий – Амиров, Даудов, Измайлов, Мансуров, Мусин, Юсупов, Эмиров и так далее. Из собственно тюркских фамилий половецкими по происхождению являются Кобяковы, Корсаковы, Мячковы. Фамилии тюркского

происхождения чаще встречаются у казачества и среди своеобразной сословной группы – однодворцев. Тюркские фамилии у русских – это не обязательно то, что они по происхождению тюрки, возможно, они получили у своих тюркских друзей или родственников прозвище, которое стало фамилией.

Литература: Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

На Северном Кавказе проживают народы (балкарцы, карачаевцы и кумыки), чьи языки являются «наследниками» северо-кавказских половцев. Вторжения в предкавказские степи монголо-татар во второй половине XIII и Тимура (Тамерлана) в конце XIV века заставили половцев спасаться в горы, где они слились с местными племенами, передав свой язык и некоторые элементы традиционной культуры. По своему физическому облику, материальной культуре и традициям (т. е. этнически) эти народы не отличаются от своих соседей – коренных народов Кавказа.

Литература: Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. М., 1993; Фёдоров– Гусейнов Г.С. Кумыки из рода дагестанского. Махачкала, 2001.

Венгерские половцы/куны

Как известно средневековое королевство Венгрия включало в свой состав, помимо Венгрии, территории всей современной Словакии и части Румынии.

Данные здесь сведения о кунах касаются лишь территории современной Венгрии, без учета венгров Румынии, Сербии и Словакии, в составе которых возможно также есть куны (о них речь пойдёт ниже).

А в собственно Венгрии имеются две исторические области, названия которых прямо указывают на их историческую связь с кунами – Надькуншаг («страна больших или старших кунов») и Кишкуншаг («страна малых или младших кунов»). Страны есть, но есть ли там куны? Или люди, осознающие себя их потомками? Как народа кунов нет, но потомки исторических кунов существуют. В «столице» Надькуншага городе Карцаг функционирует общество Кунсёветшег, занимающееся распространением знаний о кунах и истории их края в Венгрии. В Карцаге создан Иштваном Дьёрффи (1884–1939 гг.) «Надькун музей», в котором рассказывается и показывается приход кунов в Венгрию и особенности их жизни на новой родине до того времени пока эти особенности существовали. В 2008 году я побывал в Карцаге, в музее и некоторые его данные использовал в этой книге. Как мне говорили местные жители, кунов в городе немного, они живут вокруг его в небольших селениях (фалу) и на хуторах (танья). Но, всё же, большая часть кунов проживает именно в Надькуншаге, в других районах Венгрии, в том числе и в Кишкуншаге – их намного меньше (впрочем, статистика их не учитывает отдельно от венгров, поэтому численность и расселение кунов в стране не известны).

Физический облик. Конкретных данных по физической антропологии кунов, по крайней мере, на русском языке, нет. Имеются лишь общие замечания исследователей, неоднократно их видевших (я не из их числа). Например, советского этнолога Б.А. Калоева, изучавших венгерских алан (ясов) и дважды посетившего Венгрию. Он, как и другие исследователи, отметили «особую смуглость кожи, черноглазость и черноволосость, и, очевидно соперничая с подобными чертами цыган, получили прозвище конгур, т. е. «тёмный». Как правило, куны имеют «низкорослое и плотное телосложение» (Калоев, 1993).

Язык. Говорят куны на северо-восточном диалекте венгерского языка, не отличаясь от венгров особым диалектом, «оставив» в венгерском литературном языке около 150 слов: Иोजеф Торма, в частности, выявил 45 «кунских» слов в венгерском, имеющих лексические аналоги (в том числе топонимы и антропонимы) в казахском языке (Торма, 1995, с. 59–67).

Численность кунов не известна (в Венгрии этнический состав населения переписями традиционно учитывается по принципу родного языка); И. Торма полагает, что «приблизительно одну пятнадцатую часть 16-миллионного венгерского народа можно считать потомками кунов-половцев» (Торма, 1995, с. 59). Неизвестна его методика подсчёта численности кунов, численность же венгров значительно завышена (по данным переписей 2001–2002 гг. в странах Европы насчитывалось 11 926 тысяч венгров, в том числе 9413 тысяч в Венгрии, 1432 тысяч в Румынии и 520,5 тысяч в Словакии).

История. Первыми из новых мигрантов (куманы, сары/половцы, куны и кай), с которыми «познакомились» венгры были куны, этноним которых стал в Венгрии нарицательным наименованием всех последующих за ними в Венгрию кочевых тюркских племён. Первый набег их на Венгерское королевство датируется 1070 годом, в 1087 году

куны (куманы византийских источников) в составе войск венгерского короля Шоломона принимают участие в походе на Византию (Князький, 2000, с.121). С 1091 года первые их группы селятся в Венгрии и далее отдельные родоплеменные объединения кочевников продолжают с разрешения королей оседать на жительство в такой благодатной для кочевания стране.

В 1239 году по приглашению короля Белы IV прибывает известный во многих странах, в том числе и на Руси, хан Котян (Котень, Кутен), которого торжественно встречает сам король. Но, поссорившись с венгерскими магнатами, в Пеште хан был ими убит, а его люди ушли в Болгарию, где тогда правила половецкая по происхождению династия Асений. В 1241 году на Венгрию обрушилось монгольское нашествие, страна подверглась разорению и оккупации, во время которой население королевства (2 млн чел.) уменьшилось наполовину. Особенно пострадали венгерские половцы/куны: так как приём в королевство орды Котяна, которого монгольский хан считал своим вассалом, стал поводом похода монголов на Венгрию, то, хотя сам Котян погиб, а его люди покинули страну, половцев/кунов считали виновниками войны и монголы, и венгры. Ко времени ухода монголов из Венгрии (1242 г.) кунов там не осталось. Страна обезлюдела. Поэтому, когда появились новые мигранты с востока, король их с радостью принял. В Венгрию прибыли племена: шесть половецких (куны) и одно аланское (ясы) во главе с двумя ханами – Узуром (возможно, Узуном, Узун, по тюркск. – «Длинный») и Альпаром (Алп – «герой», эр, ар – «муж», Алпар) Толоком (очевидно, Толыком, т. е. Толык – «Полный»).

Точная дата прибытия этой многочисленной орды (около 80 тыс. чел.) неизвестна, но уже с 1246 года отряды пришельцев принимают участие в походах венгерских королей. В 1254 году, очевидно для упрочения союза, король Бела IV женит своего сына (будущего короля Иштвана V) на дочери одного из ханов (в крещении Эржебет), а в 1260 году Иштван получает титул «повелителя кунов», в 1272 году на престоле его сын Ласло IV Кун. Всё это время куны продолжают вести обычный образ жизни, говорить на своём языке, сохранять свои верования – короля это вероятно не особо беспокоило, пока весть о том, что в католической стране кочуют толпы язычников, не достигла Рима. И в 1279 году в Венгрию из Рима прибывает епископ Филипп де Фермо с указом папы Римского о «куманах».

В этом указе, разделённом на 14 статей, содержались требования: запретить брить бороду и голову, а также носить высокие войлочные «кунские» шапки, расселить кунов по отдельным районам, ограничив размеры их кочёвок, дабы принудить к оседлости, а главное – поскорее провести крещение. В исполнение требований папы был издан «Манифест» Ласло IV Куна, «короля Венгрии, Кумании и Булгарии» от 1279 года с соответствующими указаниями. Для наблюдения исполнения в кунские племена и их подразделения были направлены «инквизиторы»; знать кунов была приравнена к дворянству и получила земельные наделы, на которых могли жить соплеменники дворянина (Мургулия, Шушарин, 1998, с. 176–180). Жёсткое исполнение «Манифеста» вызвало в 1280 году восстание, в результате его подавления из 65–85 тысяч кунов осталось 50–60 тысяч, остальные – либо погибли, либо бежали в 1282 году к Ногаю, в Приднестровье, в Добруджу, где возникло куманское княжество Балика (1280–1400 гг.). Королевский Манифест 1279 года превратил кунов в число законных жителей королевства: их знать была включена в состав венгерской знати, получив соответствующие права и обязанности, воины же были включены в состав венгерской армии уже не в качестве наёмной дружины, а как отряда феодала – вассала короля. Воины также были приравнены к «нобиям», т. е. дворянству. Правда, до 1290 года

они не получали жалование из королевской казны, довольствуясь добычей в походах.

Куны приняли католичество и расселились отдельными группами между реками Дунай-Тиса, Тиса – Кереш, Тиса – Темеш. Однако до середины XV века куны продолжали кочевать, до XVII века говорили на своём языке (к XVI веку восходит молитвенник на языке кунов) и сохраняли традиции скотоводства. Сильный урон нанесла кунам турецкая оккупация большей части территории Венгрии (1541–1699 гг.), в частности обезлюдела кунская область между Тисой и Дунаем (Кишкуншаг), сократилась численность жителей других районов. После ухода турок Кишкуншаг, очевидно и получивший тогда это наименование, стал заселяться кунами из Надькуншага и ясами из Ясшага. Куны и ясы играли большую роль в формировании гусарских полков, основную часть которых составляли они сами. Именно поэтому кунам и ясам была предоставлена автономия (1747–1867 гг.), позволявшая им сохранять свою традиционную культуру.

Очень долго сохранялась традиционная одежда мужчин: высокая войлочная шляпа с пером дрофы или журавля («куншювек», т. е. кунская шапка), синие рубашка и широкие штаны, в зимнее время носили шубу из овчины без рукавов (бунда). О средневековой одежде кунов дают представления миниатюра «Прибытие различных родов (кланов)», помещённая в венгерской «Иллюстрированной хронике» (1358 г.) и изображающие их приход в Венгрию в XIII веке (приложение). Характерной особенностью покроя половецкого кафтана были сходящие встык полы (как это изображено на рельефе из Кубачи и на каменных изваяниях в Северном Причерноморье), в то время как у остальных тюрков полы запахивались на левую сторону (как изображена одежда пришельцев в миниатюре «Иллюстрированной хронике»), а у монголов – на правую. Мужчины брили голову, оставляя на затылке прядь волос, заплетаемую в косу. Бороды чаще брили, оставляя усы. На голове носили шляпы с треугольными полями и высокой, слегка изогнутой назад, тульей. На ногах носили узкие высокие сапоги с мягкими подошвами (Доде, 2009, с. 393, см. фотографии в приложении).

О женской одежде известно меньше. В общих чертах она была близка мужской одежде, отличаясь лишь деталями. Но в указанной миниатюре венгерской хронике одежда женщин, сидящих на лошадях позади мужчин, представляла собой (женщина на переднем плане) длинное платье с полкой, запахнутой налево (как у мужчины, сидящего впереди неё) и с длинными рукавами с разрезами на уровне локтя для рук. На голове у неё и женщины справа от неё видны шляпы с широкими полями. Со временем, отчасти во исполнение королевского «Манифеста», причёска и одежда кунов изменились, но отдельные элементы, например, преобладание усов и ношение особого покроя шапок сохранялось на протяжении нескольких веков. Однако время, дисперсное расселение усиливало и ускоряло процесс ассимиляции.

Не ясен досконально родоплеменной состав кунов. Хотя в венгерской «Иллюстрированной хронике» (1358 г.) были названы следующие племена: борчол (бурчевичи русских летописей), чертан (джур-сан в сочинении ад Димашки), куман (в качестве особого племени, а не обобщённого названия всех пришедших племён), тортул и токсоба (тертьтробичи и токсобичи русских летописей), а также баяндур, племя, известное ещё в составе кимаков (Кумеков, 1995, с. 72–75), но время их прихода и места расселения не известно. Эти этнонимы хорошо известны в перечне племён Дешт-и Кипчака. Собственно куны в составе указанных племён отсутствуют, хотя в источниках все они фигурируют под именем кунов. Этот факт свидетельствует: 1) кунами называли все племена пришельцев из Северного Причерноморья, селившихся в Венгрии в XII–XIII вв., 2) первоначально этноним «куны» не был самоназванием ни указанных племён, ни их ближайших потомков, а стал им

позже, по мере консолидации их в единую этническую общность. Однако трудно сказать: исчезло ли родоплеменное деление в процессе складывания кунского этноса и лишь потом, позже сей этнос был ассимилирован венграми или единый этнос кунов так и не сложился, а значит, были ассимилированы племена, каждое по отдельности.

Хозяйство. До XVIII века в хозяйстве кунов сохранялось преобладание животноводства, хотя с переходом к оседлой жизни оно перестало быть кочевым. Куны, как и прежде, разводили лошадей, овец особой (кунской) породы (с белой шерстью и винтообразными рогами), крупный рогатый скот (не столь крупный по величине и весу, но с крупными рогами) так называемой серебристой породы и ослов. Пастухи имели разные названия: лошадей пасли чикоши, овец – юхасы, коров – гуйяши. Стада не только охраняли, но и пасли вместе с пастухами собаки разных пород в зависимости от состава стада, из них весьма древней считается порода «командор». Название породы не имеет ничего общего с военным термином, а восходит к половецкому слову: «командар или кумандар», т. е. команы, куманы. В XIX веке в хозяйстве кунов начинает доминировать земледелие (зерновые культуры, огородничество, садоводство), но и в настоящее время животноводство у кунов развито больше, чем у собственно венгров: не случайно то, что 80 % скотоводческих терминов из языка кунов. Но изменилось соотношение видов скота в составе стада – меньше лошадей, больше крупного рогатого скота. Большое развитие получило птицеводство.

Жилище. Традиционный тип поселений кунов – хутор (танья), называемый обычно именем основателя. Дом строился из подручного материала, к нему примыкали курятник и помещение для скота, все постройки покрывались крышей из камыша. Во дворе – обязательно колодец-журавль. Интерьер дома: со стороны входа первая комната – гостиная, маленькая по размеру, но богато обставленная; вторая комната по размеру больше, но обставлена беднее; между комнатами находится кухня с двухраздельной печью (одна часть для выпечки хлеба, другая – для приготовления пищи). К дому часто примыкали пристройки женатых сыновей хозяина.

Пища была (и сейчас продолжает бытовать) характерной для скотовода: мясо, в том числе конина, и молочные продукты. Национальное блюдо – байтарвате: отварное мясо с жареным картофелем и сладкой капустой.

Религия. Куны приняли христианство в форме католичества, но когда в стране проходила реформация (1534 г.) они, очевидно помня, как крестили в католичество их предков, единодушно приняли её в виде кальвинизма. Кстати, во всех крупных поселениях Надькуншага, в Карцаге, например, есть улица Яноша (Жана) Кальвина. Центр кальвинизма в Надькуншаге – город Мезотур.

Наконец, свидетельством исторической связи со средневековыми половцами являются характерные для кунов фамилии: Арог, Кёсёмёш, Кочкор, Кувандок, Текеш, Черег в Карцаге, Болмас, Бутак, Карасон, Чикмаш, Текеш, Эрк в Кунмарадаше, Акбура, Арток, Бура, Талмас в других местностях (Торма, 1995, с. 36–37).

Неизвестна судьба куманов, кочевавших в средние века на территории современной Румынии. Известно лишь, что в 1217 году в источниках упоминается страна Кумания, занимавшая территорию между реками Дунай на юге и востоке, Олт на западе, Серет на северо-востоке и городом Брашов на севере. Уже тогда на этой территории находилось множество куманов (потребовалось организация для их крещения отдельной епископии), а в 1226 году в Куманию прибывают новые кочевники, очевидно бежавшие после разгрома монголами русско-половецких отрядов при Калке (1223 г.). В 1227 году в Кумании крестился

хан Борц со своими людьми, в 1231 – массовое крещение куманов. В 1227 году в послании папы Римского епископу Эстергома сообщается о крещении 15 тысяч куманов в Трансильвании, входящей в состав венгерского королевства. Совершенно не изучена история Кумании. Эта страна куманов была доменом венгерского короля и с 1238 года входила в титулатуру венгерских королей. С 1234 года Кумания интенсивно заселяется валахами, венграми и немцами (Шушарин, 1978, № 2). Образование Валашского княжества (1324–1330 гг.) вероятно поставило под вопрос существование Кумании – во всяком случае, с 1390 года из титулатуры венгерских королей исчез титул «король Кумании». В Трансильвании куманы/ половцы очевидно полностью слились с венграми (среди них иногда встречаются фамилии Кун) и румынами, о существовании какой-либо этнической группы, связанной с ними по происхождению никаких данных нет.

Литература: Евстигнеев Ю.А. Венгерские половцы // Лавровские чтения. СПб., 2009; Калоев Б.А. Поездка к кунам Венгрии // Полевые исследования ИЭиА РАН. Новая серия. Том 1, вып.1, М., 1993; Кумеков Б. К кыпчакско-мадьярским этническим связям // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995; Торма И. Кунский языковой субстрат в венгерских диалектах // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995; Барта Ю. Этнографические исследования в Надькуншаге. Карцаг, 2007 (на венгерском языке).

Помимо кунов в Венгрии имеется ещё одна этническая группа, тюркская по происхождению – **палоци (палоцок)**. Палоци населяют гористую местность (Матра) между городами Балашшадьярмат и Шальготарьян в медье Ноград (Палоцшаг) на севере Венгрии и в соседних районах Словакии. Их этноним – несколько искажённый венгерским произношением термин, восходящий к древнерусскому «половцы». Однако палоцы говорят на своём, весьма архаичном, диалекте венгерского языка, и этот факт не позволяет считать их потомками половцев, так как потомки половецких мигрантов (куны) воспринимали уже другой (не древний, а т. н. средний) венгерский язык. Значит палоци – потомки тюркских племён, пришедших в Венгрию раньше половцев, а именно, по мнению венгерских исследователей, кабаров. Кабары – три племени (ковар, казар и берцел) Хазарского каганата; восстав (810–820 гг.) против кагана и потерпев поражение, они присоединились к мадьярам (упоминаются в составе мадьярских племён в 854–881 гг.) и вместе с ними обосновались на Дунае, одно из них поселилось после разгрома Великой Моравии (902–906 гг.) среди славян (Эрдели, 1983, № 4). По данным российского исследователя, кабары – савиры, покорённые хазарами и восставшие против них (Семенов, 2008, Восток, № 3). Однако византийский император Константин Багрянородный (905–959 гг.) в своём труде сообщает, что кабары «говорят на языке хазар и языке турок» (так он называл венгров), т. е. кабары – хазары, во всяком случае, по языку, на котором они ещё говорили в X веке. В 1099 году войско короля Коломана (Кальмана) разгромило русско-половецкий отряд, совершивший набег на Венгрию, взятые в плен половцы и какая-то часть русинов (самоназвание населения Руси) были поселены на территорию уже ассимилированных венграми кабаров. Пленные половцы быстро слились с местным населением, передав им свой этноним, но в древнерусском названии – «половцы», изменившееся в венгерском в «палоци». Но это лишь предположение, объясняющее наличие столь «говорящего» этнонима этнической группы не соответствовавшего её происхождению. Окончательного, общепринятого решения вопроса происхождения палоцев нет.

Антропологически палоци не отличаются от основной массы венгров, во всяком случае, данных об этом в русскоязычной литературе нет.

Язык – палоцкий диалект венгерского, отличается архаичностью (лингвисты исторически делят венгерский язык на древневенгерский, средний и новый).

В отношении хозяйства палоци не отличаются от соседних венгров и словаков. Исповедуют католичество.

В правление короля Матяша Хуняди (1458–1490 гг.) часть палоцей была переселена в окрестности города Мезёкёвешд, где образовалась этнографическая группа «матё» (от имени Матяш). Девушки и женщины этой группы славятся красочными традиционными костюмами и рукоделием (кружевами). Говорят матьё на палоцком диалекте.

Для палоцей и матё (матьё) очень характерны фамилии: Барток, Берток, Бартек, Маттьок, Матьо, Матьи.

Литература: Барт И. Русским о венграх. Культурологический словарь. М., 2005. Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология. 1983, № 4.

Игравшие в средневековой Болгарии важную роль, куманы/половцы со временем были ассимилированы болгарами и гагаузами. Об их пребывании в Болгарии свидетельствуют названия населённых пунктов – например, сёла Коман и Котян на левом берегу Дуная у города Никополя, село Куманцы близ Софии, Кумане, остров на Дунае у города Видин и другие (Павлов, 1990, с.22).

Выводы

Таким образом, средневековые половцы/куманы/куны не оставили после себя «этнического наследства» в виде этнических групп в составе тех или иных народов, подобно тому как это случилось с кыпчаками. Единственное исключение – куны Венгрии (палоци, хотя и носят искажённый этноним половцев, их потомками не являются), которые, потеряв язык и культуру предков, сохранили этноним и чувство этнической преемственности. По мнению Иштвана Барта («Русским о венграх») куны полностью «ассимилировались, хотя ещё старики сто лет назад могли прочесть “Отче наш” на своём языке, Куманию населяют не куманы» (Барт П., 2005, с. 95).

Автор ошибается, так как куны не только сохранили этническое самосознание. Ещё в 1984 году был установлен памятник Иштвану Дьёрффи у музея, который он основал. В Карцаге было организовано этно-культурологическое общество «Союз кунов» («Кунсёветшег») и создана площадка половецких статуй (копии известных каменных изваяний в Северном Причерноморье). При въезде в город красуется скульптура двух всадников – венгерский король Бела IV встречает половецкого хана Котяна. Регулярно проводятся праздники с театрализованными представлениями.

Развиваются связи с Казахстаном – в Карцаге находится почётный консул Республики Казахстан. Так что рано исполнять Реквием по кунам.

В качестве заключения следует заметить интересный факт, объединяющий современных кунов и палоцев: этнонимы «куны» и «палоцы» не соответствуют этнической принадлежности их носителей. Куны – потомки не собственно кунов, а куманов, половцев и других отдельных тюркских групп, пришедших в Венгрию после ухода из неё монголов (1242 г.); палоцы – не потомки в своей основе половцев, а потомки более ранних тюркских племён – каваров. Но это не имеет особого значения, главное – память о предках и этногенетическая преемственность между ними и их потомками.

В Румынии, Болгарии и в других странах «биологические» потомки этих средневековых племён полностью ассимирировались, утратив историческую (этническую) преемственность со своими предками. О них тюркологам напоминают иногда лишь странно звучащие для окружающих фамилии.

Заключение

Анализ вышеизложенных данных о прошлом и настоящем кыпчаков/половцев/куманов/кунов даёт основание сделать следующие выводы в аспектах этнической природы средневековых племён и этнической преемственности их потомков. Ни одна из племенных групп (кыпчаки, половцы, куманы, куны) не сложились, с точки зрения современной теории этноса, в этнос (народ). Отсутствие единого этнического самосознания и этнонима этих племён стало причиной появления в письменных источниках их соседей нескольких этнонимов, производных от самоназвания конкретной племенной группы (племенное сознание включает в себя несколько уровней идентификации – подразделение рода, род, объединение родов, племя, союз племён). Каждое из подразделений имеет своё название, причём оно может совпадать с именем или носить название животного или птицы (распространённое у тюрков имя – Арслан, т. е. Лев или Беркут). Поэтому древнерусские и европейские источники не знают кыпчаков, а восточным источникам не известны сары/половцы (о куманах сообщает весьма ограниченное число авторов). Таким образом, Дешт-и Кыпчак, т. е. этническая территория кыпчаков, в XII веке ограничивается Волгой на западе и Иртышом на востоке, западнее Волги до Днепра располагалось Поле Половецкое русских летописей, а западнее Днепра – Кумания западных хроник. Различие между Полем Половецким и Куманией заключается наличием каменных статуй у половцев и их отсутствием у куманов.

Теперь об этнической преемственности между кыпчаками, половцами и куманами с одной стороны и их современными «биологическими» потомками – с другой. Сохранили ли их потомки какие-либо черты этничности, свойственные предкам – средневековым кыпчакам, половцам, куманам? Возможны следующие ответы в аспекте конкретных племён.

Кыпчаки. Потомки шести племён сиров (названы в памятнике Бильге-кагану, 735 год) бежали из Центральной Азии после падения своего государства (646 г.), получив этноним-прозвище «кыбчак» («злосчастный»). Этноним, возможно, стал самоназванием в периоды, когда кыпчаки входили в состав государства кимаков и их каган назначал кыпчакам «царя», своего наместника, в состав монгольской Золотой Орды, в состав государств – её наследников, наконец, в состав современных этносов. Лишь находясь на пике своего могущества, кыпчаки перестали называть себя «злосчастливыми» (этноним «кыпчак» отсутствует в перечне племён Дешти-Кипчака), но этот этноним стал собирательным названием почти всех кочевников этой большой страны. Кыпчаки не создали единого государства и посему не сделали шага к сложению этноса, зная их племён образовала несколько независимых владений – ханств. Племена так и не стали народом.

Их потомки – этнические группы «кыпчак» в составе нескольких народов сохранили этническую преемственность: этноним, язык (кыпчакской группы тюркских языков), историческую память, сам этноним. Различия между историческими кыпчаками и их современными потомками (группы «кыпчак» в составе разных народов) весьма существенны, особенно в области материальной и духовной (религия) культуре, но этноним и этническое самосознание, сохранились.

Половцы. Поскольку этнических групп с таким названием в настоящее время нет (за исключением этнической группы палочи, т. е. искажённое в венгерском языке древнерусское «половцы»), но их этническое происхождение не связано с половцами), то

вопрос об этнической преемственности снимается. Сложнее обстоит вопрос о современных этнических группах с этнонимом **«сары»**, идентичным тюркскому самоназванию половцев. Полагаю, что потомками сары, оставшимися на своей территории и принявшими ислам, является подразделение сары в составе казахов «племени» албан в Жаркентском районе Алматинской области Казахстана. Прочие же группы **сары** (сарру в составе кыргызов Таласской долины Кыргызстана, сарыг в составе тувинцев Барун-Хемчикского и Сут-Хольского районов Тувы, наконец, сарыки и эрсары в составе туркмен Туркменистана), к половцам прямого отношения не имеют.

Куманы. Фонетическая близость этнонимов исторических куманов, особенно куманлы (названы в составе племён Дешт-и Кипчака) и современных кумандинцев («куманды») Северного Алтая объясняется лишь характером их расселения – это жители Лебяжьего, об этом говорит суффикс «лы/ды» (куман-лы/куман-ды), русский суффикс принадлежности – «цы»: рязанцы, новгородцы и т. д. Правда, куманами (Куманией) называют в туристических справочниках из Западной Европы этническую группу в Венгрии, которую венгры называют кунами (кунок), а их страну – Куншаг (Надькуншаг и Кишкуншаг).

Куны. Этим этнонимом венгры называли первых, встретивших тюркских кочевников новой (после печенегов и узов) волны мигрантов с востока – кунов и последовавших за ним куманов и половцев, а в настоящее время называют потомков всех этих племён. Ассимиляция их продолжалась несколько веков и в целом завершилась. Однако субъективно-символический аспект этничности – субэтническое самосознание пока ещё сохраняется. Это и есть их этническая преемственность, историческая связь с кунами, куманами и половцами/сары.

Таким образом, на основе данного исследования можно утверждать о существовании в различных аспектах и формах этно-исторической преемственности между средневековыми племенами – кыпчаками, половцами, кунами, куманами с одной стороны и некоторыми этническими группами в составе современных народов.

Использованная литература

Обычно в научных монографиях в конце исследования прилагается вся литература, где хоть что-либо сказано или повторено много раз сказанное по теме данной монографии, полагая, что чем больше в списке названий, тем весомее научная её цена. А ведь возможно, что автор большинство указанных в списке трудов знает лишь по их наименованиям. В этой работе приводится список лишь тех исследований, которые были использованы, на которые имеются ссылки. Итак, список использованной литературы.

1. Абашин С. Национализмы в Средней Азии– в поисках идентичности. СПб., 2007.
2. Андреев С.И. На юго-восточном рубеже Древней Руси. Этно-политическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. Тамбов, 2008.
3. Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. М., 1974.
4. Алексеюк М.И. Половецкие поселения на Брестчине // Этногенез белорусов. М., 1973.
5. Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Происхождение балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблемам происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
6. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. М., Алма-Ата, 1989.
7. Барт И. Русским о венграх. Культурологический словарь. М., 2005.
8. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
9. Баскаков Н.А. Имена половцев и названия половецких племён в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.
10. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
11. Бейлис В.М. Ал-Идриси о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984.
12. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
13. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии древние времена. Т. 1–3. Алматы, 1998.
14. Вайнштейн С.М. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976, № 4.
15. Востров В.В., Муканов Е.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.). Алма-Ата, 1968.
16. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
17. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
18. Гугуев Ю.К. Рассказ Жана де Жуанвиля о похоронах знатного кумана // Тюркологический сборник. 2007–2008. М., 2009.
19. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 2002.
20. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. Труды Института Этнологии. Том 17. М.-Л., 1948.
21. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
22. Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху

средневековья. Киев, 1986.

23. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.

24. Доде З.В. Половцы в Дагестане: загадочный рельеф из Кубачи // Материалы изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1Х., Ставрополь, 2009.

25. Евстигнеев Ю.А. Численность казахских субэтнических групп (конец XIX века) // Краткое содержание докладов Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1993. СПб., 1994.

26. Евстигнеев Ю.А. Численность кыргызов в России (1897 г.). // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1996–1997. СПб., 1998.

27. Евстигнеев Ю.А. Субэтнические группы «кыпчак» (к вопросу этногенетической преемственности) // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999 гг. СПб., 2001.

28. Евстигнеев Ю.А. Численность субэтнических башкирских групп (1926 г.) // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999. СПб., 2001.

29. Евстигнеев Ю.А. Венгерские половцы // Лавровский сборник. 2008–2009. СПб., 2009.

30. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

31. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахстанских степей. Новосибирск, 2004.

32. Жаворонков П.И. Положение и роль этнических групп в социально-политической структуре Никейской империи // Византийский временник. № 56 (81). М., 1995.

33. Зеленский Ю.В. География половецких кочевий степного Прикубанья и Восточного Закубанья в домонгольскую и золотоордынскую эпоху // Историко-географический сборник. Выпуск 1. Краснодар, 2007.

34. Исмагулов О. Антропологические исследования родо-племенных групп казахов. М., 1973.

35. Исмагулов О. Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата, 1982.

36. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.

37. Кадырбаев А.Ш. Китайские источники по истории тюрков XII–XIV веков. М., 1991.

38. Казалиева К.Н. Этническая идентичность ногайцев России. Автореферат канд. диссертации. СПб., 2006.

39. Калоев Б.А. Поездка к кунам Венгрии // Полевые исследования ИЭиА РАН. Выпуск 112. М., 1993.

40. Камалов А.А. Кыпчакский этнический ареал в Башкирии. // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982.

41. Каргалов В. Русь и кочевники. М., 2008.

42. Кириков С.В. Человек и природа в восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX вв. М., 1979.

43. Кляшторный С.Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // Советская тюркология. 1972. № 1.

44. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 2005.

45. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

46. Кляшторный С.Г. Кипчаки // Большая Российская Энциклопедия. Т.13. М., 2008.

47. Князький И.О. Половцы в Нижнем Подунавье // Вопросы истории. 2000. № 3.

48. Комнина А. Алексиада. СПб., 1996.

49. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении аль Идриси. М., 1999.
50. Кульпин Э.С. Золотая Орда: судьбы поколений // Восток/Oriens. 2006, № 6.
51. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
52. Кумеков Б.Е. Об этническом составе кипчаков XI – нач. XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Выпуск II. История и археология. М., 1990.
53. Кумеков Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и Кыпчака XII – начала XIII в. // Известия НАН Республики Казахстан (Серия общественных наук), 1993, № 1.
54. Кумеков Б.Е. К кыпчакско-мадьярским связям // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995.
55. Курышжанов А.К. Махмуд Кашгари о кыпчакском языке // Советская тюркология. 1974, № 1.
56. Махова Е.И. Некоторые элементы киргизского национального костюма // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
57. Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII вв. М., 1998.
58. Насилов Д.М. Кыпчаки у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник. 2007–2008. М., 2009.
59. Октябрьская И.В. Теленгиты Республики Алтай // Археология, этнология и антропология Евразии. М., 2003. № 4(16).
60. Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
61. Павлов Пл. Куманы в общественно-политической жизни средневековой Болгарии (1186 – начало XIVв.) // Исторически преглед. 1990. Книга 7. (на болг. языке).
62. Плетнёва С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.
63. Плетнёва С.А. Половцы. М., 2010.
64. Попов А.И. Кыпчаки и Русь // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Выпуск 14. № 112. Л., 1949.
65. Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973.
66. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
67. Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955.
68. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Изд-во ЛГУ, 1984.
69. Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009.
70. Семенов И.Г. Этнополитическая ситуация в Хазарии в 830–850 гг. // Восток/Oriens. 2008, № 3.
71. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
72. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. Изд-во СПбГУ, 1996.
73. Слово о полку Игореве. М., 1974.
74. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа в XVIII–XX вв. М., 1989.
75. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982.
76. Торма И. Кунский языковой субстрат в венгерских диалектах // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы,

1995.

77. Тортика А.А., Михеев В.К., Кортнев Р.И. Некоторые экологодемографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994, № 1.
78. Фёдоров-Гусейнов Г.С. Кумыки из рода дагестанского. Махачкала, 2001.
79. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
80. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
81. Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
82. Фёдоров-Давыдов Г.А. Этнические процессы в Средней Азии в VIII–XV вв. (этнос и феодальное государство) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Выпуск 2. М., 1990.
83. Худяков Ю.С. Проблема генезиса древнетюркской культуры // Altaica III. М., 1999, с. 130–138.
84. Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // Советская археология. 1979, № 2.
85. Чеченов А.А. Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западнокыпчакским языкам. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1979.
86. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материале кыпчакского компонента. Ташкент, 1974.
87. Шаниязов К.Ш. Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период (процессы интеграции) // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
88. Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья // История СССР. 1978. № 2.
89. Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология. 1983. № 4.

№ 1. Физическая антропология средневековых и современных народов

№ 1

Районы и этническая принадлежность	Данные краниологии			
	I	II	III	IV
1. Районы реки Селенги VII–X вв.: пугу, тунло, баегу.	82,5	143,8	22,8	н.д.
2. Северный Алтай VII–X вв.: сеяньто с 744 г.	78,2	140,4	25,1	135,6
3. Южный Алтай VII–X вв.: карлуки (гэлолу).	82,5	141,4	25,3	135,6
4. Семиречье VI–VIII вв.: племена дулу, в т.ч. тюргеши на территории междуречья Чу — Или.	81,0	139,5	23,8	136,2
5. Верхнее Прииртышье VII–VIII вв.: кимаки.	81,0	139,7	27,6	136,7
6. Северный Казахстан VIII–XV вв.: угорские и тюркские, с XIII века и монгольские племена.	83,6	142,6	22,0	136,2
7. Западный Казахстан XI–XV вв.: кипчаки, с XIII века и другие тюркско-монгольские племена.	85,8	142,0	22,9	132,9
8. Половцы Нижнего Поволжья, XII век.	81,3	142,7	30,4	132,9
9. Курганы Нижнего Поволжья, этнос не ясен, возможно, потомки хазар и половцы.	84,4	141,3	28,3	132,2
10. Волгоградская область X–XII вв.: торки, позже половцы.	80,3	141,6	29,0	138,7
11. Украина X–XII вв.: печенег, позже половцы.	83,2	141,1	39,1	н.д.
12. Курганы у крепости Саркел IX–XI вв.: печенег, торки, позже половцы.	84,4	141,3	28,3	132,2
I. Казанские татары.	80,2	135,5	27,3	127,9
II. Казахи.	83,4	143,7	24,9	134,4
III. Узбеки Ташкента.	83,1	135,2	26,5	129,0

Условные обозначения:

I. Черепной указатель (80,0 и выше — брахикrania)

II. Скуловой диаметр (мм, 140 и больше — ширина скулы)

III. Зигомаксиллярный угол (130 и выше — степень уплощенности лица: малая, средняя и т. д.)

IV. Угол выступания носа (слабое выступление: 20–23° — признак «монголоидности», чем больше угол выпуклости, тем больше «европеоидности»).

№ 2. Этнический состав куманов/половцев/кыпчаков

№ 2

Половецкое поле	Дешт-и Кипчак	Примечание
Бурновичи	Бурлы, борилу	«народ волка»
Бурчевичи	Бурджоглу	то же самое ?
Етобичи	Йетоба	«семь родов»
Тёртробичи	Дуртоба	«четыре рода»
Токсобичи	Токсоба	«девять родов»
Кулобичи		
Куманы	Куманлу	
Емякове	Йимак, йемек	Кимаки
	Канглы	Канглы упом в XII в.
	Карабориклу	«чёрные шапковцы»
	Джорган	
	Котан, Котян или Кутень	Имя хана половцев-дортоба
Печенеги	Баджна	
Имена ханов — этнонимы (только в Поле Половецком)		
Аепа	Манкуроглу	Кимаки у горы Манкур (Улутау)
Алтунопа	Таг	
Арсланопа	Уз	Торки
Асуп/Асопа	Ас	Аланы
Урусоба		Урус — «Бой»
Ченегрепа		То же, что етоба

№ 3. Физическая антропология и численность современных кыпчаков

№ 3

Данные	Этносы			
	Башкиры ¹	Казахи ²	Киргизы ³	Узбеки ⁴
Скул. диаметр.	143,6 мм	147,3 мм	145,6 мм	144,0 мм
Эпикантус, %	29,2	24,0	61,7	28,4
Рост бороды	2,09 балла	1,42 балла	1,86	1,75 балла
Длина тела	164,9 см	165,8 см	166,2 см	164,9 см
Численность (тыс.)	41,0 (1926)	169,0 (1897)	14,5 (1897, в России)	128,0 (1924)

1 Акимов М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. Сб. ст. М., 1974., с. 77.

2 Исмагулов О. Антропологическое исследование родоплеменных групп казахов. М., 1973.

3 Миклашевская Н.Н. Соматологические исследования в Киргизии // Труды Киргизской АЭЭ, т.1. М., 1956.

4 Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.

№ 4. Краткие сведения о племенах, упоминаемых в книге

Источники: китайские хроники династий Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.), сочинения арабо-персидских авторов X–XII вв.

Общая литература (литература по конкретным народам приводится в конце сведений):

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–III, М.-Л., 1950.

Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II, Л., 1926.

БАСМЫЛЫ или басмалы (басими китайских источников).

Впервые упоминаются в «Истории династии Тан (Танши)» в 633 году по соседству с племенами бома, чумугунь и киргизами (енисейскими). В 659 году, после падения Западно-Тюркского каганата, бас-мылы упоминаются в районе современных городов Урумчи и Гучэна (близ последнего находилась ставка их вождя Бешбалык). В 703/704 году на басмылов совершает поход и в 714 осаждает их город Бешбалык тюркский каган Мочжо (Могилян). После падения второго Тюркского каганата, чему способствовали басмылы, карлуки и уйгуры, убившие в 742 году последнего кагана, вождь (идикут) басмылов был объявлен каганом, но через 2 года бывшие союзники убили и его. Вместо каганата басмылов образовался Уйгурский каганат (745 г.), а через 10 лет уйгурами были покорены и вошли в состав каганата и карлуки, и басмалы, причём уйгуры своих бывших союзников в сражениях заставляли идти впереди своей армии. В 840 году Уйгурский каганат пал, басмылы получили свободу, однако в Турфанской долине в 847 году образовалось новое государство (идикутство) с центром в городе Кара-Ходжо. В XI веке басмылы кочевали в Джунгарии по соседству с племенами каи, чумугунь и ябаку. Время образования басмылов точно неизвестно, их расовая и этническая принадлежность – тоже. Сама семантика этнонима (басмыл – «человек смешанного происхождения» (Бартольд, 1968, с.44), обилие групп, составляющих этот этнос («сорокаплеменными басмылами» названы они в уйгурской надписи из Могон Шине Усу, 760 г.), двуязычие басмылов (по свидетельству Махмуда аль Кашгари они говорили на «своём», т. е. нетюркском языке, возможно, иранской группы, но владели и тюркским) – всё это характеризует басмылов как объединение разных по этническому происхождению групп, возможно выходцев из иранских, тюркских и иных этносов – ведь на Восточном Тарбагатае, где сложились басмылы, обитали усунь и тохары, через этот хребет, двигаясь на запад, прошли северные гунны (Грумм-Гржимайло, 1926, том 2, с. 135). Кроме того, в период Тюркских каганатов и после их крушения басмылы приняли множество беженцев знатного рода Ашина (Грумм-Гржимайло, 1926, с. 256). Наличие у басмылов города и их смешанное происхождение стало причиной В.В. Бартольду полагать, что басмылы «едва ли не первый кочевой народ, перешедший к оседлости» (Бартольд, 1968, том 5, с.44). Однако во всех источниках вплоть до XI века басмалы фигурируют как кочевники, хотя и владели городами (Бешбалыком, например).

Литература: Бартольд В.В. Сочинение. Т.5. М., 1968.

КАИ. Судя по этнониму (монгольское «кай» означает «змея») и исконной территории

обитания (юг современной Маньчжурии, по соседству с киданями), каи были по происхождению киданям. М. Кашгари назвал каи племенем, имеющим «свой», близкий к киданьскому (Бартольд, 1968, т. 5, с. 205–206), язык, но говорившим и на древнетюркском языке. Расовая принадлежность каи неизвестна, хотя исходя из принадлежности их языка к монгольской группе, можно предполагать, что они относились к монголоидной расе: внешний облик их потомков в составе, например, башкир (этническая группа катай) был более монголоиден, чем тип других групп башкир. В 847 году, подвергнувшись нападению киданей, каи бежали на запад и обосновались среди тюркских племён, освоили их язык, сохраняя свой. В 1029 году аль-Бируни помещает их по соседству с енисейскими киргизами и кунами, на севере Джунгарии.

КИДАНИ (тюрки их называли «кытай», китайцы– «циданы»). Объединение восьми племён, говоривших на языке монгольской группы. Упоминаются в китайских источниках с IV века на территории между реками Ляохэ, Нэньцзян и Шара-Мурэн (на стыке границ современных провинций Хэйлунцзян, Гирин и Внутренняя Монголия, КНР). Киданьский язык, ныне исчезнувший (ему близок современный даурский язык), относился к монгольской группе языков. Относились к монголоидной расе. Входили в состав Тюркского и Уйгурского каганатов, после падения последнего (840 г.) обрели свободу и, создав в 907 году сильный союз восьми племён во главе с вождём Абути из рода елюй племени ила, провозгласившем себя императором Великого государства киданей (916 г.), стали проводить агрессивную политику в отношении своих соседей. Первыми подверглись нападению киданей соседние племена: часть их была покорена, часть изгнана (каи, например). В 926 году было подчинено государство племён мохэ (тунгусо-маньчжурской группы) Бохай (698–926 гг.) в Приамурье и Приморье, в 936 году захвачено 16 округов на севере Китая, в 1005 году покорены татары близ озера Буир-нур. Дальнейшую экспансию киданей на запад остановили уйгуры ганьсу (нападение на них киданей в 1010 году было отбито) и тангуты, образовавшие свои государства. В 947 году киданьское государство было объявлено империей Великое Ляо («Железное» по-китайски) и быстро стало перенимать китайскую систему государственности и культуру (ведь основу населения этой империи составлял народ, получивший в монгольском и русском языках название по этнониму киданей – китайцы). Уже в 920 и 924 годах были созданы две разновидности киданьской письменности («Большое» и «Малое» письмо) на основе китайских иероглифов. Под влиянием китайцев часть киданей занялась земледелием, ремеслом, стала государственными чиновниками. Кидани исповедовали шаманизм и были терпимы по отношению к другим религиям. Но в 982 году император и знать восприняли буддизм и политика двора к иным религиям изменилась. Инаковерующие, особенно христиане, которых было много не только среди горожан, но и кочевников, стали подвергаться гонениям. Это и многое другое вызывало массовые бегства христиан, восстания племён. В 1116 году восстали чжурчжени на севере Маньчжурии, начавшаяся с ними война завершилась в 1125 году поражением киданей. Часть киданей во главе с Елюй Даши ушла в степи Монголии и пройдя через них в Семиречье и Кашгарию, основала новое государство с центром в Баласагуне (Семиречье, 1140–1211 гг.), получившее название– Кара-Кытайское гурханство (в китайских источниках– Си Ляо). Оставшиеся в Китае кидани под гнётом чжурчженей активно помогали монголам в разгроме чжурчженского государства Цзинь (1234 г.), а выходец из когда-то правящего рода киданей Елюй Чуцай стал видным советником самого Чингиз-хана. В Северном Причерноморье киданей не было. В «поисках» киданей некоторые исследователи выводят их из имён

половецких ханов Китан и Китанопа, забывая или не зная, что тюрки называли киданей «кытаями», а не «китанами». Со временем кидани были ассимилированы китайцами и монголами на востоке, тюркскими народами на западе, образовав этнические группы кытай в составе кыргызов, катай – в составе башкир и ктай – узбеков и каракалпаков. Прямыми потомками киданей возможно являются дауры, небольшой народ, проживающий на севере Внутренней Монголии КНР. Лит.: Е Лун-ли. История государства киданей. М., 1979.

КИМАКИ. Этот этноним не известен ни в китайских, ни древнетюркских, ни в других иных источниках. Лишь в сочинениях арабоперсидских авторов, начиная с перса Ибн Хордадбега (820–913 годы его жизни) до «Природы животных» Шарафа аль-Марвази (1120 г.), они упоминаются постоянно. Развеять «тьму» вокруг кимаков несколько помог Абу Саид Гардизи (XI век), использовавший более ранние источники в своём труде «Украшение известий» о кимаках и их государстве. Согласно данным, приведённым в «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгари, йемеки (кимаки) говорили на диалекте западного наречия древнетюркского языка, их диалект был близок к кыпчакскому, но тождествен ему. Таким образом, это были разные этносы, а не две ветви (западная ветвь – кыпчаки и восточная – кимаки) одного этноса. Судя по территории расселения кимаков (преимущественно в среднем Прииртышье), данные о которой приведены в сочинении Гардизи, они отличались от кипчаков более европеодными чертами антропологического типа. Да и этногенез и ранняя история этих племён были разными – объединённые в одном государстве кимаки и кипчаки не слились в один народ. Кимаки, как и кипчаки, занимались скотоводством, но у них, точнее в их государстве, было развито земледелие и ремесло, были города и даже две столицы их государства. Археологами установлено наличие оседлых, возможно крупных, поселений, но развалин городов, таких как Суяб или Баласагун в Семиречье, как Янгикенд или Сыгнак на берегу Сырдарьи пока не обнаружено. У самих кимаков, по свидетельству Шарафа аль-Марвази (1120 г.), «нет селений и домов». Они «владеют чащами, лесами, водами, пастбищами. Много коров и овец, но нет верблюдов». У них «нет соли, её привозят взамен на меха лис и соболей». Наличие коров и мехов говорит о том, что кимаки занимались полукочевым скотоводством и охотой. В сочинении Гардизи о кимаках и их государстве много легендарного в их этническом происхождении и немало своеобразного в истории возникновения, в системе государственного устройства – вроде каганата (после падения Уйгурского каганата в 840 году) с 11 автономными областями, управляемыми наследственными правителями.

Возможно, какая-то группа кимаков (йемеков) была вовлечена в миграцию восточных тюрков на запад – в древнерусской летописи упоминаются «емякове», т. е. йемеки. Но может название племени или рода возникло из имени Емек, емековцы, емякове.

Лит.: Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. Ахинжанов С.М. Этногенетические процессы на территории Казахстана в конце I тыс. н. э. (кимаки и кыпчаки) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990, с. 106–117. Храковский В. Шараф аль-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения (АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1959, с. 208–218.

ТЮРГЕШИ (тюркск. – тургиш, китайск. – туциши). В 635 году в составе племён дулу (чумугунь, хулуву, нешети, шунити) упоминаются как «особое поколение» («особое», очевидно ввиду их близости к каганам из рода ашина) Западно-Тюркского каганата (603–657 гг.) туциши, кочевавшие на территории к северо-западу от столицы каганата города Суяб на реке Чу в Семиречье. Во второй раз тюргеши упоминаются в 659 году после захвата

китайцами территории Семиречья и деления её на военные округа. В то время тюргеши подразделялись на три группы – могэ и согэ в верховьях реки Или и алишэ к западу от них. В борьбе за независимость выделился вождь Учжилэ (Учалыг), сумевший к 690 году объединить все группы тюргешей и объявить себя их каганом – возник Тюргешский каганат со столицей в Суябе. В 706 году Учжилэ умер, передав власть своему сыну Согэ (Сакал). По мнению Л.Н. Гумилёва тюргеши сложились в этнос из двух различных этнических групп: мукри или могэ (потомки местного населения Семиречья) и аваров, бежавших после разгрома их тюрками к мохэ; мукри или могэ получили название «жёлтые» или «старшие», а потомки авар – «чёрные» или «младшие» (Гумилёв, 2003, с. 367). Однако его мнение, на мой взгляд, ошибочно. Дело в следующем: Согэ (Сакал), сын основателя Тюргешского каганата Учжилэ, правил в 708–711 гг., после его гибели в каганате было безвластие (711–715 гг.), затем правил Сулу (Сулук), правивший до 738 года. Деления тюргешей на жёлтых и чёрных в период правления Учжилэ и Согэ не было, оно отмечено в источнике во время правления Сулу или даже после него – ведь в «Танши» сказано: «согэвы потомки составляют жёлтый аймак, сулуево поколение составляет чёрный аймак» (Бичурин, 1998, с. 305). «Аймак – восточно-тюркское и монгольское слово, имеющее примерно одинаковое значение со словом иль. Оба слова первоначально означали племя, но употреблялись и для обозначения политического объединения». Автором определения этого термина приводится пример: Северная Монголия в XVI делилась на четыре аймака, называемых по именам их ханов (Бартольд, 2002, с.489). В случае с тюргешами имело значение понятие старшинства владетелей аймаков по отношению к основателю их каганата, т. е. Учжилэ. Исходя из этого аймак Сакала, сына Учжилэ, получил название «жёлтого» (т. е. «старшего», жёлтый цвет в средневековом Китае был императорским, символом власти), аймак Сулука стал именоваться «чёрным» (младшим, т. е. подчинённым старшему), что и обусловило их борьбу на власть в каганате. Таким образом, деление тюргешей носило не этнический характер, а административно-территориальный: старшие (жёлтые) занимали территорию по берегам реки Чу, где находилась столица каганата Суяб (ныне городище Ак-Бешим близ города Токмак в Чуйском районе Кыргызстана), младшие (чёрные) – земли в верховьях реки Или. Тем более, что этнически тюргеши подразделялись не на две, а три части: согэ и мохэ в верховье реки Или, а также алишэ к западу от них (659 год); следовательно, этническую основу аймака «жёлтых» составили алишэ, а «чёрных» – согэ и мохэ. Деление на две части было в традиции кочевых народов, в частности, деление первого и второго Тюркских каганатов – на тардушей и толисов, Западно-Тюркского каганата – дулу и нушиби. Интересно, но и исторические предшественники тюрков в Семиречье усунь также делились на два удела: старший, управляемый «старшим гуньмо», и младший – соответственно «младшим гуньмо» (Зуев, 1960). Вполне возможно, что роды старшего удела также назывались «жёлтыми» – ведь именно в Китае (у тюрков цветом аристократии был белый) жёлтый цвет был «императорским».

Упоминание об усунях исчезают в V веке, но их этноним утвердился в качестве наименования этнической группы в составе казахов Семиречья (Старший жуз), причём именно «жёлтые усунь» – сары-уйсын, их потомки – казахи, кочевавшие в песках Моинкум (ныне Моинкумский район Жамбылской области) Казахстана (Востров, Муканов, 1968). Что касается тюргешей, то со временем административно-территориальные (название «аймаков») термины «жёлтые» и «чёрные» стали обозначать этнические подразделения тюргешей, стали этнонимами сары– и кара-тюргеши, или просто сары и кара. С 711 года

тюргеши непрерывно воевали с восточными (орхонскими) тюрками, с арабами, завоевавшими Среднюю Азию, с соседними племенами карлуков до 766 года, когда были покорены последними. Падению Тюргешского каганата способствовала борьба за власть между «жёлтыми» и «чёрными» родами. В результате поражения западные тюргеши подчинились карлукам, восточные – уйгурам, но, вопреки мнению Л.Н. Гумилева, этнос не исчез. Потомки тюргешей упоминаются в «Худуд аль-Алам» (982 г.) и в сочинении Махмуда аль-Кашгари (ок. 1074 г.) под названием тухси, населявшие вместе с племенем чигиль Илийскую долину. Тюргеши, как и их потомки тухси, говорили на восточном (по Махмуду аль-Кашгари) наречии тюркского языка. В расовом отношении тюргеши относились к смешанному (между монголоидной и европеоидной расами) типу с преобладанием европеоидных черт. Район расселения тюргешей в настоящее время отличается обилием каменных изваяний, по форме (с сосудами в руках) и обилию женских фигур напоминающих половецкие статуи. По мнению специалистов, именно у тюргешей возник обычай установки подобных изваяний (Худяков, 1999, с. 134). В 1140 году Семиречье было завоёвано киданями, 1211 – найманами Кучлук-хана, 1218 – монголами. Район вошёл в состав Чагатайского (Джагатайского) улуса Монгольской империи и стал называться Могулистаном. Местные тюркские племена, став вассалами монголов, уцелели. В частности, тухси и чигили, обитавшие в Илийской долине образовали группу албан (монгольское – «служба») и их потомки продолжают проживать на той же территории. Согласно документальным источникам 1911 года в Джаркентском уезде Семиреченской области кочевали казахи «племени» албан, которые подразделялись на две группы: сары и чибыл (Востров, Муканов, 1968, с. 47–48 и 132). В чибылах не трудно «угадать» исторических чигилей, а вот сары – это потомки тухси, т. е. тюргешей, вернувшие свой древний этноним. Это, можно сказать, потомки половцев, принявших ислам и оставшихся в Семиречье.

Литература: Востров В.В., Муканов М.С. Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX– начало XX вв.). Алма-Ата, 1968. Гумилёв Л.Н. Тюргеши // Ритмы Евразии. СПб., 2003. С. 366–371. Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // Труды ин-та истории, археологии этнографии АН Казах. ССР, 1960, № 8. Худяков Ю.С. Проблема генезиса древнетюркской культуры // Altaica. Вып. III. М., 1999, с. 130–138.

УЙГУРЫ древние. Древние уйгуры известны в древнетюркских (орхонских) надписях и в китайских династийных хрониках «Суйтти (581–618 гг.), Танши (618–907 гг.) и в сочинениях арабо-персидских авторов под разными названиями: вэйху, хойху, токуз-огузы, тогуз-гузы. Длительное время, особенно в арабо-персидских источниках, они были известны как тогуз-гузы (токуз-огуз, т. е. «9 родов или племён»: йологэ или яглакар, гэса, аучжай, йовугэ, кюйлоу, мокэсигие, хасиеву, хувиньсо, худугэ по китайским хроникам) пока Махмуд аль-Кашгари не назвал уйгуров по их самоназванию. В составе племён теле («тележники» – собирательное наименование кочевых, преимущественно тюркских, племён в китайских источниках V–IX вв.) хойху и сеяньто были самыми многочисленными племенами и соперничали в борьбе за лидерство в степях Центральной Азии. Племена теле были в составе Тюркских каганатов (552–744 гг.), но, будучи беспокойными вассалами тюркских каганов, часто восставали и в союзе с китайцами разгромили последний Тюркский каганат. Став во главе восставших племён уйгуры создали свой Уйгурский каганат (745–840 гг.), в котором телесские племена, в том числе и куны, получили равные с уйгурами права. Другие кочевые племена, например, карлуки и басмылы, покорённые в 755 году, были вынуждены уйгурам поставлять «пушечное мясо», идя в бой впереди уйгурских воинов и получая меньшую часть

добычи.

Будучи кочевниками уйгуры, создав своё государство, строят города, в частности, на левом берегу Орхона была построена столица Кара-Балгасун или Орду-Балык, на месте которой спустя почти пять веков Чингиз-хан построил свою. Они постепенно переходят к оседлости, осваивают ремесла, а главное, в чём добились успеха, торговлю. Уйгуры дружат с Китаем, принимают буддизм и манихейство (последнее в 763–779 и 795–840 гг. было государственной религией Уйгурии), не ведут захватнических войн. Однако покорённые раньше племена, удерживаемые под властью кагана и привилегированных племён, не проявляли покорности, в 820 году восставшие енисейские киргизы 20 лет боролись за независимость и, наконец, сокрушили Уйгурский каганат (840 г.). Уцелевшие уйгуры бежали на юг, юго-запад, на запад. На новых местах были основаны государства с правителями из рода кагана (в 745–795 гг. правили каганы из рода яглакар, в 795–840 гг. – из рода эдиз). Основанные в 847 году государства просуществовали: в Ганьсу до 1036 года (разгромлено тангутами), в Турфане до 1209 года (оно в качестве вассала монголов было до 1369 года).

Расовая принадлежность уйгуров, ввиду отсутствия палеоантропологического материала, не известна. На китайском рисунке уйгурский мужчина изображён «с толстым носом, большими глазами и сильно развитой растительностью на лице и на всём теле и с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями» (Грумм-Гржимайло, 1926, с. 18). Описание человека явно европеоидной расы. Но автор рисунка китаец, человек монголоидной расы, а потому его изображение расовых черт несколько преувеличены, утрированы, притом нет описания такого важного показателя расы как выступание скул. Более объективным в определении расовой принадлежности этого народа является предположение о расово-смешанном, европеоидно-монголоидном, облике древних уйгуров, которые, подобно гуннам характеризовались сочетанием выступающего большого носа, европеоидный признак, с широким скуластым, монголоидным, лицом (Гумилёв, 2003, с. 387). Говорили уйгуры на диалекте восточного наречия тюркского языка (М.Кашгари). В результате тесных контактов с иранскими и согдийскими купцами и проповедниками (манихейства, несторианства), уйгуры создали свою письменность и оригинальную литературу, а также оказали заметное влияние на культуру скульптурных изображений. Прямыми потомками древних уйгуров, сохранивших древний язык, культуру и самоназвание являются юйгу (китайский эквивалент тюркского «уйгур»), проживающие в провинции Ганьсу, турфанцы также потомки древних уйгуров, но они говорят на новоуйгурском языке, исповедуют ислам и ещё в начале XX века называли себя «турпанлык (турфанцы)». Древние уйгуры являются одним из этнических компонентов в сложении современных уйгур Кашгарии, однако главными компонентами в этногенезе «новых» уйгур были: местное ираноязычное население края и пришедшие тюркские племена, главным образом, карлуки. Первые определили расовую основу их физического типа (европеоиды с небольшой примесью монголоидных черт), вторые – язык, карлукской (по Баскакову Н.Н.) подгруппы тюркской группы языков. А самоназвание «уйгуры» было принято представителями тюркского населения Восточного Туркестана (Синьцзян, Китай) на их съезде в Ташкенте (1921 г.) по предложению известного тюрколога С.Е.Малова.

Литература: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии. М., 1992; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. СПб., 2003.

ЯБАКУ. Этнос, известный в арабо-персидских источниках XI–XII вв. под тюркским прозвищем «ябаку», т. е. человек с длинными и взлохмаченными волосами, тем самым

Карта современного (XX век) расселения этнических групп кыпчаков (К.)

Изваяние женщины с девочкой (Луганская обл., XII век). Рисунок из статьи С.А. Плетневой «Женская половецкая статуя с ребенком». Советская археология. 1974, № 3, с. 258–264.

Приход половцев в Венгрию, вторая половина XIII в. (Венгерская Иллюстрированная хроника, 1358).

Двор венгерского короля Людовика (Лайоша) Великого. Куны справа (Венгерская Иллюстрированная хроника, 1358).

Реконструкция мужского костюма, выполненная на основе каменных половецких изваяний (по С.А. Плетневой). Из книги: Додэ З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.

Реконструкция женского костюма, выполненная на основе каменных половецких изваяний (по С.А. Плетневой)

Половецкое жилище («терме», в летописи – «вежи»). Рисунки из Радзивилловской летописи

Святылище кипчакского времени из Центрального Казахстана (из книги: Ермоленко Л.М. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004).

Автор с новым знакомым – куном, г. Карцаг, 2008.

Кунская девушка из города Карцаг (Венгрия, Надъкуншаг)

Примечания

1

Коня почитали настолько, что со смертью хозяина (обычно им был воин) его боевого коня убивали и хоронили рядом (слева от трупа).

2

Напр., Б. Кумекова в статье «К кыпчакско-мадьярским связям» // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX., XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995. – С. 71.